

Министерство образования и науки Российской Федерации
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Институт зарубежной филологии и регионоведения

**Культурное наследие традиционных сообществ
в контексте мировой цивилизации:
проблемы перевода и межкультурного диалога**

**Материалы Всероссийской научной конференции
(с международным участием),
посвященной 60-летию СВФУ им. М.К. Аммосова**

г. Якутск, 10-11 ноября 2016 г.

Якутск
2016

УДК 80 (063)
ББК 80/84я43

Редколлегия:

А.А. Находкина, к.филол.н., доцент (отв. ред.),
С.Н. Павлова, доцент

Культурное наследие традиционных сообществ в контексте мировой цивилизации: проблемы перевода и межкультурного диалога : материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 60-летию юбилею СВФУ им. М.К. Аммосова (г. Якутск, 10-11 ноября 2016 г.). – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2016. – 292 с.

ISBN 978-5-7513-2340-0

В сборнике собраны материалы исследований, посвященных изучению национально-культурных аспектов перевода устных и письменных произведений традиционной культуры малочисленных народов РС (Я), народов Российской Федерации и других народов мира. В статьях представлено подробное описание способов перевода иноязычных текстов национальной культуры, описываются современные методы и технологии сохранения и популяризации знаний о достояниях национальной культуры.

Предназначен для переводчиков и переводоведов, лингвистов и филологов, историков, культурологов, а также студентов и аспирантов, обучающихся по направлениям «Филология» и «Лингвистика».

УДК 80 (063)
ББК 80/84я43

ISBN 978-5-7513-2340-0

© Северо-Восточный федеральный университет, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник составлен по материалам научной конференции «Культурное наследие традиционных сообществ в контексте мировой цивилизации: проблемы перевода и межкультурного диалога», которая состоялась 10-11 ноября 2016 года на базе Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-04-14054.

Организаторами данной конференции выступили Институт зарубежной филологии и регионоведения СВФУ, тематическая сеть Университета Арктики «World Images of Indigenous peoples of the North», Союз переводчиков России, Якутское региональное отделение СПР.

В сборник включены научные изыскания в области перевода с якутского, алтайского, бурятского, монгольского языков и языков традиционных сообществ Севера на английский, японский, якутский, русский, языки. Цель исследований – выявление и всестороннее изучение особенностей поэтики текстов разного жанра, начиная с библейских, исторических до тюрко-монгольских и северных эпосов, типологии переводческих особенностей и способов перевода.

Представленные статьи охватывают широкий спектр вопросов традиционных сообществ – от социально-экономических проблем развития коренных малочисленных народов до межэтнических особенностей в музыкальном фольклоре русских старожилов и северного эпоса Нимкан. Интерес вызывают статьи, посвященные лексикографическим вопросам – о создании этнолингвистических словарей татарского языка, сводного корпуса лексики русских старожилов Якутии, ассоциативных словарей и отражении в них значения как социокультурного феномена, эвенкийско-английского словаря, а также статьи по программному обеспечению для перевода тюркских языков, машинному переводу с якутского языка.

*А.А. Находкина,
ответственный редактор.*

БИБЛИЯ НА ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПРИМЕР ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

С.А. Мусалимас

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
i@oxfordu.net*

***Аннотация.** В 19 в. якутский (саха) язык был преобладающим в Якутии. Это описывается в первоисточниках той эпохи, цитируемых в данной статье. В этих условиях в 17 в. начинает распространяться православие. К 1918 г. большинство представителей приходского духовенства и монашества были русско-якутского или якутского происхождения. Согласно данным цитируемых исследований, к тому времени в Якутии насчитывалось 134 православных церкви. В 1853 г. Св. Иннокентием (Вениаминовым) была организована комиссия по переводу православной литературы на якутский язык. Данная православная литература представляла собой мировую литературу, в том числе Псалтирь, датой написания которой считается период с 11 по 10 в. до Р.Х., Святое Евангелие, написанное в 1 в. от Р.Х., и Священная Литургия, составленная в 4 в. от Р.Х. Русской Православной Церковью были опубликованы большие тиражи переводов на язык саха, а также грамматика и буквари этого языка. Описание данных публикаций приводится на основании цитируемых библиографических исследований. Основываясь на демографических, литературных и этнографических материалах, в данной статье обосновано положение о том, что перевод мировой литературы усилил и без того сильные позиции якутского языка в международном контексте в 19 в. и открыл возможности для динамической интеграции культуры как целостного образования в конкретную мировую цивилизацию – Православие – через межкультурный диалог.*

Ключевые слова: якутский язык, саха, Православие, Православная Церковь, Библия, Евангелие, перевод, Вениаминов.

THE BIBLE IN YAKUT: AN EXAMPLE OF TRANSLATION AND INTER-CULTURAL DIALOGUE

Abstract. *In the 19th century the Yakut (Sakha) language was a dominant language in Yakutia. Given these circumstances, orthodoxy began to spread in the 17th century. By 1918, the majority of church and monastery representatives were of Russian-Yakut or Yakut descent. The data sources cited in this research shows that by the time mentioned earlier, there were 134 Orthodox churches in Yakutia. In 1853, St. Innokentiy (Veniaminov) organized a committee on the translation of religious literature into the Yakut language. The Orthodox literature was an example of world famous literature, including the Psalter, which is considered to have been written some time between the 10th and 11th century BC, the Holy Testament which was written in the 1st century AD, and the Holy Eucharist, compiled in the 4th century AD. The Russian Orthodox Church had published large editions of the Yakut translations as well as grammar books and primers in this language. These publications are described based on the cited bibliographical data research. An overview of the demographic, literary and ethnographic materials presented in this article states that the translation of international literature has significantly strengthened the existing strong position of the Yakut language in the international context of the 19th century and gave an opportunity for a dynamic integration of culture as an integral phenomenon of a given world civilization: Orthodoxy through the international dialogue.*

Keywords: *Yakut language, Sakha, orthodoxy, Orthodox church, the Bible, the New Testament, translation, Veniaminov*

Прочное положение якутского языка

В 1842 г. иностранец, прибывший в Якутск, был изумлен: русские и якуты одинаково разговаривали на якутском языке в руководящих кругах городского общества. Во время своего исследовательского путешествия по просторам России сэр Джордж Симпсон, главный губернатор Компании Гудзонова залива, был приглашен в Якутск И.Д. Рудаковым,

губернатором Якутской области. Прием совпал с именинами одного из сыновей Рудакова. Около двадцати пяти человек были приглашены на ужин. Как отмечал Симпсон, «стол был отличным: супы, рыба, говядина, телятина, дикая и домашняя птица, большой выбор выпечки, печений и мороженого, и все это в изобилии сопровождалось винами» [15]. К вечеру собралось еще большее количество людей, пришедших на последовавший бал у областного губернатора, где собралось «более шестидесяти или семидесяти дам». Все высшее общество города до самого раннего утра танцевало вальс и кадрили - модные танцы той эпохи, и главным языком общения одинаково являлись русский и якутский языки. Как отмечал Сэр Симпсон, «русские также свободно владели якутским языком, как и родным русским, в особенности те, кто родился и вырос в этой местности».

Спустя десять лет, в 1852 г. Архиепископ Иннокентий (Вениаминов) сообщал, что якутский язык является господствующим языком в Якутской области: «Основной язык в Якутской области есть якутский» [1. С. 476; 14. С. 601]. Он объяснял, что «...и самые русские, крестьяне амгинские и другие забывают и уже очень многие забыли язык отцов своих; и даже из самых жителей Якутска очень многие гораздо свободнее и охотнее говорят по-якутски, чем по-русски. Двухвековой опыт показал, что якуты, несмотря на то, что в самых их улусных Управлениях дела производятся на русском языке, и довольно многие читают сами русские молитвы и проч., при настоящем положении обстоятельств, никогда не переменяют своего природного языка на русский, ... напротив того, наехавшие к ним русские волею и неволею принимают их язык».

В конце того же века, в 1895-96 гг. Епископ Мелетий также назвал якутский язык преобладающим в Якутской области: «Якутский язык является господствующим» [11. С. 10]. Он говорил, что священники, родившиеся здесь, разговаривают на якутском так же хорошо, как на русском: «как знающие этот язык не хуже своего родного». Он добавлял: «Дети того же духовенства, с малолетства выросшие в якутской среде с такими же сверстниками, поступают в духовное училище чистыми якутенками, незнающими русского языка...». Он добивался продвижения билингвизма путем преподавания русской грамоты, поскольку он видел, что русский язык открывает для якутского народа путь к науке и мировой цивилизации: «Усвоение русского языка будет ключом ко всем

сокровищам премудрости и знаний, заключающихся в Слове Божиим и науках, процветающих в нашем возлюбленном Отечестве» [11. С. 13]. Он также указывал на необходимость изучения наук на якутском языке: «Следовательно, все науки они должны усвоить от русских, но не иначе, как через усвоение русского языка, при посредстве родного – якутского» [11. С. 7]. Он настаивал на том, чтобы священнослужители использовали якутский язык [11. С. 10], продолжая работу по переводу и публикациям на этом языке. В период его служения епископом в Якутске, в периодически издаваемых «Якутскія епархіальнія вѣдомости» публиковались статьи как на якутском, так и на русском языке. К примеру, в начале двадцатого века, в 1907 г. на заре власти губернатора Ивана Крафта, в Якутске издавалось литературное и политическое периодическое издание на двух языках под названием «Якутский край / Саха дойдута» [7].

Перевод Библии. Дальнейшее укрепление положения языка

При таких условиях православие было распространено в Якутии, и Библия была переведена на якутский язык в 19 в., что содействовало дальнейшему укреплению положения якутского языка в международном контексте.

Православие начало свое распространение на территории Якутии в 17 в. с первыми поселенцами, исповедовавшими его. По предположениям Е.П. Гуляевой, активное принятие веры могло наблюдаться в начале 19 в., в основном, в 1810-х гг. [3. С. 10; 13. С. 607]. Согласно исследованиям И.И. Юргановой [10. С. 20], большинство церквей было построено в конце 19 в. В 1918 г. количество православных церквей достигло 134. Представители духовенства православной церкви в начале 20 в. были в основном якутского или русско-якутского происхождения: около 77% приходского и монашеского духовенства были местными представителями Якутской области и более 33% были якутами [10. С. 188].

Данная статистика показывает, что Православная церковь была частью общественного устройства в Якутии, но она не подразумевает, что каждый житель Якутии был активным сторонником православия. Существовали различные мотивы принятия веры в Якутии [3]. Тем не менее были явные сторонники веры, которые ратовали за строительство церквей, ввиду того, что «якуты сами просят разрешения строить церкви»

согласно записям епископов Якутской и Вилуйской Епархии во время активного подъема строительства церквей в конце 19 и начале 20 веков [10. С. 20]; также были сторонники, которые содействовали строительству этих церквей, и те, которые становились священниками, их жены, а также монахи. В этой связи можно привести биографии некоторых личностей, например, Петра Фрументьевича Андросова, память о котором по сей день хранится в селе Танда Усть-Алданского улуса [8]. Покинув свое родное село, Андросов прошел путь до святой Горы Афон, где стал схимонахом (высокодуховный сан монашества в Православии, что означало особо высокую духовность). Немногие люди могли достичь такого сана. Он скончался в этом духовном сане под именем Схимонаха Павла в Русском монастыре Святого Пантелеймона на святой Горе Афоне в 1902 г. На основе приведенного примера и, в дальнейшем, факта об активном и преимущественном употреблении якутского языка, статистики о церквях и духовенстве можно утверждать, что православие не было чуждым Якутии и являлось частью общественного устройства.

Исследование истории перевода было начато Е.П. Гуляевой, которая более двадцати лет тщательно изучает хронологию и количество якутских публикаций, изданных с начала 19 в. до 1916 г. Соответственно [4. С. 10; 13. С. 607-608], первая книга на якутском языке «Молитвы. Символ Веры и Заповеди Божьи» была напечатана в Иркутске в 1812 г. (в то время Якутия принадлежала Иркутской епархии). Затем в 1819 г. в Иркутске был издан «Сокращенный катехизис» на якутском языке. Его второе издание было опубликовано в Иркутске в 1921 г. на двух языках: якутском и русском, а новое двуязычное издание было опубликовано в Санкт-Петербурге в 1844 г.

(Необходимо отметить, что первый подлинный труд на якутском языке был опубликован в Санкт-Петербурге Российской академией наук в 1848 г. и назывался «Мемуары Уваровского», а первая копия частей якутского олонхо, переписанная Бётлингком и собранная Миддендорфом, был напечатана Российской Академией наук в 1849-1851 гг.

Импульсом к росту переводов и публикаций на якутском языке явилась работа архиепископа Иннокентия (Вениаминова). Якутия вошла в состав его обширной архиепархии в 1852 г. В своих записях Иннокентий (Вениаминов) указывал на преобладание якутского языка [1. С. 476; 14. С. 601], о чем упомянуто выше. Он относился к этому положитель-

но и в 1853 г. незамедлительно создал в Якутске комитет по переводу, деятельность которого была плодотворной. Спустя два года, в 1855 г., комитет получил разрешение публиковать переводы в Печатном Доме при Московском Синоде за счет средств Священного Синода. Печатание следующих книг на якутском языке началось в Москве в 1857 г. под руководством протоиерея Дмитрия Хитрова из Якутска и завершилось в 1858 г. [4. С. 13; 13. С. 609-610]: «*Священное Евангелие*» (600 экземпляров), «*Деяния Святых Апостолов и Послания*» (200 экземпляров), «*Божественная Литургия святого Иоанна Златоуста*» (300 экземпляров), «*Канонник*» (набор молитв, 300 экземпляров), «*Часослов и Псалтырь*» (300 экземпляров), «*Указание пути в Царствие небесное*» и «*Поучения*» (400 экземпляров), Краткая грамматика якутского языка (600 экземпляров) и «*Якутско-русский учебник*».

Помимо «Грамматики якутского языка», было издано в 2-3 раза больше экземпляров Евангелия по сравнению с другими трудами. Примечательно, что Священный Синод Русской Православной Церкви выпустил «Якутскую грамматику» для школ в том же количестве, что и Евангелие. Грамматика якутского языка преподавалась в школах для всех детей.

Надо признать, что Евангелие является наилучшим произведением мировой литературы, которое датируется 1 веком н. э. и включает в себя первые части Нового Завета Библии. Это творение распространено во всем мире, его читали на протяжении многих веков. Евангелие упоминается и отражается в различной прозе, поэзии, скульптуре, живописи, а также в музыке - европейской, азиатской, американской, африканской.

Божественная литургия Иоанна Златоуста также является частью мировой литературы. Датируемая 4 веком н.э., она имеет более раннее происхождение и еженедельно совершается на многих языках по всему миру. Что еще примечательного происходило в России, пока Божественная литургия переводилась на якутский язык? К примеру, Н.В. Гоголь завершил написание «Размышления о Божественной литургии», а П.А. Чайковский сочинял хоровую музыку к Божественной литургии. Когда Божественная литургия была впервые полностью совершена на якутском языке Архиепископом Иннокентием (Вениаминовым) 19 июля 1859 г. в Свято-Троицком Соборе Якутска, якутские тойоны из соседних улусов с тех пор провозгласили этот день национальным праздником в ознаменование данного события [9].

В 1861 г. Епархия Якутска и Вилюйска основала в Якутске издательский дом, а Русская православная церковь продолжила работу над переводами и их изданием с конца 19 по 20 в. Были переведены и выпущены и другие тексты православной литературы на якутском языке. К концу 19 в. вышел в свет Новый Завет Библии от начала и практически до конца в виде серии редакций, одновременно с некоторыми особо значимыми книгами Ветхого Завета и собранием других духовных сочинений, включая богослужебные книги (поэтические трактаты и правила богослужения для чтения в церквях и дома). Также было издано множество школьных пособий. Позднее был выпущен учебник истории на якутском языке наряду с обновленными изданиями «Якутской грамматики». Было установлено сотрудничество между якутским и казанским комитетами по переводу, приглашались лингвисты из Москвы для участия в текущих работах. Переводы тщательно проверялись и издавались повторно для улучшения качества литературного языка, а также алфавита, орфографии и полиграфии [4; 13].

Улучшение качества перевода и повышение количества изданий были непрерывным процессом деятельности Русской Православной Церкви, который прервался лишь с разрушением Епархии последователями атеизма в середине 20 в. Когда Епархия была восстановлена в 1993 г., работа, в конечном счете, возобновилась и продолжалась до издания авторизованного перевода полного Нового Завета на современный якутский язык в 2008 г., а также Псалтыря в 2009 г. (все за авторством Епархии). Версия Божественной литургии также была выпущена Епархией на современном якутском языке для использования в настоящее время в церквях. Более того, недавно был опубликован авторизованный перевод Притчи Соломона на современный якутский язык [2] (поскольку Соломон был представлен в виде мудреца и героя в якутских народных преданиях 19 в., а также в некоторых произведениях якутской литературы 20 в., в частности, в работе Ойунского (П. А. Слепцова) «Соломон мудрый» [6]).

Перевод Нового Завета на современный якутский язык был отредактирован самим Д.К. Сивцевым-Суорун Омоллооном, народным писателем Якутии. Он также написал «Предисловие» на якутском языке, которое было опубликовано после смерти писателя [12]. В данной работе,

которая, несомненно, является вкладом Суоруна Омоллоона, живо показано слияние якутского языка с творением мировой литературы, с одной стороны, а также творческий подход автора при переводе подлинной литературы на якутский язык, с другой стороны. (Писатель занимался переводом в последние годы своей жизни. Он родился в 1906 г. и ушел из жизни в 2005 г., оказавшись свидетелем всех перипетий 20 в. Таким образом, в конце своей жизни он смог преподнести нам живую картину событий начала 20 в., созданную представителем той эпохи, глазами очевидца полной истории).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в 19 в. Русская православная церковь провела колоссальную работу по переводу и публикации церковной литературы на якутский язык, что явилось основой якутской литературы, которая расцвела, обретя живость и оригинальность за последние десятилетия 19 в., развиваясь в дальнейшем. Об этом свидетельствуют хронология и огромный объем работы: количество литературы, изданной на якутском языке, выпуск специалистами учебников по грамматике, обучение якутскому языку в школах под руководством служителей церкви, стремление к прилежности в совершенствовании текстов (труднодостижимая, но вместе с тем замечательная цель). Все это содействовало дальнейшему укреплению без того сильной позиции якутского языка в международном контексте того времени.

Возможность как результат

В результате возникает возможность для динамической интеграции якутского народа как целостного субъекта в конкретную мировую цивилизацию – православие (внутри России, но как части России). Как? Через межкультурный диалог на примере многих стран, которые охватывают более широкий православный мир и на основе прочных исторических практик, включая Святых Кирилла и Мефодия. В данном случае эта возможность была доступна в начале 20 в. при устойчивой позиции якутского языка и распространении православия в тот период. Она была прервана последователями атеизма, но была возрождена в конце 20 в. Сегодня ее затмило агрессивное неоязычество. Тем не менее возможность интеграции существует и остается открытой. Будет ли она признана и принята? Или она будет утрачена, история и диалог забыты,

неразвитые корни отрезаны, а особенная якутская (саха) православная культура уничтожена?

Литература

1. Вениаминов, И. Записки о разных предметах, касающихся церквей и причтов по Якутской области. 1852. 5 июня / Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов) // Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири. – Т. 3. – Москва : Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. – С. 475-483.

2. Впервые в истории вышла в свет Книга Притч Соломона на якутском языке // Православная Якутия. – 2016. – 13 ноября [Электронный ресурс]. URL: http://pravuyakutia.ru/content/Pritch_translation_presentation.html (дата обращения: 15.11.2016).

3. Давыдов, З. Русской православной церкви в Якутском крае. [Electronic resource] / Епископ Якутский и Ленский Зосима (Давыдов) // Православие-RU. – 2006. – 14 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/684.html> (дата обращения: 22.06.2016).

4. Гуляева, Е.П. Книга в Якутии, 1812-1917 г. / Е.П. Гуляева, С.В. Максимова ; Министерство образования и науки Российской Федерации // Сводный каталог Якутской книги (1812-1917 гг.). – Новосибирск : Наука, 2015. – С. 10-24.

5. Лукин, Р. Якутия и Афон: Общедоступная лекция архиепископа Романа в библиотеке г. Нерюнгри / Архиепископ Якутский и Ленский Роман (Лукин) // Православная Якутия. – 2016. – 5 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://pravuyakutia.ru/content/sakha-athos-lection-nerungri-library.html> (дата обращения: 22.06.2016).

6. Притчи Соломона на якутском языке. Разговор с переводчиком // Якутия. – 2016. – 26 мая. – № 55 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazetayakutia.ru/index.php/component/k2/item/21273-pritchi-solomona-nayakutskom-yazyke-razgovor-s-perevodchikom> (дата обращения: 22.06.2016) ; Православная Якутия. – 2016. – 27 мая [Электронный ресурс]. URL: http://pravuyakutia.ru/content/Pritchuy_PerevodBiblii2.html (дата обращения: 22.06.2016).

7. Реформатор земли Якутской Иван Иванович Крафт, 1861-1914. / сост. А.А. Калашников; под ред. Ю.В. Заболева и др. – Якутск : Медиа-холдинг «Якутия», 2011. – С. 33.

8. Смирнов, Н. Письмо Е.К. Колодезникову / Настоятель Афонского подворья в Москве игумен Никон (Смирнов) // Архив МКУ Тандинского историко-архитектурного музея, Усть-Алданский улус, Республика Саха (Якутия).

9. Степанова, Н.С. Краткий обзор документов о деятельности Свт. Иннокентия (Вениаминова) / Н.С. Степанова, П.И. Корякин // Межрегиональная научно-практическая конференция «Наследие Святителя Иннокентия (Вениаминова) и Православной миссионерской деятельности в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях» / Министерство культуры Российской Федерации. – Иркутск, 2016.

10. Юрганова, И.И. Церкви Якутии: краткая история. – 2 изд. – Якутск : Якутская епархия, 2010. – 400 с.

11. Якимов, М. Записка о введении русской грамотности между инородческим населением Якутской области / Епископ Якутский и Вилюйский Мелетий (Якимов) // Якутское Церковное Братство во имя Христа Спасителя въ 1894/95. – Якутск : Типографія Якутск. области, 1995. – С. 4-18 ; Сидоров, О. Якутское церковное братство и епископ Мелетий // Илин. – 2011. – № 1-2 [Электронный ресурс]. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2011-12/52.htm> (дата обращения: 22.06.2016).

12. Суорун Омоллоон. Аан тыл. / Д.К.Сивцев-Суорун Омоллоон // Сага кэс тыл. – Москва : Библия тылбааһын института (Институт перевода Библии), 2008. – С. 7-8.

13. Gulayeva, E.P. Publishing Activity of the Russian Orthodox Mission in Yakutia 1812 – 1916 // Greek Orthodox Theological Review. – 1999. – Vol. 42, issues 3-4. Pp. 607-615. EBSCO Publishing. URL: <http://connection.ebscohost.com/c/articles/6157657>.

14. Shishigin, E.S. Prelate Innokentii (Veniaminov) and Yakutia. // Greek Orthodox Theological Review. – 1999. – Vol. 42, issues 3-4. – Pp. 597-605. EBSCO Publishing. URL: <http://connection.ebscohost.com/c/articles/6157342>.

15. Simpson, G. An overland journey round the world during the years 1841 and 1842. – Part 2. – Philadelphia: Lea and Blanchard, 1847. –Pp. 306-307.

**ЖИТЕЛИ ТУНДРЫ С ФРАНЦУЗСКИМ ТЕМПЕРАМЕНТОМ:
РАННИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ О ТУНГУСАХ
И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПЕРЕВОДАХ**

Ян Борм,

Университет Версаль Сент-Кантен-де-Ивелин, г. Париж, Франция

**THE FRENCH OF THE TUNDRA:
EARLY MODERN EUROPEAN VIEWS OF THE TUNGUS
IN TRANSLATION**

Луи де Жокур, французский ученый-просветитель, внесший значительный вклад в составление «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел», в своей статье, посвященной татарам, которая вошла в 15-й том, писал: «Tous les Toungouses en general sont braves & robustes» [1]. В переводе с французского эта фраза означает, что «все тунгусские народы в большинстве своем смелые и выносливые», или лучше сказать «отважные и выносливые»? Безусловно, важнейшую роль в данном контексте играет понятие «смелость» [2]. Под французским словом «Toungouses» Луи де Жокур подразумевал «тунгусские народы», так как он в своей статье упоминает четыре группы тунгусских народов [3]. Как отмечают Алисон Е. Мартин и Сюзан Пикфорд, каким бы ни был правильный вариант перевода, важно открыто подчеркнуть, что связующей нитью между путевыми заметками и этнографией «является интерпретация или толкование иноязычных культур и сообществ, в то время как перевод несколько искажает дальнейший процесс интерпретации». Последнее происходит независимо от того, насколько переводчик попытался максимально близко (а может, и не в полной мере) передать смысл исходного текста [5]. Учитывая малое количество достоверных данных о Сибири, имеющихся в раннюю эпоху Просвещения, первые письменные упоминания о тунгусских и других малочисленных народах Сибири на европейских языках были весьма сенсационными. В действительности,

Сибирь являлась для западноевропейского общества XVII в. «неизвестными землями, поскольку описания, приведенные Сигизмундом фон Герберштейном, Исааком Масса, Адамом Олеарием и даже Николаасом Витсенем, были полностью основаны на информации, полученной из чужих уст», как отмечает Михаэль Хундт в предисловии к переизданной книге рассказов Избранта Идеса и Адама Бранда [6]. Приведем один из примеров такого упоминания тунгусских народов (отрывок из известной антологии о путешествиях Исаака Масса (1586-1643?), которая была издана на английском языке под названием *His Pilgrimes* («Его пилигримы»), под редакцией Сэмюэля Печеса (1577?-1626)), благодаря которому развилось такое представление у европейцев на раннем этапе развития современной Европы: «Эти люди были обезображены опухолями на горле, и они издавали клокочущие звуки, как индюки. Казалось, их язык не сильно отличается от самодийских языков, которые также могли понять множество тунгусских слов» [7].

Располагая такими данными, не стоит удивляться, что рассказы Избранта Идеса и Адама Бранда вызвали такой общественный резонанс, поскольку их путевые заметки были основаны на личных наблюдениях, о чем свидетельствует множество изданий их рассказов, в том числе нескольких переводов [8]. Избрант Идес (1657-1708/9?) был главным уполномоченным представителем царя в Китае в период с 1692 по 1695 г. Однако в 1698 г. именно Адаму Бранду, сопровождавшему тогда Идеса, удалось опубликовать первое полное издание рассказов об этом путешествии [10]. Английская версия издания была выпущена в этом же году в Лондоне [11], за ним в 1699 г. последовало издание на французском языке [12], а в 1707 г. вышло издание на голландском языке, а также краткое изложение на испанском языке в 1701 г. Новое и значительно дополненное издание на немецком языке вышло в 1712 г., было переиздано в 1723 и 1734 гг. Позднее длинные отрывки были включены в многочисленные онтологии путевых заметок. Что касается заметок Избранта Идеса, то они были опубликованы в полном объеме на голландском языке в 1704 г. [13], переведены на английский в 1706 г. [14] и на немецкий в 1707 г. [15]. Если говорить о французском издании заметок Идеса, большая часть из них была включена в антологию «*Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes orientales*» в 1718 г. [16],

а уже наиболее полная версия была издана Жаном Фредериком Бернаром в коллекции рассказов «*Recueil de voyages au Nord*» [17].

Подобного рода переводы сыграли важнейшую роль в распространении (нового) знания о других культурах в XVIII в. и, как отмечает Брунгильда Вехингер, «переводы являются неотъемлемой частью в передаче культуры. Он придал эпохе европейского Просвещения ее межкультурный характер и открытость, пополняя знания появляющегося образованного и читающего общества, отличающегося своим неподдельным интересом ко всему новому и культурному развитию европейских стран» [18]. Целью [в то время] было как можно быстрее передать новый появившийся материал и изложить его в доступной для понимания публики форме. Проблема заключалась в возможной дихотомии между точностью и эlegantностью перевода, то, о чем говорил Вольтер в своей речи на приеме во французской академии наук в 1746 г. [19]. Переводчики должны были подстраиваться под вкусовые предпочтения читающей публики, которые были продиктованы эстетическими нормами французского классицизма первой половины XVIII в. Французские переводчики первой половины XVII в. черпали вдохновение исходя из принципа, обозначаемого понятием «*belles infidèles*» («красивые неточности») [20]. Их целью было перенять манеру, а не симитировать, как тонко выразился на этот счет Эммануэль Бэри [21]. Такой настрой, или дух, царил во французских переводах первой половины XVIII в., несмотря на то, что такой жанр, как «*belles infidèles*», уже к 1660 г. прекратил свое существование [23]. Тем не менее Алисон Е. Мартин и Сюзан Пикфорд, которые рассматривают такое явление как переход к буквализму в период романтизма, считают, что «свободный, творческий стиль перевода *belles infidèles* хотя и не являлся общепризнанным, тем не менее, сформировал подходы к переводу во всей Европе» [24]. Казалось бы, так и обстоит ситуация в целом, однако, как утверждает Одиль Ганье, те отклоняющиеся от общих правил действия, которые были готовы предпринять переводчики путевых заметок, были продиктованы не только подходом «*belle infidèles*» [25]. Содержание, в таком случае, считалось бы важнее формы [26]. Тем не менее стилистические приукрашивания не только неизбежны, они являются неотъемлемой частью повествовательной манеры книг о путешествиях. Здесь также стоит отметить тот факт, что описания

путешественников - исследователей эпохи Просвещения были склонны к приукрашиванию, а в отдельных случаях и вовсе отредактированными до лоска либо профессиональными писателями, либо самими путешественниками, чтобы угодить вкусовым предпочтениям того времени. В случае с переводами такие усилия были еще более заметными, поскольку переводчики/редакторы, абсолютно того не стесняясь, либо урезали оригинал, либо приукрашивали его, либо добавляли в него свои комментарии. Все это делалось во имя угоды получателю текста, чтобы оправдать предполагаемые ожидания читающей публики и чтобы избежать самого страшного, того, что по-французски называется *l'ennui*, то есть наскучить читателю [27]. Безусловно, мы здесь далеки от рассмотрения современного понимания авторства и аутентичности, однако этот факт не должен препятствовать нам при чтении путевых заметок того периода в переводе. Важно также отметить, что разные издания переводов путевых заметок периода раннего модернизма могут значительно отличаться друг от друга. Это явление необходимо более тщательно учитывать при обсуждении влияния путевых заметок периода раннего модернизма на общество и распространения образа зарубежного народа, в данном случае тунгусского, по всей Европе.

Возвращаясь к работам Идеса и Бранда, Одиль Ганье приводит работы Бранда в качестве примеров переводов, которые были опубликованы не только с целью представления новой ценной информации для ученых, желающих расширить свой кругозор и выработать еще более замысловатые и разносторонние формы своих философских учений и сочинений об истории и человечестве в целом, но еще и потому что их труды были интересны тем, кто любил читать про случаи наблюдения за «экзотической» манерой поведения [28]. Здесь мы повторим мысль о том, что путевые заметки Идеса и Бранда таили в себе манящую за собой кладезь знаний, поскольку авторы, казалось бы, находились в том положении, когда они могли утверждать, что они действительно видели все ими описываемые явления своими глазами, независимо от того, насколько точно переводчик/редактор мог обработать текст для получателей перевода. Независимо от того, насколько языческим народом могли показаться тунгусы ранним путешественникам-исследователям, последние были поражены их силой и храбростью, их способностью быть выносливыми

и смелыми. Именно эти два качества тунгусских народов подчеркнул Жокур в начале своей статьи о тунгусах в «Энциклопедии». В ходе написания статьи он сослался на тот образ, который был зафиксирован в опубликованных работах, доступных для читателей того времени.

Следующий вопрос, на котором мы остановимся: что тунгусы понимали под красотой? Жокур не углублялся в суть данного вопроса. В основном, вслед за Идесом и Брандом, он указывает, как уже было сказано выше, на высокий рост и крепкое телосложение, описание, которое, как мы видим, на данном этапе является отсылкой на описание, данное Идесом и Брандом. Он добавляет, что тунгусы в большинстве своем являются более активными по сравнению с другими народами Сибири [29]. Иоганн Эбергард Фишер (1697-1771) также считал тунгусов подвижным, умным народом и от природы одаренным чувством здравого смысла [30]. Путешественники-исследователи более позднего периода рассматривали кочевой образ жизни тунгусов как одну из главных причин их жизнерадостности. Приведем отрывок подобного описания из путевых заметок Фердинанда фон Врангеля (1797-1870), первоначально переведенных на английский язык и отредактированных подполковником Эдвардом Сэбином (1788-1883), участником нескольких северных экспедиций, которые возглавляли Джон Росс и Вильям Эдвард Перри, позднее ставшим президентом королевского сообщества: «(...) Хотелось бы отметить, что, на мой взгляд, кочевые народы - тунгусы и юкагиры - самые счастливые люди в Сибири. Они не привязаны к какому-либо месту, наоборот, они перемещаются с места на места по мере необходимости и всегда забирают при этом членов своей семьи и небольшие предметы первой необходимости, никогда не испытывая грусть от расставания с домом. Кажется, они совсем не испытывают страх перед будущим. Они просто наслаждаются настоящим» [31]. Однако Фердинанд фон Врангель был еще более оптимистичным в своих описаниях в немецкоязычной версии заметок, опубликованной в Берлине в 1839 г.: «Ueberhaupt zeichnen sich die Tungusen durch ihre Gewandheit, Beweglichkeit und ihren beständigen, munteren Frohsinn ganz besonders vor allen hiesigen Völkerschaften aus, so dass wir sie gemeiniglich *die Franzosen der Tundra* zu nennen pflegten» [32] - «В целом, тунгусы отличаются от других народов, проживающих здесь, своей ловкостью, находчивостью и постоянной жизнерадостностью настолько сильно, что мы их начали

называть тундровыми французами [33]». Примечательно, что этот отрывок не вошел ни в англоязычную, ни во франкоязычную версию заметок [34]. Независимо от того, какие редакторские причины стоят за таким «опущением», и в том, и в другом варианте перевода, очевидно, мы все еще находимся в продолжительном XVIII в., когда речь идет о переводе путевых заметок, о чем явно свидетельствуют следующие примечания Сэбина, редактора путевых заметок Врангеля: «На следующий, 1840, год было опубликовано первое издание настоящего сборника, представляющего собой перевод с немецкого языка (перевод М. Энгельхардта) на английский, выполненный женой Сэбина и сокращенный до более маленького объема по сравнению с оригиналом, частично за счет опущения таблиц метеорологических наблюдений, частично из-за замены сложного стиля изложения на более простой и краткий стиль, а также отчасти из-за периодического опущения повторов, которые часто встречаются в разных пропорциях в тексте оригинала» [35]. Однако сложившийся образ культурности тунгусского народа остался даже в переводах. Матиас Александр Кастрен (1813-1852) назвал тунгусов «выдающимися, опрятно одетыми и культурными людьми, которых можно по праву считать аристократами Сибири» [36]. Эту же точку зрения позднее поддержал в своей диссертации Карл Хайкиш (1840-1901), размышляя над происхождением выдающейся природы тунгусского народа, он предположил, что их «отточенная и вежливая манера общения была ими унаследована от их предков в то время, когда последние еще вели оседлый образ жизни в четко упорядоченных социальных условиях» [37], поскольку такие «четко соблюдаемые правила вряд ли могли выработаться на обширной территории с рассредоточенным населением среди кочевников-охотников. Они могли выработаться лишь там, где люди проживают в регулярном и тесном контакте друг с другом» [38]. Возможно, мы и не находимся сейчас на этапе развития XVIII в., но влияние мыслей, зародившихся в эпоху Просвещения, все еще велико. Независимо от того, насколько путешественники раннего периода эпохи Просвещения видели в тунгусских народах уровень развитой культуры, вполне очевидно, что это становится сложившимся образом в XIX в. Готовы ли мы это признать или нет, но для немецкоязычных путешественников и этнографов тунгусы были прообразом французов, проживающих в тундре.

Литература

1. Louis de Jaucourt (1704-1779), “Tatares ou Tartars” in L’Encyclopédie, vol. XV, [http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?p.14:919.encyclopedie0513](http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?p.14:919.encyclopedie0513http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?p.14:919.encyclopedie0513)<http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?p.14:919.encyclopedie0513> (vol. XV, p. 923, accessed 20/06/2015, 11.01am). On Siberian culture in the Encyclopédie, see also Belissa, M. 2012 La Sibérie et les peuples sibériens dans l’Encyclopédie de Diderot et d’Alembert, in E. Schnakenbourg (ed.), *Figures du Nord: Scandinavie, Groenland et Sibérie. Perceptions et représentations des espaces septentrionaux du Moyen Age au XVIIIe siècle* (Rennes, Presses Universitaires de Rennes), pp. 161-173.

2. Kasten, E. 2013 Johann Karl Ehrenfreid Kegel: ein deutscher Agronom bezieht Stellung zur Land- und Naturnutzung auf Kamtčatka, in E. Kasten (ed.), *Reisen an den Rand des russischen Reiches: die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert* (Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien), pp. 207-221, p. 214;.

3. Louis de Jaucourt specifies that the Russians divide the “Tongous” Tartars or “Tunguses” into four principal branches: “the Podkamena-Toungousi, living in between the Yenisei and Lena, north of the Angara; the Sabatski-Toungousi, between the Lena and the back end of the gulf of Kamtchatka, around the 60th parallel, north of the Aldan river; the Olenni-Toungousi living towards the source of the Lena and the Aldan, north of the Amur river; and the Conni-Toungousi who live between Lake Baikal and Nerzinskoi as well as on the Amur” (p. 922, my translation).

4. Martin, A. E. and Pickford, S. 2012 Introduction, in A. E. Martin and S. Pickford (eds.), *Travel Narratives in Translation, 1750-1830: Nationalism, Ideology, Gender* (Abingdon and New York, Routledge), p. 2.

5. Shantz, D.H. 2015 Pietism as a translation movement, in D. H. Shantz (ed.), *A Companion to German Pietism, 1660-1800* (Leiden and Boston, Brill), p. 340.

6. Hundt, M. 1999 Einleitung (Introduction), in M. Hundt (ed.), *Beschreibung der dreijährigen chinesischen Reise. Die russische Gesandtschaft von Moskau nach Peking 1692 bis 1695 in den Darstellungen von Eberhard Isbrand Ides und Adam Brand* (Stuttgart, Franz Steiner Verlag), pp. 64-5 (my translation). The sources Hundt refers to are: Sigmund von Herberstein (1486-1566), *Moscouia der Hauptstat in Reissen...* (Wien, 1557); Isaac Massa, *Beschryvinghe Vander Samoyeden Landt in Tartarien...* (Amsterdam, 1612); Adam Olearius (1599-1671), *Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise...* (Schleswig 1647;

new, augmented edition: Schleswig, 1656) and Nicolaes Witsen (1641-1717), Noord en Oost Tartarye... (Amsterdam, 1692).

7. Purchas, S. 1625 His Pilgrimes, vol. III, chap. VII, section II, “A briefe Description of the ways and Riuers, leading out of Moscouia toward the East and North-east into Siberia, Samoiedia, and Tingoesia, as they are daily frequented by the Russes : with further Discoueries towards Tartaria and China” (London, printed by William Stansby for Henrie Fetherstone), p. 527. N.B.: original spelling of printed sources in Dutch, English, French and German is preserved throughout.

8. Michael Hundt discusses at some length the complex publishing history of these two texts in the introduction to his edition of the two travelogues, op. cit., pp. 66-72.

9. For a brief account of the Dutchman’s life see Hundt’s introduction in op. cit., pp. 1-4.

10. Fewer details are known about this German merchant. See Hundt’s introduction in op. cit., pp. 5-8.

11. Brand, A. 1698 Beschreibung Der Chinesischen Reise/ welche vermittelst Einer Zaaaris. Gesandtschaft Durch Dero Ambassadeur/ Herrn Isbrand Ao. 1693.94 und 95. von Moscau über Groß=Ustiga/ Siberien/ Dauren und durch die Mongalische Tartarey verrichtet worden: Und was sich dabey begeben/ aus selbst erfahrner Nachricht mitgetheilet Von Adam Brand (Hamburg, Bey Benjamin Schillern, Buchhändler im Dohm).

12. Brand, A. 1698 A Journal of an Embassy From Their Majesties John and Peter Alexowits, Emperors of Muscovy, &c. Into China... (London, Printed for D. Brown).

13. Brand, A. 1699 Relation du voyage de Mr Evert Isbrand, envoyé de Sa Majesté czarienne à l’empereur de Chine... par le sieur Adam Brand. (Amsterdam, Chez Jean-Louis de Lorme).

14. Ysbrants Ides, E. 1704 Driejaarige Reize naar China te lande gedaan door den Moskovischen Afgezant, E. Ysbrants Ides, Van Moskou af, Over Groot Ustiga, Siriania, Permia, Sibirien, Daour, Groot Tartaryen Tot in China... (Amsterdam, Gedrukt by François Halma).

15. Ysbrants Ides, E. 1706 Three years Travels from Moscow over-land to China... (London, W. Freeman).

16. Yßbrant Ides, E. 1707 Dreijährige Reise nach China... (Franckfurt, bey Thomas Fritschen).

17. Wetstein, R. and G. (eds.) 1718 *Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes orientales. (...) On y a ajouté la route qu'a suivie Mr. Isbrants, Ambassadeur de Moscou en traversant la Russie & la Tartarie...* (Amsterdam, Chez les Frères Wetstein), vol. I, pp. 100-143.

18. Bernard, J. F. (ed.) 1727 *Recueil de voyages au Nord: contenant divers memoires tres utiles au commerce et à la navigation*, vol. VIII, *Voyage de Moscou à la Chine par M. Everard Isbrants Ides, Ambassadeur de Moscovie* (Amsterdam, Chez Jean Frédéric Bernard), pp. 1-217.

19. Wehinger, B. 2008 *Auf dem 'Marktplatz der Ideen', Übersetzerinnen im 18. Jahrhundert*, in B. Wehinger and H. Brown (eds.), *Übersetzungskultur im 18. Jahrhundert: Übersetzerinnen in Deutschland, Frankreich und der Schweiz* (Hannover, Wehrhahn Verlag), p. 7.

20. Voltaire 1746 *Discours de reception de M. Voltaire*, www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-m-voltaire (accessed 09/07/2015, 6.05pm).

21. See Zuber, R. [1968] 1995 *Les 'belles infidèles' et la formation du goût classique* (Paris, Albin Michel).

22. Bury, E. 1995 *Postface*, in R. Zuber, op. cit., p. 497: "(...) l'imitation doit céder le pas à l'émulation".

23. Wehinger, B. in op. cit., p. 9.

24. See Roger Zuber, op. cit., chap. 5, "Disparition du genre (après 1653)", pp. 130-161.

25. Martin, A. E. and Pickford, S., in op. cit., pp. 9-10.

26. Gannier, O. 2014 *Récits de voyage*, in Y. Chevrel, A. Cointre and Yen-Mai Tran-Gervat (eds.), *Histoire des traductions en langue française : XVIIe et XVIIIe siècles (1610-1815)*, (Lagrasse, Verdier), p. 723: "Les relations de voyage n'étant généralement pas considérées comme des textes littéraires, leur traduction offre souvent des caractéristiques propres aux textes techniques, dont l'intérêt n'est pas avant tout stylistique. Si l'on parle de 'belles infidèles' pour les traductions littéraires, les libertés éventuelles prises par les traductions de récits de voyage s'expliquent par d'autres raisons."

27. *Ibid.*, p. 753: "Les traductions des voyages suivent le même principe : contrairement aux textes littéraires, la forme du texte original importe peu. Seul le contenu est visé"

28. *Ibid.*, pp. 745 et 747.

29. *Ibid.*, p. 725: "Une autre catégorie peut regrouper les voyages individuels à l'étranger faits par des étrangers et traduits pour l'instruction personnelle ou le

divertissement des lecteurs français par exemple les Voyages au Nord paru chez l'éditeur Jean-Frédéric Bernard à Amsterdam en 1727, et contenant entre autres Le Voyage de Moscou à la Chine par M. Everard Isbrants Ides, ambassadeur de Moscovie, commencé en 1692 et traduit du hollandais ; ou la description des Mœurs et coutumes des Ostiacks et autres Remarques curieuses sur le royaume de Sibérie, traduites de l'allemand de Jean Bernard Muller, capitaine des Dragons au service de la Suède, pendant sa captivité en Sibérie, vers 1712). Ce type de voyage plaît au public curieux des mœurs 'exotiques'".

30. Louis de Jaucourt, "Tatares ou Tartars" in L'Encyclopédie, vol. XV., [http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?p.14:919.encyclopedie0513](http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?p.14:919.encyclopedie0513http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?p.14:919.encyclopedie0513)<http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?p.14:919.encyclopedie0513> (accessed 20/06/ 2015, 11.01am): "Ils sont pour la plupart d'une taille haute & robuste, & sont généralement plus actifs que les autres peuples de la Sibérie" (vol. XV, p. 923).

31. Fischer, J. E. 1768 Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die Russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen, und mit genehmhaltung Derselben ans Licht gestellt... (St. Petersburg, gedruckt bei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften) vol. I, p. 110: "Die Tungusen, ein munteres, aufgewecktes, und von der Natur mit einem guten Verstand begabtes Volk...".

32. Wrangel, F. [1840] 1844 Narrative of an Expedition to the Polar Sea in the Years 1820, 1821, 1822 & 1823. Commanded by Lieutenant Now Admiral Ferdinand von Wrangell, of the Russian Imperial Navy. Second Edition, With Additions. Edited by Lieut.-Col. Edward Sabine (London: James Madden and Co.), p. 208.

33. Wrangel, F. 1839 Reise des kaiserlich-russischen Flotten-Lieutenants Ferdinand von Wrangel längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere in den Jahren 1820 bis 1824 (nach den handschriftlichen Journalen und Notizen bearbeitet von G. Engelhardt, Staatsrath. Herausgegeben nebst einem Vorwort von D. Ritter, Dr. und Professor. Mitglied der Akademie der Wissenschaften zu Berlin und St. Petersburg), (Berlin, Verlag der Voß'schen Buchhandlung), vol. II, p. 220.

34. Note that the word "Gewandtheit", translated here by "dexterity" may also take the meaning of "elegance".

35. Wrangel, F. 1843 Le Nord de la Sibérie. Voyage parmi les peuplades de la Russie asiatique et dans la Mer glaciale entrepris par ordre du gouvernement

russe par MM. DE WRANGELL (aujourd'hui Amiral)... traduit du russe par le Prince Emmanuel Galitzin, (Paris, Librairie D'Amyot).

36. Sabine, E. 1844 Preface, in Wrangel F., Narrative of an Expedition to the Polar Sea in the Years 1820, 1821, 1822 & 1823. Commanded by Lieutenant Now Admiral Ferdinand von Wrangell (op. cit.), p. iv.

37. Castrén, M. A. 1856 Nordische Reisen und Forschungen, Band II (Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849) im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von Anton Schliefer, (St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften), p. 250: "Ausser Russen und Deportirten von verschiedenen Nationen trifft man auf dem Wege von Jenisseisk nach Turchansk Tungusen, Samojeden und Jenissei-Ostjaken. Die Tungusen sind ein feines, geputztes und elegantes Volk; man könnte sie mit Recht Sibiriens Adel nennen."

38. Hiekisch, C. 1879 Die Tungusen. Eine ethnologische Monographie, (St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften), p. 69: "So ist die feine, höfliche Umgangsweise der Tungusen eine von ihren Voreltern übertragene, als letztere noch ein ansässiges Volk waren und unter geregelten gesellschaftlichen Verhältnissen lebten."

39. Ibid., p. 69: "Feine Regeln im gesellschaftlichen Verkehre können sich nicht gut bei einem spärlich und über weite Einöden gesäeten Jägervolke ausbilden, sondern nur wo Menschen in beständigem und regem Verkehr mit einander leben."

ТРАДИЦИОННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭВЕНОВ
КАК ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ АРКТИКИ

В.Г. Белолобская

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
arkuk@bk.ru

Аннотация. Горно-таежное, тундренное, водное пространство, особенно Арктической территории, стало объектом распространения цивилизации, всеохватной урбанизации. Природа истощается, загрязняется, уничтожается промышленными и хозяйственными отходами человечества, а сам человек становится вынужденной жертвой искусственно созданного им мира. Такие понятия, как «живой мир природы», «прекрасный мир природы», «природа – источник жизни», оттеняются понятиями «загрязнение окружающей среды», «исчезновение флоры и фауны», «истощение биоресурсов», «лихорадочный сбор мамонтовых костей».

Ключевые слова: эвены, экология, нимат, голи, тор ханинни – душа земли, оберегать, ориентировка в местности, одежда эвенов, обитатели тайги и тундры.

THE EVEN TRADITIONAL ECOLOGICAL CULTURE AS
ONE OF THE KEY COMPONENTS OF THE ARTIC PEOPLES'
CULTURAL HERITAGE

Abstract. The mountainous taiga and water land, especially that of the Arctic territory, became the object of expanding civilization and urbanization. Nature is wearing out, getting contaminated and destroyed by manufactural and agricultural waste; the humans become an inevitable victim of the artificial world they created. Such expressions as “the natural world of life”, “wonderful world of nature”, “Nature is te source of life” are replaced by antonymous ones, such as, “nature contamination”, “flora and fauna

extinction”, “biological resources depletion”, “the mammoth tusk bone rush”.

Keywords: *the Even, ecology, nimat, goli, tor khaninni - the soul of the earth, to protect, land navigation, the Even clothes, taiga and tundra inhabitants.*

В научной литературе экология (от нем. *ökologie* и греч. *oikos* дом + *logos* – наука) считается в историческом плане сравнительно новым направлением, хотя имеет разветвленную систему в виде факториальной экологии, демэкологии, биоценологии, экосистемологии. За последние десятилетия экология развивается в тесном взаимодействии с другими фундаментальными науками, такими как химия, математика, этнография, естествознание, медицина, геология, философия, промышленная экология, что позволит комплексно решать вопросы по предупреждению экологической катастрофы.

Вся суть вопроса заключается в том, что само человечество стало главным разрушителем природы и ее обитателей. К сожалению, отмечаем, что вся Планета Земля: ее биологические, водные ресурсы, все подводное, земное и воздушное пространство – оказалась в наше время в плену человека. С незапамятных времён Земля является для человечества источником жизни, она предоставляет человеку все блага жизни с рождения до смерти: дом “дю”, пищу “деплэ”, одежду “ой”, дорогие удовольствия, богатство, душевную и физическую силу, а в ответ она сама становится жертвой. Жертва эта невосполнима, невозвратима. Нарушен экологический климат в мегаполисах, в малых городах и сёлах, в тундре и тайге. В данной связи проблема охраны природы стала острой социальной и политической проблемой для всего человечества.

Для коренных малочисленных народов Севера территория Крайнего Севера является родным домом, основным источником жизнеобеспечения, и потому они, как отметил Ч.М. Таксами, «несмотря на малочисленность, сконцентрировали в своей культуре глубокие познания об окружающей среде, выверенные на протяжении многих веков. Благодаря этому они сумели создать своеобразную и сложную культуру оленеводов, охотников, рыболовов и морских зверобоев, культуру, которая, может быть, единственно рациональна в данных природно-климатических условиях» [1].

Эвены – небольшая народность, проживающая в северо-восточной части России, примерная численность которой составляет около 20 тысяч человек. С древних времен эвены (ламуты) сохранили кочевой образ жизни. Эвены – оленеводы и охотники, верхом на оленях, нартах перемещались по обширной территории лесотундры, тундры, тайги и гор. Экологическое мировоззрение присуще эвену отроду, потому как вся его кочевая жизнь круглый год проходит на лоне природы. Нравственные ценности, глубокие познания об окружающем мире, нормы поведения составляют органическую цельность, слитность северянина и природы. Традиционные экологические знания эвенов, являясь частью всего культурного наследия народов Арктики, могли бы стать ориентиром бережного отношения ко всему, что окружает человека. По представлению северянина, вся флора и фауна имеет душу “ханин”, поэтому он всегда с ними общается как с живыми существами. Традиционная культура, язык, обычай эвенов исходит из самого уклада его жизни – оленеводства, рыболовства и охоты.

Охота совершается по неписаным законам предков. Нельзя убивать все подряд, иначе можно разорить, опустошить всю природу, дух земли “тор ханинни” обидится, отвернется, людям удачи не будет, будущим поколениям ничего не останется. По обычаям эвенов, все, что добывается, должно иметь меру. Дичь добывается только по острой необходимости, первая дичь от охоты отдается соседу, если охотник добыл снежного барана или дикого оленя или забил домашнего оленя, то, по обычаю, вся туша поровну делится между всеми соплеменниками, такая дележка называется “нимат”. Кости добычи не разбрасываются по окрестности, а аккуратно складываются на специальном сооружении – “гөли”, сооружённом из жердьеv тальника или молодой лиственницы. “Гөли” должен быть недосягаемым для собак, иначе собаки станут растаскивать кости, тогда охотнику дальше не повезет в охоте. Если поблизости нет леса “усаг”, “хиги”, то кости “икири” нужно разложить меж больших камней, и сверху так же следует раскладывать камни “дёл”, чтоб невозможно было достать сверху. Вместе с костями кладут даже мелкие остатки шерсти от разделки туши и его частей.

Для эвенов табуированными для охоты считаются кукушка “кэжучэн”, ворон “олиндя”, кукушка “кужэки”, птицы мелкие – “чукачар”, “нэлэр”, а также медведь “накат”, “дэбэрэ”, “абага”, “умэлнэ”. Медведь

является тотемным животным, а по преданию, считался предком эвенов, поэтому к нему относятся с большим почтением, его называют дедушкой “*абага*”, “*мэмэ*”, “*мэмэнде*”. При случае добычи медведя совершали обряд, закрывали глаза тонкой брызжейкой – салом “*хачин*”, уши затыкали шерстью от хвоста, чтоб он не услышал разговоры, в его рот поперек клали палочку, просили прощения, приговаривая, что не убивали они его. При снятии шкуры “*нанра*” приговаривали вполголоса: «Не сердись, абага, снимаем твою доху, она стала вшивой». В разных местностях медведя называют по-разному: “*накат*”, “*мэмэнде*”, “*ко-балан*”, “*кабалан*”, “*абага*”, “*бэйкэн*” и т.д. Каждое слово имеет свой семантический оттенок. Эвены с древних времен хорошо ориентируются во временном и территориальном пространстве. На бескрайних просторах тундры охотник, оленевод безошибочно находят дорогу домой по звездам “*осикагал*”. По расположению звезд относительно Северной звезды “*Чоллун*”, которая независимо от времени суток стоит на одном месте, человек определяет направление домой. Ориентирами времени, пространства являются Солнце “*Нөлтэн*”, Луна “*Бяг*”, полумесяц “*аткекан*”, Млечный путь “*Хэвие дёлдатиңан*”. По расположению снежных заносов, гор, рек, ручьев также определяли направление пути. В тундре охотник легко может определить направление восток – запад, север – юг по снежному заносу, так как в зимнее время в полярную ночь во время пурги ни Луна, ни сполохи северного сияния не могут быть ориентиром. Человек легко может заблудиться. В этом случае спасают снежные заносы, имеющие острие. В открытой тундре “*дэт*” ветер “*хунңэ*” всегда дует со стороны запада и, заметая поверхность, образует снежные заносы с острым углом. Угол-острие всегда показывает на северо-запад, с этой стороны на снегу образуются неровности в виде ямок. Человек должен знать, что если он едет против острия - то это восток “*нөлтэн хептунни*”, а если он следует за ним, то это запад “*нөлтэн тыкэнмэин*”. А в случае, если острие снежного заноса остается с направлением на правой стороне “*ангида*”, то путник едет на юг “*нямгида*”, а если на левой, то на север “*иңэньгидэ*”. В случае сомнения в определении пути по острию снежного заноса человек использует другой метод – он разгребает снег и находит направление по осенней траве, которая ложится осенью с запада на восток. Житель арктической тундры обычно всегда носит обувь из оленьих лапок “*осал*”. Она теплая, мягкая, лёгкая, называется “*унта*”.

В условиях Арктики такая обувь не раз спасала своего хозяина от верной гибели. Правильную ориентировку определяет гибкая, мягкая подошва “хэссэ”, человек с нарты, волоча ногу, ступнями чувствует снежные заносы. Древние знания всегда спасали тундровика.

Эвены в своей жизни всегда чувствовали органическое единство с природой, потому для человека повадки птиц и зверей также служат ориентиром. Например, куропатки, глухари в зимнюю стужу “тугэрэп хялта” и в долгие зимние холода ночуют под снегом. Человек также, когда попадает в пургу, останавливает оленей “орар”, ставит на бок нарты “турки”, прячется под снег и остается живым.

В 70-е г. 20 в. эвены были переведены на оседлый образ жизни, что отразилось и на традиционный кочевой уклад жизни народа, отдалило его от природы, охоты, оленеводства, рыболовства, которые определяли обычаи, приметы, запреты народа. Центром духовного наследия эвенов испокон веков был культ земли, огня, семейного очага, всего живого и неживого, что окружает человека. Для него непреходящую ценность всегда имела Земля – “Энин төр” – матушка Земля, “Төнин” – то место, где держится ступня, “Төрэнде” – Землище, большая земля. Нельзя загрязнять землю, бить, сильно топтать, ругаться, тыкать ножом, прутом, палкой, без цели рыть яму, плевать на землю. Нельзя без цели рубить лес, ломать ветки. Шесты чума “илуму”, “элбэм”, “чора дю” перед отъездом необходимо прислонить к дереву или оставить в вертикальном положении, во-первых, они используются многократно, во-вторых, сохраняется жизнь деревьев, в-третьих, это проявление заботы о случайном проезжем. Эвены, кочуя по безлесным местам, постоянно перевозили шесты для установки чума “хяраңал” с собой. Неиспользованные дрова аккуратно складывают, оставляют для других людей. Это забота не только о природе, но и о людях.

Кочевой образ жизни в течение многих веков приучил эвенов использовать подручный природный материал. В летние и особенно зимние периоды жизни для поддержки тепла и уюта в своём жилище – чуме землю устлали мягкими ветками лиственницы “хэгтэ”. Хэгтэ отбирается широколапистая с разветвлениями. Ветки раскладываются со стороны, где располагается хозяйка чума, - аккуратно, ровно, словно ковёр, до места выхода, а иногда ветки раскладываются начиная с обеих сторон

до середины друг против друга. Хэгтэ прикалываются к земле, поэтому ходить по ней не вызывает трудности. Аккуратно сложенная подстилка “хэглэн” защищает от холода, к тому же выделяемые лиственницей фитонциды полезны для здоровья людей.

Лесной массив Земли всегда считался для людей средством защиты от разных природных катаклизмов и являлся основой жизни. Для эвенов центром их духовного наследия был культ земли, огня, семейного очага и всего того, что окружает его. В быту хозяйка умело использовала природный материал: для мытья посуды подходили песок, ил, прошлогодняя трава, так называемая “хайта”, а также специально сделанная для мытья посуды стружка из тальника – “хигри”, материал однократный, чистый, экономный, гигиеничный, летом подходит и зеленая трава.

Кочевые родители создают для ребёнка все условия тундренной и таёжной жизни. Вся одежда, тёплая, уютная, удобная, гигроскопичная, шьётся из оленьего меха. Детская колыбелька всегда держится в сухости, потому как на дно кладётся древесная гнилушка – труха “куч”. Труха постоянно меняется, нижний мокрый слой убирается. Ребёнку до года шьётся в виде комбинезона, вовнутрь мехом – внутренняя, а внешняя - мехом снаружи, рукава глухие. Детская одежда шьётся с вырезом в паху, что закрывается меховой полосой – «хвостиком». Рукавички, унты пришиваются к основной зимней одежде – “очака”, “муктыкан”.

Особенно следует отметить ценностное отношение эвенов к воде. Реки, ручьи, озёра, моря охватывают все стороны духовного мира народа. Вода – часть его миропонимания и бытия, олицетворение жизни. Обычно там, где берут воду для питья, посуду не моют, не умываются, не стирают, грязную воду не сливают. В том случае, если кто-либо нарушил такой порядок, люди обычно ходили за водой в другой источник или брали воду вверх по течению.

Морально-этические нормы бережного отношения эвенов к природе и природным явлениям с древнейших времён передаются из поколения в поколение. Естественная экологическая культура эвенов является составной частью культурного наследия народов Арктики.

Литература

1. Иохельсон, В.И. Коряки / В.И. Иохельсон. – Санкт-Петербург : Наука, 1977.

**ПЕРЕВОД В ИСТОРИИ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
(постановка проблемы)**

Л.Н. Романова

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
romanova_lida@mail.ru*

Аннотация. *В статье ставится проблема истории и критики перевода в якутском литературоведении. Перевод рассматривается в контексте диалога культур. В исследовании утверждается необходимость разработки теоретико-методологических подходов критики перевода как одного из важных факторов сохранения культурной традиции.*

Ключевые слова: *художественный перевод, критика перевода, якутская литература, литературоведение и критика.*

**ON THE PROBLEM OF TRANSLATION IN THE HISTORY
OF YAKUT LITERATURE: METHODOLOGICAL APPROACHES**

Abstract. *This article focuses on the problem of the history and critics of translation in Yakut literature studies. Translation is regarded in the context of cultural dialogue. This research provides the rationale for the development of theoretical and methodological approaches to translation critics, translation being one of the key factors of preserving cultural traditions.*

Keywords: *literary translation, translation critics, Yakut literature, literature studies and critics.*

Художественный перевод является одним из активных форм сохранения культурного наследия народов мира. Перевод в контексте диалога культур был и остается: во-первых, средством взаимообогащения культур, в частности литератур, разных народов; во-вторых, способом приобщения к ментальной, языковой, этнической культуре других народов;

в-третьих, одним из важных средств совершенствования писательского мастерства и т.д., и т.п.

Зарождение и развитие якутской литературы, как и многих национальных литератур России, так называемого младо- и новописьменного типа, в целом представляется результатом диалога культур, его дифференционных и интегрирующих импульсов.

Начиная с переводов церковно-славянских текстов на якутский язык Д. Попова в XIX в., безусловно имеющих элементы литературности, переводов А.Я. Уваровского на русский язык “Воспоминаний”, олонхо “Эр Соботох”, “Песни девушки-чухонки”, на якутский язык русской классики первыми якутскими писателями А.Е. Кулаковским, А.И. Софроновым, Н.Д. Неустроевым и др. до интерпретаций современных писателей-переводчиков художественный перевод занимает ведущее положение в истории якутской литературы. Наибольшее развитие получил перевод с русского на якутский как процесс освоения иноязычной (в данном случае более развитой в историческом и эстетическом отношении) культуры воспринимающей стороной для создания собственной уникальной национальной литературной традиции, ибо, по теории М. Бахтина, смысл одной культуры раскрывает свои глубины, соприкоснувшись с чужим смыслом [1].

Переводы произведений якутской литературы на русский и другие языки мира активизировались в основном во второй половине XX в., что говорит о расширении границ художественного познания.

Несомненно, под воздействием социально-культурных, социально-политических и других факторов интерес к переводу в истории литературы Якутии менял свои ориентиры. Так, в период становления национальной литературы в первой трети XX в. перевод на якутский язык классической русской литературы (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова Н.В. Гоголя и др.) ознаменовал начало истории переводческой школы, сыгравшей значительную роль в формировании творческой индивидуальности писателей и стилевых направлений всей литературы Якутии. В постреволюционный период, в годы Гражданской войны и становления автономии республики остается актуальной вольнолюбивая лирика классиков и в авангард выходят поэзия Владимира Маяковского и произведения пролетарских писателей. В эти же годы интерес якутских поэ-

тов обращен к поэзии Серебряного века. В годы Великой Отечественной войны якутская лирика пополнилась переводами стихов, песен, очерков высокого гражданского звучания. То же касается и значительных литературных эпох оттепельного, перестроечного, постперестроечного периодов. Расцвет художественного перевода в истории якутской литературы пришелся на вторую половину XX в., что было обусловлено активизацией международных, интернациональных связей. Следует отметить, что во все времена особый интерес для перевода представляли и представляют произведения, которые отвечают национальным интересам, способствуют укреплению, росту национального самосознания.

Однако при таком большом опыте якутской переводческой школы в литературоведении и литературной критике ни история, ни критика перевода как особые научные направления разработаны не были. В якутской лингвистике анализ переводов хоть и не получил широкого распространения, но есть ряд достаточно солидных статей академика П.А. Слепцова. Обзор литературоведческих работ, касающихся тем или иным образом вопроса перевода, показывает, что исследования чаще всего ограничиваются или общими словами, представляющими каждый перевод как большое достижение (комплиментарное представление), или констатацией переводных трансформаций (ритмико-синтаксических, звуковых соответствий, образной эквивалентности и т.д.).

Научное изучение проблемы перевода в литературах Якутии в контексте диалога культур на сегодня требует обновленного методологического подхода. Нужны серьезные теоретико-методологические подходы в анализе переводческих интерпретаций, что, несомненно, будет способствовать развитию и совершенствованию переводоведения, а значит, и сохранению культурных традиций народов Якутии.

В научной литературе критика перевода представлена как отдельная область литературно-критической деятельности, сочетающей литературно-эстетический и лингвистический, культурологический подходы к анализу текста. По определению В.С. Виноградова, «критика перевода дает оценку адекватности переводов оригиналу, определяет значение переводов для культуры принимающего языка» [2. С. 13].

История критики перевода сложилась еще в IV-V вв. в трудах теолога св. Иеронима и была развита, теоретически обоснована немецкими

философами и литераторами в XVIII в. (Новалис, Ф. Шлегель, В. Гумбольдт, И.Г. Гердер, И.В. Гёте, Ф. Шлейермахер и др.). В России до второй половины XX в. критика перевода как научная дисциплина особо не сложилась. Есть трактат Б.В. Голицина «Размышления о русских переводчиках» (1811), статьи А.С. Пушкина (его полемика с Шатобрианом о «грамматизации» перевода) и небольшие другие работы, в которых авторы пытались определить критерии «правильного» художественного перевода. В конце XIX в. филологи А. Веселовский, А. Потебня, Р. Якобсон и другие также изредка обращались к анализу переводных произведений. Однако наибольшее развитие критика перевода получила именно в XX в. Вопросы художественного перевода затрагивали поэты В. Брюсов, А. Белый, А. Блок, А. Ахматова, М. Цветаева и др. Ценный вклад в научную критику перевода в XX в. внесли труды отечественных лингвистов, переводчиков и писателей (К. И. Чуковский и А.В. Федоров, Н.М. Любимов, Р.А. Будагов и др.), обосновавших критерии оценки художественного перевода. Их критические суждения по проблемам норм художественного перевода нашли отражение в специализированных сборниках (сериях) «Мастерство перевода» (издается с 1959 г.) и «Тетради переводчика» (с 1961 г.). Не угасает интерес к критике перевода и у современных отечественных и зарубежных исследователей (И.С. Алексеева, М. Амман, В. Вилс, В. Коллер, К. Райс, П.М. Топер, С. Флорин, Дж. Хауз и др.).

В якутском литературоведении и литературной критике научная критика перевода, если говорить о ней как об отдельном самостоятельном научном направлении, к сожалению, не разработана. Есть отдельные статьи И. Пухова, Г. Кардашевского, Г. Тарского и С. Руфова, в которых представлен критический разбор переводных текстов. Статьи и выступления последнего могут войти в историю якутской литературной критики как первые опыты критического анализа перевода художественных произведений (например, его доклад на общем собрании писателей Якутии в 1970 г. «Тылбаас – литература биир сүрүн салаата» (“Перевод – один из основных направлений литературы”)) [4. С. 254-279]. Здесь народный поэт, переводчик предстает как блестящий критик, обладающий широкой эрудицией, знанием и тонким чутьем поэтического слова. Особое внимание он уделяет форме стиха, рассуждает о необходимости мак-

симальной приближенности к ритмическому рисунку переводного стиха к оригиналу. Кроме того, вопросов художественного перевода касаются в исследованиях взаимодействия литератур А.А. Бурцев, З.К. Башарина, А.М. Скрябина, О.И. Иванова и др.

Как показывает история, критика перевода в целом строится на оппозиционировании (сопоставлении) ряда антиномий: буквальный перевод – вольный перевод; эквивалентность – неэквивалентность; ориентация на форму – ориентация на содержание; переводимость – непереводимость; историзация – модернизация; ориентация на оригинал и автора – ориентация на читателя и принимающую культуру; специфика «чужого» – специфика «своего»; сохранение национального колорита оригинала – экзотизация или национализация оригинала и др. Исходя из этого в целом складываются базисные понятия критики перевода.

Сегодня якутская литература нуждается в подобных критических разборах. Не в смысле выискивания только недостатков переводных текстов, а объективного определения их достоинств и неточностей, основываясь на четком выстраивании сравнений оригинала и переводного текста на уровне литературоведческого анализа (в отношении полного отражения их идейно-тематического содержания, соответствия жанровых форм, композиционно-сюжетных, стилевых, архитектонических особенностей, точности воспроизведения передачи духа, атмосферы, быта оригинального произведения и т.д.). При этом критик перевода должен обладать широкой эрудицией, включая в ареал анализа не только литературные, но и внелитературные контексты. Исходя из этого критика перевода часто включает в себя и элементы комментирования произведения как метатекста. Примером может стать исследование переводов Г.И. Макарова-Дьюон Дьянгылы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, Н.Е. Мординова романов «Анна Каренина», «Война и мир» Л.Н. Толстого, вошедших в сокровищницу якутской переводческой истории. Здесь будет интересно наблюдать не только за верностью сюжетной линии оригинала и выражением авторской идеи, но и сохранением жанровых форм (романа в стихах с его «онегинской строфой», романа-эпопеи) и особенностей воспроизведения культуры и быта (насколько соответствуют духу пушкинской поры перевод Дьюон Дьянгылы, каким образом он передал уклад жизни московских столичных дворян и быт деревен-

ской жизни; насколько точно переданы пасторальные и бытовые картины романов Толстого Амма Аччыгыйа, воспроизведены ли в полном объеме батальные сцены «Войны и мира», соответствуют ли речевым характеристикам Толстого диалоги и монологи героев в якутском звучании и т.д.). Здесь отдельным вопросом встает вопрос о степени полноты перевода реалий иноязычной культуры в художественной переводной интерпретации.

Научный интерес представляет и сравнительно-сопоставительный анализ перевода одного произведения разными авторами в историческом ракурсе. Например, перевод пушкинских произведений поэтами 20-30-х гг. XX в. и современными авторами (переводы Чагылгана-Г. Васильева, Элляя; указанных авторов с переводами Семена Руфова, Н. Михалевой-Сайа и др.).

Сложным вопросом в критике перевода остается перевод зарубежной литературы, т.к. здесь чаще всего речь идет об опосредованном переводе. Сравнение оригинала на иностранном языке с русскоязычной версией, затем с якутской стало бы весьма плодотворным для характеристики якутского переводоведения. Так, сонеты Шекспира в переводе Б.Л. Пастернака, а через него И.М. Гоголева могли бы дать интереснейшие результаты и в плане отражения семантики, и ритмики, и мелодики в переводной интерпретации.

Рассматривая и сравнивая якутско-русский и обратный переводы, следует признать неравноценность как в количественном, так и в качественном отношении. Всплеск переводов якутских произведений на русский и другие языки мира, как мы указывали выше, приходится на вторую половину XX в., хотя вопрос о необходимости переводов на русский язык стал остро ставиться Союзом писателей еще в тридцатые и сороковые годы прошлого столетия (результатом стало привлечение к работе таких известных переводчиков, как А. Ольхон и др.). Несомненно, переводы поэзии А.Е. Кулаковского В. Солоухиным и др., П.А. Ойунского О. Шестинским и др. стали классикой жанра перевода, они позволили миру увидеть всю красоту и богатство якутской словесной культуры, глубину мысли наших больших писателей. Масштабный перевод эпоса олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» Владимиром Державиным ознаменовал собой новую веху перевода в якутской культуре.

Однако носители языка подмечают в переводах разных авторов (ранних и современных) не только формальные неточности в переводе с якутского на русский, но и содержательные отклонения от текста оригинала. Понятно, что перевод это не только содружество, «встреча» двух культур, но и своеобразное сопротивление, если хотите, «конфликт» культур, менталитетов, которые через сложный путь взаимопроникновения порождают новый смысл. Ведь недаром французский философ Жак Деррида считал, что «сопротивление переводу» – есть свойство любого настоящего произведения: «Стихотворение, которое не сопротивляется переводу, разве это стихотворение?» [3. С. 162]. Некоторое ощущение неполноты переводов якутских произведений на русский язык можно, наверно, объяснить тем, что во второй половине XX в. переводы в основном осуществлялись не носителями языка, а русскими переводчиками, которые, возможно, получали недостаточно точный подстрочник, широкий комментарий языковых, бытовых, ментально-психологических и других реалий (вспомним пусть и замечательные, но достаточно отдаленные от оригинала переводы стихов Леонида Попова великой Анной Ахматовой, которая была, к слову, прекрасной переводчицей).

Большее удовлетворение в последнее время читатели получают от переводов носителей языка, переводчиков-билингвов (Аиты Шапошниковой и др.). Не хотелось бы ни в коем случае умалять значение переводов русских писателей-переводчиков, их роль в истории якутской литературы неопределима. Переводы романов Амма Аччыгыя, Софрона Данилова, Ивана Гоголева и др., поэзии Алексея Кулаковского, Анемподиста Софронова, Семена Данилова, Ивана Гоголева, Натальи Харлампьевой и др. на русский и другие языки мира стали достоянием мировой литературы и мощным стимулом для развития национальной литературы. Поэтому и возникает острая необходимость в обстоятельном, скрупулезном, детальном анализе оригиналов и их переводов в сравнительном аспекте.

Художественный перевод – одна из самых сложных и актуальных проблем современного литературоведения и литературной критики. Исторический опыт якутской словесной культуры нуждается в исследовании истории и критики перевода, способствующих дальнейшему развитию национальной литературы.

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1979. – 412 с.
2. Виноградов, В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы : учебное пособие. – 3-е изд. / В.С. Виноградов. – Москва : КДУ, 2006. – 240 с.
3. Беседа с Жаком Деррида // Жак Деррида в Москве. – Москва, 1993.
4. Руфов, С. Литература эйгэтигэр : ыст., дакыл., рец., тыл этиилэр, ахтыгылар / С. Руфов. – Дьокуускай : Бичик, 2004. – 592 с.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: АРКТИКА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 372.881.111.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК ФАКТОР ГУМАНИТАРНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Л.Р. Алексеева

*Арктический государственный институт культуры и искусств,
г. Якутск
alexeeva_lr@mail.ru*

Аннотация. В статье дается обоснование эффективности лингвокультуроведческого анализа в процессе обучения студентов иностранному языку как фактора гуманитарной подготовки студентов в контексте диалога культур. Формирование культурно-языковой личности, готовой к диалогу культур, рассматривается как личностно-развивающая задача языкового образования.

Ключевые слова: лингвокультуроведческий анализ, культурно-языковая личность, гуманитарная подготовка, формирование личности, диалог культур, лингвосоциокультурный подход.

LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS AT FOREIGN LANGUAGE CLASSES AS A FACTOR OF HUMANITARIAN EDUCATION OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIALOGUE

Abstract. The paper provides the rationale of linguistic and cultural analysis efficiency in the process of teaching a foreign language to the students as a factor of humanitarian education of students in the context of

cultural dialogue. Forming a cultural and linguistic identity, that prepares students for a cultural dialogue is regarded as a personality-developing task of language education.

Keywords: *linguistic and cultural analysis, cultural and linguistic identity, humanitarian education, personality development, cultural dialogue, linguistic, social and cultural approach.*

Республика Саха (Якутия) является крупнейшим по территории и одним из важнейших в экономическом отношении субъектов на северо-востоке Российской Федерации. Это многонациональная республика, на её территории проживают представители более 120 национальностей. Такая ситуация не может не влиять и не учитываться в процессе обучения иностранному языку в вузе.

Период обучения в вузе является наиболее благоприятным для формирования и достижения человеком зрелости как личности. Вхождение молодого человека в сферу профессиональной учебно-образовательной деятельности особым образом формирует его личность. Овладение новым видом деятельности, осознание своих новых возможностей способствуют формированию новой многоуровневой позиции личности ко всему окружающему, человек создает новое отношение к людям, обществу, к миру в целом и к своему месту в нем.

Личностно-развивающая цель обучения иностранному языку в вузе – это формирование культурно-языковой личности, готовой к иноязычному межкультурному общению в контексте диалога культур.

Языковая модель мира личности обусловлена не только индивидуально, но и коллективно, так как языковое сознание человека обусловлено обычаями, традициями, образом жизни того этнического коллектива, к которому он принадлежит, то есть культурой в ее широком смысле. Культурная картина мира различна у разных народов, что обусловлено целым рядом факторов: географией, климатом, историей, социальным устройством, верованиями и т.п. Поскольку языковая картина мира отражает действительность через культурную картину мира, можно говорить о взаимодействии языковой и культурной картин мира. Язык – часть культуры, но и культура – часть языка [4].

Становление человека как личности в обществе – это становление человека культурного. Согласно теории культурно-исторического развития

психики человека (Л.С. Выготский, Л.Н. Леонтьев), высшие психические функции не даны человеку в готовом виде. Они формируются прижизненно в результате деятельности по усвоению социального опыта, накопленного предшествующими поколениями, путем овладения средствами коммуникации и духовного производства, вырабатываемыми и культивируемыми обществом [3. С. 7]. Формируемая таким образом культура видоизменяет деятельность психических функций, вырабатывает новые специфические культурные формы поведения [2. С. 29-30]. Что касается проблемы межкультурной коммуникации, то культура влияет на процесс общения не прямо, а опосредованно – через факторы общения (ценности, нормы, роли, социальные когнитивные и аффективные процессы, обычаи и т.д.), которые и обуславливают процессы коммуникации.

Этносоциокультурные нормы и правила взаимодействия закладываются у человека в детстве в процессе роста и развития, прежде чем ребенок начинает учиться в школе, он усваивает культуру, к которой принадлежит. Он усваивает ее в ритмах и течении времени, в способах невербального общения с близкими и незнакомыми людьми, в стилях мышления, в особенностях отношения к природе, домашней среде, самому себе и другим людям, т.е. ценностных ориентаций.

Культурное разнообразие оказывает сильное влияние на нормы, правила и роли в ситуациях взаимодействия, использование вербальных и невербальных средств общения, а также на трудности и барьеры в общении. Нормы, правила, роли оказывают влияние на эффективность общения и в значительной степени обусловлены культурой, к которой принадлежат участники общения.

В книге «Сказ о народе саха», в главе «Этюды о душе саха» якутский ученый-социолог У.А.Винокурова отмечает, что вынужденная изолированность сформировала у якута повышенную потребность в общении, выработался определенный ритуал общения. Общение начинается с традиционной фразы: «Как живете? Что узнали?» Достоинство национального характера предполагает, прежде всего, удовлетворение познавательной потребности хозяина и гостя, поэтому общение с людьми в духовной культуре якутов поднялось на уровень праздничного приподнятого настроения. Речь якута отличается высокой контекстуальностью, глубоким смысловым содержанием. Оно выражается не только в инто-

нациях, нюансах построения речи, но и в скупых жестах, мимике, взглядах, позе – во всем арсенале невербальной речи [1. С. 47-48].

Интегрирование культуры в процесс обучения иностранному языку требует ее изучения не только на когнитивном и коммуникативном уровнях, но и на межкультурном, когда одна культура соприкасается с другой, в результате чего особенно наглядно проявляется их специфика. «Только с уровня знания, по крайней мере, двух языков и культур открываются скрытые трудности, которые не видны с уровня одного языка и культуры» [4. С. 33].

Особенную трудность в межкультурной коммуникации представляет явление интерференции. По мнению ученых (И.Н. Горелов, А.Е. Карлинский, У. Вайнрайх и др.), исследовавших явление интерференции при формировании искусственного билингвизма, она возникает, когда в новой языковой системе есть «пробелы», когда дефицит средств новой системы понуждает к использованию средств уже хорошо сформированной компетенции первого, основного языка. Важность сравнительно-сопоставительного изучения языка и культуры очевидна, так как затруднения в межкультурном общении обусловлены не только межъязыковой, но и межкультурной интерференцией. Если языковые различия более очевидны, то культурные различия часто становятся явными только при сопоставлении. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация», «странным образом, большинство людей не осознает себя в качестве продукта собственной культуры. Более того, в рамках собственной культуры создается иллюзия, что наше видение мира, наш менталитет единственно приемлемый. Культурный барьер, таким образом, гораздо опаснее и неприятнее языкового. Все мы знаем из собственного опыта, с каким добродушием обычно встречаются ошибки в иностранных языках его носителями. Культурные же ошибки, как правило, не прощаются так легко и производят самое неприятное впечатление» [4. С. 33-34]. Основным механизмом преодоления межъязыковой и межкультурной интерференции, неизбежно возникающим при формировании искусственного билингвизма, является введение сравнительно-сопоставительного лингвокультуроведческого анализа.

Преподавателями иностранных языков нашей кафедры разработаны учебные пособия «Культура Арктики (The Arctic: Cultural Reader)» для занятий по английскому языку, «Откройте для себя Арктику (Découvrir l'Arctique)» для занятий по французскому языку. Каждое

учебное пособие включает тексты об особенностях окружающей среды, культуры, традиций, обычаев, быта народов, населяющих Арктику. Учебные пособия состоят из шести разделов: «Арктика – наш дом», «Коренные народы, живущие в Арктике», «Традиционные занятия народов Арктики», «Малочисленные народы, проживающие в Республике Саха (Якутия)», «Верования и традиции народов Арктики», «Современные актуальные проблемы Арктики».

Поскольку каждое пособие представляет материал, интересный для студентов, близкий их жизни, он вызывает желание прочитать, понять, найти схожесть и различия в культурных традициях народов, сравнить, сопоставить, высказать свои собственные мысли, обменяться мнениями в группе.

При обучении иностранному языку в условиях родной культуры обучающийся как субъект одной культуры вступает в диалог с другой, сравнивая ее с собственной. При этом очень важно не только увидеть свою культуру сквозь призму иных образцов, форм и стратегий общения, но и выработать определенный этнометодологический взгляд, который поможет лучше понять собственную культуру. «Педагогическая цель межкультурного образования – это способность к анализу иноязычной действительности, объективированной в иноязычных и инокультурных текстах и развитие умений переносить его результаты на основе сравнения в собственную культуру» [5. С. 127].

Лингвосоциокультурный подход к обучению иностранному языку в условиях билингвизма и многоязычия является более эффективным, так как учитывает социокультурный контекст межкультурного образования, предусматривающий учет национально-культурного фона самих обучающихся. Это также способствует формированию «личностного смысла» учебной деятельности студентов. Сопоставление языкового материала и культуроведческий анализ норм общения на родном и иностранном языке, анализ особенностей культурно-национальной психологии контактирующих культур и социокультурного контекста ситуаций общения развивают у студентов умение анализировать инокультурную действительность, что поможет им в реальном общении избежать культурных ошибок и «культурного шока». Это имеет также большое воспитательное значение, поскольку помогает лучше осознать культурное многообразие мира и свое место в нем.

Литература

1. Винокурова, У.А. Сказ о народе саха / У.А. Винокурова. – Якутск : Бичик, 1994. – 144 с.
2. Выготский, Л.С. История развития высших психических функций : собр. соч. / Л.С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 328 с.
3. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – Москва : Изд-во МГУ, 1981. – 582 с.
4. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/SLOVO, 2000. – 266 с.
5. Фурманова, В.П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков : дис. ... д-ра пед. наук / В.П. Фурманова. – Москва, 1994. – 475 с.

ЭМОТИКОНЫ В КОРЕЙСКОЙ КИБЕР-КОММУНИКАЦИИ

Ан Сан Чоль, К.Г. Егорова

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск*

Аннотация. В данной статье рассматриваются эмодзи и аббревиатурные сокращения, используемые в корейской кибер-коммуникации, а также показано, почему корейские эмодзи или сокращения должны интерпретироваться как культурные символы. Нами сделана попытка дать анализ структурных характеристик корейских эмодзи по сравнению с их «западными» аналогами, которые широко применяются во всем мире. Также нами обосновано, что фонографический характер системы корейского алфавита делает его структуру инновационной и уникальной.

Ключевые слова: эмодзи, кибер-коммуникация, культурные символы, система письма, хангыль, корейский.

EMOTICONS IN THE KOREAN CYBERCOMMUNICATION

Abstract. This article focuses on emoticons and abbreviations used in the Korean Cybercommunication. This article illustrates the rationale for the Korean emoticons and abbreviations should be interpreted as cultural symbols. The given article attempts to give an analysis of the structural characteristics of the Korean emoticons in comparison with the Western analogies, which are used worldwide. This research also argues that the phonographic character of the Korean alphabet makes its structure unique and innovative.

Keywords: emoticons, cybercommunication, cultural symbols, the writing system, Hangyl, Korean.

1. Западные эмодзи против восточных эмодзи

ASCII эмодзи в западных странах обычно пишутся под прямым углом по направлению текста: глаза на левой стороне, а затем нос и рот.

В Восточной Азии эмодзи расположены вертикально, так что их можно понять, не наклоняя голову влево:

(1)	:~)	;-)	:-(:-D	:-O	Западные: повернуты на 90 градусов
	^_^	*._	— — ^	^Q^	(*_*)	Восточные: расположены прямо
	‘улы- баться’	‘подми- гивать’	‘печа- литься, грустить’	‘смеять- ся’	‘удив- ляться’	

Структурное побуждение наклона западных эмодзи, вероятно, заключается в том, что текст читается и пишется слева направо. Кроме того, с использованием кодов ASCII они не имеют большей возможности эффективно изображать формы рта. Так, эмодзи изображаются по порядку: глаза, нос и рот, т.е. сверху вниз (два символа, например :) являются распространенным явлением. Нос часто опускается). Тогда почему же невозможно выравнить ASCII коды снизу вверх? Ответом на данный вопрос может быть то, что когда мы обычно описываем форму тела, описываем сверху вниз. Сначала мы изображаем голову, затем тело и, наконец, ноги. По мере того, как система письма указывает на направление способа записи слева направо, эмодзи должны начинаться с верхней части, т.е. с глаз.

Более того, большинство западных эмодзи изображают эмоции с формами рта, в то время как восточноазиатские используют формы глаз [2].

(2) Западные эмодзи, изображающие формы рта [2. С. 232]:

	Положительные		Отрицательные	
	:~)=)	улыбка	:-(=(печаль
	:]=]	интимность	:-[=[депрессия
	:> :>	презрительная улыбка	:< :<	очень грустная улыбка

(3) Восточноазиатские эмотиконы, изображающие формы рта [2. С. 257-258]:

	Положительные		Отрицательные	
	^^ ^_^ ^ _^	счастливая улыбка	(;_;) ;O; T_T	печаль (слезы)
	^_^ (*^.*^*)	застенчивость	(-_-)	неудовлетворенность
	(^o^)*(^O^)*	смех	(*_**) O_O (o.O)	удивление, шок

2. Этнокультурные взгляды

Данный четкий контраст часто обусловлен разницей в культурных и социальных отношениях. Западной культуре индивидуализма характерна необходимость подчеркнуть прямое и явное выражение эмоций, в то время как восточные азиаты контролируют или подавляют свое эмоциональное состояние. Yuki и др. [7. С. 304] утверждают, что жители Восточной Азии, как правило, уклоняются от откровенных проявлений эмоций и редко улыбаются или хмурятся ртом, что в Восточной Азии (в частности, в Японии) студенты проявляют свои чувства во время общения больше через глаза, в то время как американские студенты обращают больше внимания на форму рта. Jack и др. [1. С. 1543-1544] также отмечают, что проявление эмоций жителей Запада распределено равномерно по всему лицу, а внимание восточных наблюдателей было сосредоточено в области глаз, как показано на следующих двух рисунках.

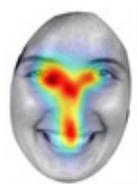

Рис. 1. Западный

Восточноазиатский

С другой стороны, Kang [2. С. 245-248] объясняет принципиальное различие между двумя культурами следующим образом: во-первых, жители Запада понимают эмоции своих коллег, глядя на губы, в то время

как восточные азиаты обычно читают по глазам. Во-вторых, как это показано на следующих рисунках, жители Запада имеют широкую улыбку с широко открытым ртом, однако улыбка азиатов смотрится гораздо мягче. На рисунке 2 представлены: западная широкая улыбка и «мягкие» улыбки, выгравированные на черепицах в VII веке во время династии Силла (Корея), и японские маски, используемые в танцевальных представлениях с масками.

а. Западная улыбка

б. Черепица VII в. (Корея)

с. Японская маска

Рис. 2

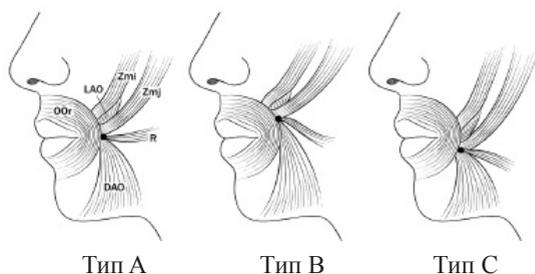
В-третьих, жители Восточной Азии улыбаются даже в сложной ситуации, чтобы скрыть свои эмоции, поэтому следует читать движения мышц вблизи глаз, чтобы поймать их реальное эмоциональное состояние [2. С. 248].

Рассуждения о западных акцентах форм рта могут быть поддержаны в физиологических исследованиях у Yang [6]. На рисунке 3 [6. С. 4], мышечный узел в углу рта является осью (мышцы, участвующие при смехе) мышцы – изображена как точка в углу рта. Она расположена под углом рта, где сходятся несколько лицевых мышц. На основании ранее проведенных исследований Shimada & Gasser [5], Yang [6. С. 4-7] отмечено, что типы А и С являются доминирующими в корейском и японском языках, в то время как тип В является наиболее распространенным среди европейцев.

(4) Тип А: Расположение мышечной конвергенции латерально по отношению к углу рта.

Тип В: Конвергентная область расположена выше угла.

Тип С: Конвергентная область расположена под углом.

(Примечание: OO г: круговая мышца рта, DAO: опускающая угол рта мышца, R: мышца смеха, Zmj: скуловый край большого крыла клиновидной кости, Zmi: малый отросток скуловой кости, LAO: мышца, поднимающая угол рта)

Рис. 3. Формы и расположение мышечного узла в углу рта

Результаты анализа, приведенные выше, показывают, что при смехе представители Запада открывают рот шире, чем представители Восточной Азии, это обусловлено по причине расхождения органического строения лицевых мышц. И подобная разница отражается в создании эмодзи.

3. Корейские эмодзи как культурные символы

В (Южной) Корее большинство эмодзи изображаются буквами корейского алфавита - хангылем, поэтому западный стиль эмодзи встречается редко. Например, согласные буквы □ или ▣ изображают форму рта/носа, а буквы ○, ◡, ▣ изображают глаза: ○□○, ○▣○, ○△○, □△□, ◡○◡ и △△. Формы лица в кавычках, апострофах или с точкой и запятой также используются, чтобы выразить «потеть/смущаться» или «плач», например, ‘△’, ‘△’, ‘▣’, ‘○’, ;△; и т.д.

(5) а. Только согласные буквы

удивление: ○□○ ○▣○ ○△○ □△□ ◡○◡

улыбка: △△ ▣

б. Комбинации с пунктуационными знаками:

улыбка: “△” ‘▣’ ‘○’ плач: ;△;

удивление: ○_○ милостивое лицо: ◡_◡ >□<

Во-вторых, гласные буквы ㅏ и ㅑ удваиваются с целью показать «плачущее лицо», например, ㅏㅏ, ㅑㅑ, ㅏㅑ и т.д. Кроме того, гласная буква ㅡ (не западные тире или дефис) часто сочетается с другими буквами, например, ㅏㅏ_ㅑ, ㅑ_ㅏ, ㅏㅡ и т.д. Подобные смешанные типы могут встречаться с запятой или знаком подчеркивания, например, ㅏ.ㅏ, ㅑ.ㅏ, ㅏ.ㅡ, ㅏ_ㅑ, и ㅏㅑㅡ. Корейские эмодзи, ко-

нечно, могут писаться и с точкой с запятой; точка с запятой означает «потливость»/«смущение», в то время как знак вставки изображает улыбку, например, ^ ^, ^-^, ^ Ω ^.

(6) а. Только гласные буквы:

⌊⌊, ⌊⌊⌊, ⌊ — ‘плач’, —⌊— ‘депрессия’, —— ‘угрюмый, мрачный, утомленный’

б. Комбинация с согласными буквами:

⌊⌊○⌊⌊, ⌊○— ‘плач’, ○⌊⌊○ ‘рвота/тошнота’, ⌊— ‘волноваться’

с. Комбинация с буквами ASCII:

^Ω^, ^○^ ‘улыбка’, +—+, ○_○ ‘удивление’, ——^ —.— ‘напряженный’, о(^о) (о^^)о ‘похлопывание’

Кроме того, корейские эмотиконы могут быть смешаны с западными знаками препинания или символами. Например, тире, дефис, подчеркивание изображают плохое чувство, например, _ ^, -- ^ . Существует еще множество примеров, принадлежащих к данной особой категории.

(7) Комбинация знаков препинания или специальных символов:

>.< «агония», ^~ «подмигивание», ~ ~ «скучный», =_= «сонливость», ^ ^; ^-^; «пот течет рекой», -_- —— «серьезное лицо», - _ ^ - _ ^ «поднята одна сторона брови».

Графическая природа корейской системы алфавита - хангыль весьма полезна для того, чтобы создавать эмотиконы. Слоги хангыля, имея образ квадрата и линейных форм, сравнимы с «LEGO» блоками; корейские буквы более наглядно ориентированы, нежели китайская или японская письменности.

(8) Корейские буквы с квадратными формами:

а. Согласные: ⌊, ⌊⌊, ㄴ, ㄷ, ㄸ, ㄹ, ㅁ, ㅂ, ㅃ, ㅅ, ㅆ, ㅇ, ㅈ, ㅉ, ㅊ, ㅋ, ㆁ и т.д.

б. Гласные: ㅏ, ㅑ, ㅓ, ㅕ, ㅗ, ㅛ, ㅜ, ㅠ, ㅡ, ㅣ, ㅟ и т.д.

Помимо букв формы «LEGO блоков», другие согласные полезны для изображения различных форм глаз. Таким образом, корейцы не прибегают к необходимости использовать эмотиконы западного типа, чтобы изобразить формы глаз, которые являются основными способами выражения эмоций в Восточной Азии, включая Корею (ни одна система алфавита не может изобразить различные эмоции на основе собственной письменности).

(9) Другие графические согласные (которые могут быть использованы для изображения форм глаз):

人, 从, 天, 双, 天, 舌, 口 и др.

В отличие от западной системы, нет необходимости наклонять вниз буквы, чтобы изобразить подходящие эмодзи. Ниже мы можем описать основные принципы построения эмодзи в корейском языке.

(10) Принцип комбинации:

а. Используйте корейские буквы, чтобы изобразить основные эмоции и формы рта.

б. Используйте 1 байт знаков препинания или символов, чтобы изобразить глаза.

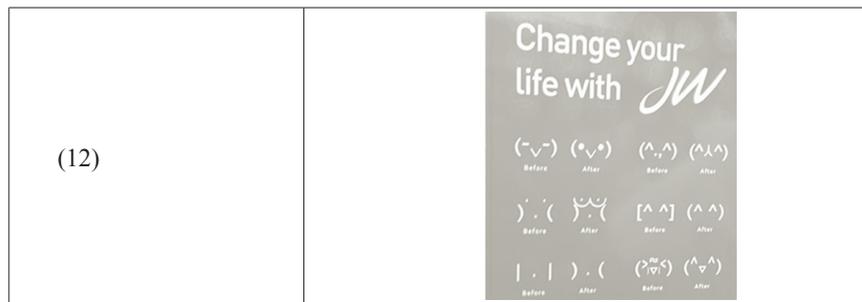
с. Используйте другие символы, чтобы изобразить особый эмоциональный статус.

Наряду с употреблением букв корейского алфавита, распространены также более наглядные западные эмодзи, но они вводятся вертикально.

(11) Больше эмодзи, изображенных вертикально:

♥.♥♥.♥	‘любовь’	> <	‘застенчивый’
★.★	‘захватывающее’	>3<>_<	‘милое лицо’
@_@	‘головокружительный’	+_+	‘неожиданность’

Все виды эмодзи в настоящее время широко используются в Корее, например, символьные эмодзи, рекламирующие различные виды пластической хирургии («до» и «после» эмодзи) [3].

Данный пример показывает, что эмотиконы, обладая наглядным преимуществом, несут в себе творческий потенциал, отсюда следует, что паралингвистические особенности становятся важной составляющей лингвистической деятельности в Корее.

4. Заключение

Нами проведено сравнение структурных характеристик корейских эмотиконов с их «западными» аналогами, которые широко применяются во всем мире. Мы утверждаем, что фонографический и графический характер корейской системы алфавита делает структуру более инновационной и уникальной. Кроме того, корейцы также используют один байт эмотиконов с целью изобразить глаза, выражающие эмоции, как и другие восточноазиатские эмотиконы.

Литература

1. Jack, Rachael E, Caroline Blais, Christophe Scheepers, Philippe G. Schyns, and Robert Caldara. 2009. Cultural confusions show that facial expressions are not universal. *Current Biology* 19: 18, 1543-1548.
2. Kang, Ongmi. 2010. How are emotions reflected in eastern and western facial emoticons? (Written in Korean). *Semiotic Inquiry* 27, 243-267.
3. Koji, Steven. 2011. The difference between Asian and Western emoticons. <http://www.8asians.com/2011/09/27/all-about-asian-emoticons/>
4. Markus, H. R., and Kitayama, S. 1991. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review* 98, 224–253.
5. Shimada, Kazuyuki and Raymond F. Gasser. 1989. Variations in the facial muscles at the angle of the mouth. *Clinical Anatomy* 2, 129-134.
6. Yang, Seung-Jun. 2003. Location of the modiolous and the morphologic variations of the risorius and zygomaticus major muscle related to the facial expressions in Koreans. (Written in Korean). Master thesis, Yonsei University.
7. Yuki, Masaki, William W. Maddux and Takahiko Masuda. 2006. Are the windows to the soul the same in the East and West? Cultural differences in using the eyes and mouth as cues to recognize emotions in Japan and the United States. *Journal of Experimental Social Psychology* 43, 303-311.

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ
В УСЛОВИЯХ ГОРОДА И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИДЕРСКИХ
КАЧЕСТВ ПО ПРОГРАММЕ «ЛИДЕР XXI ВЕКА»
МБОУ СОШ № 38

И.З. Борисова

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
isborissova@mail.ru*

***Аннотация.** В статье речь идет о воспитании лидеров из числа малочисленных народов. Личность лидера для малочисленных народов Севера, для исчезающих племен канадских индейцев и эскимосов имеет большое значение. Современный лидер обладает не только теми свойствами, которые были необходимы в прошлые времена для сохранения народа. Современный лидер – это высокообразованный, имеющий авторитет в структурах власти, дипломатичный, умеющий доказывать и защищать интересы народа индивид.*

***Ключевые слова:** лидер, малочисленные народы, изучение языков народов севера Якутии.*

THE STUDY OF LANGUAGES OF THE PEOPLES OF YAKUTIA
NORTH UNDER THE CITY AND THE FORMATION
OF LEADERSHIP QUALITIES ON THE
«LEADER OF THE XXI CENTURY» PROGRAM SCHOOL № 38

***Abstract.** The article deals with the education of the leaders of the indigenous minorities. Personality Leader for Indigenous Peoples of the North, for the vanishing tribes of Canadian Indians and Eskimos is important. The modern leader has not only the properties that have been necessary in the past to save people. The modern leader - it is a highly educated, having authority in the government structures, diplomatic, able to prove and defend the interests of individual people.*

***Keywords:** leader, ethnic minorities, the study of languages of the peoples of the north of Yakutia.*

Личность лидера имеет большое значение для исчезающих племен канадских индейцев и эскимосов, для малочисленных народов Севера России. Современный лидер обладает не только теми свойствами, которые были необходимы в прошлые времена для сохранения народа. Современный лидер – это высокообразованный, имеющий авторитет в структурах власти, дипломатичный, знающий юридические аспекты освоения исконных территорий, умеющий доказывать и защищать интересы народа индивид.

Еще в эпоху завоевания Дикого Запада американцы, как новая нация, победив индейские племена, рассматривали природу прерий как будущие плацдармы для преобразования природы. Но с совершенно противоположной концепцией выступили индейцы сиу, вместе с ними и другие индейские племена, утверждавшие, что «дух земли творит то, что неделимо. Со всем сущим на земле нас связывают узы родства». Оказалось, что неграмотные индейцы придерживались «передового» биосферного мировоззрения. «Отсталым» индейцам была противопоставлена американская цивилизация, объявившая человека Божественной силой, способной преобразовать и подчинить природу. Такая же лихорадка преобразования и изменения природы захватила и нашу страну. Победа над природой и природными биоценозами, в которых частью еще остаются малочисленные народы Севера, другие народы, привела к осознанию исчерпанности природных ресурсов, к многочисленным неизлечимым болезням человека и общества. Идея преобразования самого человеческого организма, появление модифицированных продуктов таит в себе угрозу для человечества. Необдуманная деятельность человека уже сегодня привела к гибели многих этносов. Великий В.И. Вернадский, впервые заговоривший о ноосфере, сформулировавший некоторые законы биосферы, ратовал за понимание людьми того, что вся история человечества – неразрывная часть в колебаниях мировой биосферы. Между тем уникальный опыт гармоничных взаимоотношений с природой у северных народов мира сегодня стал предметом обсуждения авторов научных трактатов, экологов разного уровня.

Народы, тысячелетиями жившие в гармонии с природой, оказались на грани вымирания. Есть ли выход в их спасении, какова социальная миссия современной школы в данной проблеме?

Термины «пассионарность», «пассионарий», «пассионарный толчок», введенные Л.Н. Гумилевым [4. С. 277], объясняют механизм появления, образа действия, роли лидера в жизни этноса. Пассионарии - лидеры, у которых превалируют общественные интересы, люди, которые заражают идеей других и ведут за собой. «Следовательно, пассионарность – это первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Необходимость сопротивляться окружению заставляет их объединиться и действовать согласно; так возникает первая консорция, быстро обретающая те или иные социальные формы, подсказанные уровнем общественного развития данной эпохи. Порождаемая пассионарным напряжением активность при благоприятном стечении обстоятельств ставит эту консорцию в наиболее выгодное положение» [4. С. 281]. Этногенез, рождение и развитие этноса зависит от уровня пассинарности. Этносы, как утверждает Л.Н. Гумилев, имеют в своем развитии разные фазы. «Наиболее тяжелым периодом в жизни этноса оказывается надлом – переход от акматической фазы накала пассионарности к разумному хозяйничанию инерции, а затем к бездумному спокойствию гомеостаза... Усилия персон творческих и патриотичных начинают называть «фанатизмом». Именно отсутствие внутренней поддержки «своих» определяет гибель этносов от немногочисленных, но пассионарных противников. «Бойся равнодушных», – сказал перед смертью писатель XX в.» [4. С. 293].

Сегодня, когда западная цивилизация переживает период упадка, когда новые ценности, которые по сравнению с традиционными оказались недолговечными и ненадежными, вспоминаются мудрые слова представителей индейских племен, переселенных из нажитых земель в резервации: «Когда с этой земли исчезнет последний краснокожий, а памятью о нем будет только тень облака, парящего над Великими Озерами, в этих берегах и лесах по-прежнему сохранится дух моего народа, ибо

он любит эту землю, как новорожденный любит сердцебиение матери. Мы – часть этой земли, и она – часть нас самих. Душистые цветы – наши сестры, олень, конь, большой орел – наши братья. Горные вершины, сочные луга, теплое тело мустанга и человек – все они одна семья. Вот что мы знаем: не земля принадлежит человеку, а человек принадлежит земле. Вот что мы знаем: всё в мире взаимосвязано, как кровь, которая объединяет целый род. Всё взаимосвязано. Что бы ни случилось с землей, это случается и с её детьми. Не человек плетёт паутину жизни – он лишь одна нить в ней. Если он делает что-то с паутиной, то делает это и с самим собой. У нас у всех один бог. Для нас эта земля сокровище. Даже большие народы не смогут избежать нашей судьбы. В конце концов, мы еще сможем стать братьями по беде... Берегите свой мир» [5].

Сегодня, когда исчезает природный ареал существования малочисленных народов Севера, аборигенов Канады, других аборигенных народов Земли, когда остается только культура, созданная веками, роль пассионарности, пассионарной идеи возрастает. Возрастает роль воспитания лидера, лидеров-пассионариев. Только целостное понимание особенностей этногенеза и роли личности пассионариев в жизни, выживании этноса спасет малочисленные народы Севера для будущего. «Да, это будут качественно новые этносы с таким же названием, но объединяющее ядро – язык, дух, история культуры этноса – останется на века» [3. С. 388]. Но это только при наличии переменного пассионарного напряжения, идеи, носителем которого являются пассионарии. Задача каждого этноса сохранить живой дух, принадлежащий пассионариям. «Когда из популяции уходят пассионарии, там остается много людей, еще больше вещей и некоторое количество идей. Так культура, как свет угасшей звезды, обманывает наблюдателя, принимающего видимое за существующее» [4. С. 298].

В концепции Саха-Канадской школы с углубленным изучением языков народов Севера и иностранных языков - МБОУ СОШ № 38 г. Якутска, который был создан усилиями ФИЯ ЯГУ и ЯГУОО, МО РС (Я), правительства РС (Я), придается большое значение изучению родных языков народов Севера. Эвенский и эвенкийский языки преподаются со дня создания школы. До 2013 г. преподавался юкагирский язык. Методика преподавания основана на принципах коммуникативно направлен-

ного обучения языку. В ходе изучения языков учитывается лингвострановедческий аспект, циркумполярная цивилизация изучается в качестве одного из достижений человечества. Якутоязычные учащиеся изучают циркумполярное страноведение в рамках интегрированного курса «Основы межкультурной коммуникации». Содержание интегрированного курса, учебная деятельность, основанная на принципах кинестетического восприятия материала, позволяют решить проблему преодоления этнических стереотипов.

В комплексной программе обучения и воспитания одним из приоритетных направлений является процесс воспитания лидера. В 2005 г. принята программа «Лидер XXI века». Цель программы вытекает из положений концепции школы: 1) заложить основу для воспитания национальных кадров мирового уровня с ориентацией на международный бизнес; 2) воспитать представителей нового поколения северных народов, знающих и любящих свой родной язык и культуру, воспринимающих себя как часть мировой цивилизации, готовых к равноправному диалогу [1. С. 3, 4].

Участниками программы являются учащиеся-активисты с 8-го по 11 класс с выраженными качествами лидера. С целью выявления учащихся с выраженными лидерскими качествами ведется работа психологической службы школы. Психолог ведет работу по изучению учащихся, определяет участников программы, проводит тренинги личностного роста будущего лидера.

В ходе реализации программы установлены следующие направления: «Циркумполярная культура – уникальный вклад в мировую цивилизацию», «Коренные народы мира», «Будущее моего народа в моих руках», «Современный лидер», «Учимся быть лидерами», «Женщина-лидер». Тематика программы по основным направлениям утверждается на год.

В 2005 г. проведена установочная конференция «Ответственность подрастающего поколения за сохранение языков и культурного наследия». На встречу были приглашены активные лидеры из числа коренного населения, в том числе с.н.с. ИПМНС, старейшина юкагиров Шадрин В.И., зав. кафедрой северной филологии ФФ ЯГУ, к.филол.н. Белолюбская В.Н., зав. секцией палеоазиатской филологии ИПМНС, к.филол.н. Андреева Т.Е.

Направления «Циркумпольная культура - уникальный вклад в мировую цивилизацию», «Коренные народы мира» являются базовыми. Многие базовые знания и навыки формируются в ходе интегрированной программы «Основы межкультурной коммуникации» в 1-10 классах. (автор Борисова И.З.). Интеграция гуманитарных предметов, сопоставительное изучение культур арктических народов, встречи, мастер-классы народных мастеров, сказителей, хранителей культуры, стажировки в местах компактного проживания северных народов Якутии, языковые и культурные погружения в языковую и культурную среду, школьные обмены с учащимися северных улусов призваны стать тем базисом, которые позволят воспитать новых уверенных лидеров, лишенных психологических комплексов и уважающих и сохраняющих культурные истоки Севера как уникальной части мировой цивилизации [1, 2].

По направлению «Учимся быть лидерами» предусмотрены такие виды мероприятий, как встречи с лидерами-сверстниками из передовых школ республики, различные тренинги. Направление «Будущее моего народа в моих руках» требует очень большой подготовки со стороны авторов проекта и имеет собственную стратегию и подготовку. Одними из ключевых методов воздействия по данному направлению являются живые контакты с лидерами из числа малочисленных народов. В разное время были проведены встречи-диспуты с лидерами, действующими пассионариями, такими как председатель постоянно действующего комитета по делам Арктики и малочисленных народов Севера при Государственном собрании (Ил Тумэн), народным депутатом, эвенским писателем и поэтом Кривошапкиным А.В., академиком АН РС (Я), директором ИПМНС, д.филол.н., автором серии учебников по эвенскому языку Роббеком В.А., президентом международной ассоциации оленеводов мира, народным депутатом Ил Тумэн Погодаевой М.А. и др. По направлению «Коренные народы мира» утвержден цикл лекций об инуитах Гренландии, Канады, об индейцах Канады, малочисленных народах Якутии и Дальнего Востока. Также предусмотрены диспуты, например, по теме «Национализм и патриотизм» с приглашением социологов, политологов. Направление «Современный лидер» предполагает проведение различного рода тренингов, ток-шоу, диспутов. Большую роль в этом проекте отводится философскому контексту. Преподаватели кафедры философии СВФУ принимают активное участие в этом направлении, проводя

глубокие, продуманные мероприятия. В том числе были проведены ток-шоу «Качества современного лидера» с приглашением д.филос.н., профессора СВФУ Михайлова В.Д., «Философия народа саха» д.филос.н., профессора СВФУ Саввина А.С. Учитывая огромную роль женщины, женщины-лидера в сохранении этносов, в программе предусмотрен также и гендерный аспект. Направление «Женщина-лидер» также базируется на личных контактах по темам «Типы деловых женщин», «Женщина и политика». Запланированы и проведены встречи, ток-шоу с женщинами-лидерами. Такие встречи должны становиться регулярными и охватывать самый широкий круг действующих лидеров-пассионариев. В программе предусмотрены традиционные, ежегодные конкурсы, в том числе конкурс «Leader» в 1-11 классах по ступеням обучения, конкурс сочинений «Мой идеал деловой женщины», «Роль лидера в сохранении этноса». Не забыта и работа по внешним качествам руководителя, лидера (мастер-классы «Внешность деловой женщины», «Корпоративный стиль», «Этикет в межкультурной коммуникации»). Большое внимание в программе уделяется проектной деятельности, которая тесно сопрягается с учебной работой. Проекты «Как спасти мой народ», «Смерть языка – это неизбежное будущее языков аборигенов Канады и Якутии? Выработка стратегии спасения» призваны воспитать чувство ответственности за сохранение языков. Программой утверждается список литературы, необходимой для чтения. Читательские диспуты по книгам, в том числе публикациям Гумилева Л.Н. «Этногенез и биосфера земли», «Тысячелетия вокруг Каспия» и др., помогают выработать навыки извлечения полезной информации из прочитанного, ознакомить с основополагающими закономерностями жизни и смерти этносов.

Программа только начинает набирать обороты, о каких-то результатах говорить рано. Как всякое проявление некоей теории, она имеет свою гипотезу. Она заключается в том, что целенаправленная подготовка будущих лидеров, воспитанных на идеях интернационализма и межкультурной коммуникации, понимающих ответственность за будущее своего этноса как уникального явления человечества, поможет продлить жизнь исчезающих народов и языков. В конечном счете это касается не только языков малочисленных народов, но и якутского и русского языков.

Литература

1. Борисова, И.З. Интегрированный курс «Основы межкультурной коммуникации». Для школ с углубленным изучением иностранных языков / И.З. Борисова. – Якутск : Изд-во Якутского госуниверситета, 2007.
2. Борисова, И.З. Программа интегрированного курса «Основы межкультурной коммуникации» для школ с углубленным изучением иностранных языков / И.З. Борисова. – Якутск : Изд-во Якутского госуниверситета, 2003.
3. Борисова И.З. Педагогический аспект теории Л.Н. Гумилева о пассионарной личности // Материалы Международной научной конференции «Культурное наследие Северной Евразии: проблемы и перспективы освоения», посвященной 100-летней годовщине со дня рождения Л.Н.Гумилева, 22-23 марта 2012 г. – Киров : МЦНИП, 2014.
4. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – Москва, 1978.
5. Речь индейского вождя Сиатля в 1854 году. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2014/06/09/2312> (Дата обращения 8.09.2015).

НИМКАН В ТВОРЧЕСТВЕ В. ЛЕБЕДЕВА

А.А. Винокурова

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
antonina-vinokurova@bk.ru*

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию жанрового своеобразия эвенской поэзии. На основе анализа поэм В. Лебедева сделана попытка представить самобытность эвенского мира. В процессе исследования впервые проанализировано влияние фольклора на эвенскую поэзию, в частности эвенских сказок-нимкан на творчество эвенского поэта В. Лебедева.*

***Ключевые слова:** нимкан-сказка, эвенская поэзия, легенды-тэлэн, эвенский фольклор, мифология, поэма.*

NIMKAN IN THE POEMES BY V. LEBEDEV

***Abstract.** This article is devoted to the study of a the special features of Even poetry as a genre. Based on the analysis of poems by V. Lebedev, this article also attempts to give an outline of the unique Even culture. This research represents fundamental analysis of how folklore affected the Even poetry and female fairy tales (nimkans) represented in the poetry by V. Lebedev in particular.*

***Keywords:** a nimkan fairy tale, Even poetry, telen legends, Even folklore, mythology, poems.*

Василий Дмитриевич Лебедев был признан и известен как выдающийся эвенский поэт. Его многогранная творческая личность ярко проявлялась и в сфере науки. Он вошел в историю родного народа в качестве первого эвенского ученого, кандидата филологических наук.

В творческом пути Василия Лебедева как ученого можно выделить изыскательскую деятельность фольклориста. Этот путь способствовал расширению научного кругозора поэта-ученого, углублению его ху-

дожественного творчества в фольклорные истоки эвенской культуры. Он всю жизнь занимался исследованием эвенского фольклора. Об этом свидетельствуют его публикации фольклорного текста «Ньоол-тык» с собственным переводом на русский язык в приложении монографии «Язык эвенов Якутии». В приложении монографии «Охотский диалект эвенского языка» были опубликованы фольклорные материалы Н.П. Ткачика, учителя Аркинской национальной школы (три героических сказания с переводом на русский язык «Геакчавал», «Чибдэвэл», «Делгэни», записанные от сказителя Н.Г. Мокроусова.

Представляет интерес статья В. Лебедева «Обрядовая поэзия эвенов». Описывая структуру обрядовой поэзии, он выявил влияние этой поэзии на построение мифов, которые раньше пелись, что «этнографическая бытовая реальность легла в основу многих сюжетов эвенского фольклора».

Таким образом, В.Д. Лебедев стал знатоком эвенского фольклора, что стало научной базой для становления его как поэта. В.Д. Лебедев с первых же своих стихов обратился к фольклорному наследию своего народа. Он впитал в себя все бесценное из этого наследия и воплотил в своих произведениях, тем самым развивая культуру эвенов, храня духовность своего народа. В душе истинного народного поэта В. Лебедева фольклор, идущий из глубин веков, превращается в нечто великое вечное зерно, неподвластное времени, то, что было, есть и всегда будет.

В. Лебедев впервые внес в эвенскую литературу жанр поэмы, поэтические обработки сюжетов, которых заимствовал в сказках-нимкар.

Особенностью поэтического творчества В. Лебедева является переложение в стихотворную форму сказок-нимкан «Дөдэкэн» (Додэкэн), «Бягандя хунадян» (Дочь луны), «Отакчан» (Отакчан), «Чирун мэргэн энтири» (Глупый глухарь); поэмы, основанные на тэлэнэл – легенды и предания «Омчэни», «Гяван аси»; историческая поэма «Нюку тэлэнэн»; «Отакчан»; поэмы на шаманскую тему «Миргилян», «Ханьян хуйэн». Применяв своеобразные мотивы народных сказок и легенд, поэт создает оригинальные произведения эвенской литературы.

В поэзии В. Лебедева распространены «архетипические мотивы путешествий» [7. С. 65]. Эти путешествия, как правило, строго соотносены с мифологической топографией, не только с противопоставлением неба, земли подземного и подводного «мира», например, в поэме «Миргилян»

душа шамана во время заклинания *дэсэн бисни няниндули* совершает полёт в небо, *олда / одиди, намандялбу давлиндан* - превратившись в рыбу / уплывает в море, *кадарал-да, кунтэкэл / дерэлникэн илтэнчир* – над скалами, и лугами / также пролетает; с маркированием реки как границу между мирами на суше, например, это явление отражается в поэме «Бягандя хунадян», где ариңка (чёрт) может одновременно пребывать и на суше, и в реке. В основу этой сказки в стихах «Додэкэн» легла фольклорная сказка о животных «Заяц-хвастун». Структурно оно включает в себя монологи зайчика Додэкэчэнэ и матери Додэкэчэнэ.

Сюжет поэмы «Омчэни» характерен для архаического эпоса эвенов. Изображается героическое сватовство, осложненное мотивом поиска и добывания жены. Жанр – фольклорная поэма, в её основу легла легенда об Омчэни. Поэт использовал в поэме «Омчэни» элементы эпического сказания эвенского фольклора. В построении поэмы автор придерживается фольклорного нимкана: каждый герой поэмы имеет свою песню с запевами. Гивлинчо икэн - песня Гивлинчо с запевными словами «Гивлинчо, Гивлинчо, Гивлинчо!»; Кэкучэн икэн – песня кукушки; Эринчу икэн – песня Эринчу с запевными словами Эринчу-дэ, Эринчу!; Иркэнмэл икэн – песня Иркэнмэ с запевными словами «Акайнав-у, акайна»; Чивкачан икэн – песня чивкачан с запевными словами «Чипипи, чипипи, чипипи»; Хуси хуркэнни икэн – песня сына Лебеда; Хуси хунадин икэн – песня дочери Лебеда; Буркан Буран икэн – песня Буркан Бурана.

В основе мотива, по которому «младший брат добывает старшему суженую», лежат мифологические воззрения [6. С. 137]. Герой поэмы Омчэни во время охоты однажды увидел лебедей с бело-золотыми крыльями:

Өмнэкэн Өмчэни,
Халдюча асаткан
Элдэкэнни урэмэкэн
Нөлтэн хугас хеддэкэн,
Худэрэнэ учики
Хэпкэниди,
Хуланя Мэчэн амкачани
Ойкандукун аюнтаснин,
Табач ңаски чуласнин,
Бугаскикан бадуснин.

Однажды Омчэни,
Когда солнце красным рассветало,
Словно стеснительная девушка,
Развязанного оленя поймав,
На макушке золотой сопки,
Поднявшись, стал наблюдать,
Где можно поохотиться.
Затем спустился вниз,
В лес верхом отправился,
Поохотился, а

Бюучэлэн,
Нодмэр дюли эвиддэкэн,
Хусиндякар дэггочилрэ,
Дючам эрэли эрлинрэ.

Когда возвращался домой,
Лебеди прилетели и
Кружили
Вокруг дома.

[А.В.].

На золотой горе лебеди превращались в девушек и пели песни. Увидев красивых девушек, Омчэни решил жениться на одной из них. Он рассказал об этом брату, который должен был поймать лебедя-девушку.

Среди мифологических и фольклорных героев всех народов мира видное место занимает образ животного первопредка. Это герой палеоазиатского эпоса ворон, а также главный персонаж медвежьего праздника – не только у палеоазиатских тунгусов и индейцев Берингоморья, хантов в Западной Сибири, но и народов Европы, в культурах которых сохраняются в разных проявлениях отголоски существовавшего культа медведя. Образ орнитоантопоморфной прародительницы – лебеди – встречается не только у сохранивших мифы о ней эвенков, бурят, якутов, казахов, но и у тех европейских народов, в чьем фольклоре зафиксированы сказочные сюжеты вокруг «лебединого озера» [8. С. 340]. В поэме «Омчэни» сюжетом служит превращение лебедей в девушек, и прародителем эвенов оказывается лебедь. В ней использован «образ орнитоантопоморфной прародительницы-лебеди». Омчэни просит своего младшего брата идти к месту, где собираются лебеди. Когда он приходит в назначенное место, то видит превращение лебедей в девушек. Они оставляют одежду-крылья, затем начинают танцевать хэде и, заметив юношу, приглашают присоединиться к ним:

Өмэн хэсэн хусиндял
Хуланя Мэңэн амкачан
Эрэли бисивэн бэкэччон
Аймакань ярутта.
Мэңэн амкачан ойкандун
Өмэн хэлки доридюр,
Гилрэртэри дэтлэлбур
Нуккачилра бэкэлтэн.
Өмэттукэн одюдур,
Иркэнмэлу гадыдюр,
хэденэку хэденэлрэ

Одной стаей лебеди
На красной сопке,
Вокруг облетая,
Стали все хорошо осматривать.
На золотой горе,
Одновременно приземляясь,
Белоснежные крылья
Стали снимать,
Встали в круг,
Взяв с собой Иркэнмэ
Стали танцевать хэде

[А.В.].

Мифологические, эпические и сказочные сюжеты об орнитоантопоморфном оборотне – лебединой деве – обязательно связаны с озером, на берегу которого небесные существа оставляют одежду из крыльев, обладающую магическими свойствами преобразования ее обладательницы, и купаются в человеческом облике [8. С. 377].

Таким образом, поэт использовал в поэме «Омчэни» элементы эпического сказания эвенского фольклора. В отличие от эпических сказаний в поэме отсутствует Нижний мир. Поэма «Омчэни» явилась первым лиро-эпическим произведением в эвенской литературе. Развивая и сохраняя культуру эвенов, поэт пытался сохранить духовность своего народа.

Поэма «Ньюку тэлээн» написана по своеобразному национальному сюжету и посвящена традиционной в те времена советской тематике – обретению народом счастья при Советской власти. Поэма состоит из 14 частей. Повествование ведется от имени автора. Основные персонажи данной поэмы – это мать, старший брат матери, у которого воспитывается главный герой поэмы, Савва – представитель Советской власти, старик Макчира. Поэма исторического характера, где через «путешествие» героя поэт показал Гражданскую войну на Севере. В поэме присутствует образ Карамзина в виде «Робин Гуда». Также здесь присутствует вкрапливание в произведение обряда сватовства, признания любви, женитьбы. В. Лебедев этой поэмой сохранил в памяти эвенов – образ легендарного героя времён гражданской войны.

Действие поэмы «Миргилян» происходит в осеннюю ночь, шаман Гургули во сне видит собственное камлание, слышит, как он бьет шаманской колотушкой. Автор это передал звукоподражательными словами «Дин! Дин! Дин!». Поэт подробно описывает камлание, искусно используя фольклорные эпитеты, метафоры:

Өмэн дьуула	В одном доме
Хаман-хиэмкэн,	Шаман-больной
Ньюурити иссэн:	Волосы рвет:
Оho-ho!	Ого-го!
Оho-ho!	Ого-го!
Хэвэсэлби ээрикэттэн.	Духов помощников призывая

[А.В.]

Поэт в произведении «Миргилан» подробно показал камлание шамана Гургули во сне. Душа шамана во время этого действия облетела неприступные горы, глухую тайгу, увидела диких зверей, птиц:

ниги – куйки.	Тайга – глуха,
Кадар –киңки.	Скала – тверда,
һөлән төөрли,	На берегу реки
Өлкэрли	На поляне над яром
Бэйэл мандир,	Люди охотятся
Уйамкарбу	На горных баранов.
Хөлүтникэн,	Догоняя
Буйурбу-дэ ньоомкатта,	И диких оленей,
Тавинкатта оликилбу,	Собирают белочек,
Хиги, исаг дыапкалдукун	Сквозь дремучие леса и тайгу
Хэгэпэлбу атакатта.	Снимают с капканов соболя

[А.В.].

Герой поэмы – шаман Гургули – во время шаманского обряда совершает полет по трем мирам, автор передаёт его такими словами: «дэҗсэн бисни нһааниндулин» – его крылья коснулись небес, «һяңан олда оодьиди/ наманьдялбу давлиндан» – став рыбой-налимом/переплывал моря, «кадарал-да, куунтэкэл/дьеэрэлникэн еелтэнчир» – и скалы, и луга промчались.

Подобной тематике посвящена и другая поэма Василия Лебедева «һанһан һуйэн», где главными героями являются Хиаркани – молодой человек, Байды шаман – отрицательный герой, Мэнун – девушка, сын шамана. Поэма состоит из семи частей. Оригинальностью этой поэмы является художественное воссоздание главных героев.

В поэмах Василия Лебедева с шаманской тематикой прослеживается эволюция и формирование художественной индивидуальности поэта через фольклорную традицию, вековую мудрость народа, глубокое знание традиционной отрасли хозяйствования – охоты и оленеводства.

Поэма «Гяван аси» создана на основе предания-*тэлэң*. В. Лебедев обработал сюжет предания в стихотворный язык, используя астрофическую форму строфики. В композиции лирических текстов конструктивная роль принадлежит диалогу. Это придает структуре поэмы значительное своеобразие. Поэма насыщена разнообразными изобразительными

средствами, присущими эвенскому эпосу, которые создают художественное содержание ткани произведения. Так, поэт использует гиперболы: *буҕандя* – большая земля, *Чуруньандя* – поэт, используя увеличительно-пренебрежительный суффикс *-ндя*, показывает отрицательное отношение к герою, *Унэву төрэнде* – бабушка большая земля, *чулбаньяндя окатаңу* – синяя большая река, *эгденмкэр хякита* – большущая лиственница, *биаҕандамкар* – большущая луна, *эгдемкэрэл делалбу* – большие камни. Василий Лебедев применяет эпитеты *эңе* – сильный, присущие фольклорной традиции для описания рода: *мэмэл бичэл хо эңил – мэмэл* – (род) были очень сильные, *хи эҕден гэрбэлэс* – твоё сильное имя. В произведениях вкраплены метафоры, которые обогащают художественные средства: *миавму тикэт хөкэлдэн* – в сердце вдруг закипело, *урэкчэндук хиэри мө / талалникан эйэнни* – зародившаяся в горах вода, течет, блестя на солнце, *окатаңан нян-да мөдэн / эгдээкэйэ дёланални / окат хэрдэлэн гөбэмэлчир* – река опять разлилась, / большущие её камни / под реку нырнули, *нэрин биаҕандя даҕамдан* – светлая луна приближается. Эвенской поэзии присуще сравнение, а именно сопоставление природных явлений с миром человека. В поэме Василий Лебедев умело использует колоритные сравнения, ассоциации с человеком и его окружающей средой. Например, красоту молодых девушек сравнивает с рассветом: *Хунадылтан... элдэкэнтэн чусэн-кэ / хиэдди нөлтэн урэчин* – У девушек... щеки, как утренний рассвет. Стрелы врагов сравнивает с проливным дождём: *нөкичэкэн тадукат / удаңчин өнкэлбэн* – их стрелы затем / как проливной дождь.

Анализ поэмы «Гяван аси» позволяет нам констатировать, что в ней ярко представлено национальное своеобразие, самобытность эвенской культуры. Василий Лебедев, продолжая традиции национальной поэзии, провозглашает единство человека и природы.

Таким образом, Василий Лебедев – собиратель фольклора, ученый-лингвист, который творчески переработал, адаптировал духовное наследие своего народа в современных поэтических формах, тем самым вдохнул новую жизнь в эпическое и песенное устное творчество эвенов.

В начале и к концу своей творческой жизни поэт обращался к истокам эпического наследия своих предков и, судя по замыслу последних произведений, вплотную приближался к глубокому осмыслению судьбы

своего народа и созданию крупного поэтического произведения, раскрывающего исторический путь эвенов. Так, развивая эвенскую поэзию, поэт пытался сохранить духовность своего народа – эвенов.

Литература

1. Лебедев, В. Омчэни: Дэнтур / В. Лебедев. – Якутск : Нека төрээнэн книга издательстван, 1963. – 68 с.
2. Лебедев, В. Хиги огални / В. Лебедев. – Якутск : Нека төрээнэн книга издательстван, 1965. – 88 с.
3. Лебедев, В. Дялбу төрэннэтэн / В. Лебедев. – Якутск : Нека төрээнэн книга издательстван, 1968. – 64 с.
4. Лебедев, В. Мэрлэнкэ / В. Лебедев. – Якутск : Нека төрээнэн книга издательстван, 1971. – 52 с.
5. Лебедев, В. Миргилан / В. Лебедев. – Якутск : Нека төрээнэн книга издательстван, 1977. – 72 с.
6. Лебедева, Ж.К. Архаический эпос эвенов / Ж.К. Лебедева. – Новосибирск : Наука, 1981. – 158 с.
7. Мелетинский, Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – Москва, 1991. – 136 с.
8. Решетникова, А.П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте / А.П. Решетникова. – Якутск : Бичик, 2005. – 408 с.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ**

В.М. Куриков¹, Т.А. Дятлова¹, С.Х. Хакназаров²

¹Югорский государственный университет

*²Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск
ta_dyatlova@rambler.ru*

***Аннотация.** В статье отражены основные особенности развития коренных малочисленных народов Севера (хантов, манси и лесных ненцев, которые являются титульными народами региона), а также отражены меры государственной поддержки и дальнейшие задачи органов власти в решении данного вопроса.*

***Ключевые слова:** коренные малочисленные народы, государственная поддержка, государственная программа.*

**DEVELOPMENT OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH
OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS REGION (YUGRA)
– SOCIAL AND ECONOMICAL PROBLEMS**

***Abstract.** The article reflects the main tendencies of the indigenous peoples of the North development (specifically, the khanty, mansy and forest nentsy, which are titled peoples of the region). It also describes the government approaches in supporting those peoples and the further government goals in solving such issues.*

***Keywords:** indigenous peoples, government support, government programs.*

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО – Югра) является исконным местом проживания коренных малочисленных народов

Севера (хантов, манси и лесных ненцев). Данное обстоятельство возлагает на регион особую миссию по сохранению самобытности коренных малочисленных народов Севера и их традиционной культуры.

Автономный округ создает все условия для политического, экономического и культурного развития малочисленных народов в соответствии с общепринятыми нормами международного права, законодательством Российской Федерации и ХМАО - Югры и является одним из ведущих субъектов Российской Федерации по уровню нормативного регулирования социально-экономического развития малочисленных народов.

Исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления муниципальных образований ХМАО – Югры в сфере реализации государственной политики по защите прав и интересов коренных малочисленных народов Севера (КМНС) руководствуются нормативными правовыми актами и иными документами федерального, регионального и местного уровней

По результатам переписи 2002 г., численность коренных народов округа составляет 28312 человек – это одно из самых высоких значений среди субъектов РФ. В соответствии с итогами Всероссийской переписи населения 2010 г. в национальном составе населения автономного округа численность представителей коренных малочисленных народов Севера (ханты, манси и ненцев) составляет 31483 человек (2,0 % от общего численности населения автономного округа). Зафиксирована позитивная динамика численности представителей этих национальностей (рис. 1).

Рис. 1. Состав коренных малочисленных народов Севера ХМАО – Югры

Отметим, что в округе за межпереписной период национальный состав КМНС увеличился на 11,2 %, что на 4,3 % больше показателя прироста всего населения округа. По данным переписи

2002 г., в округе проживало 9894 тысяч манси, 17128 тысяч хантов и 1290 тысяч ненцев, а по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 10977 манси, 19068 хантов и 1438 ненцев. Национальный состав коренных народов ХМАО – Югры: ханты (60,5%), манси (35%), ненцы (4,5%).

В настоящее время федеральным статистическим наблюдением не предусмотрен сбор статистических данных по национальному признаку, в частности КМНС. Департаментом здравоохранения ХМАО – Югры ведется ведомственное статистическое наблюдение за состоянием здоровья КМНС, данные о национальности используются со слов пациентов.

Отличительной чертой региона является очень высокая доля коренных народов, постоянным местом жительства которых являются городские населенные пункты: в 2004 г. – 42,5% , в 2015 г. – 44,5%.

Ситуация с безработицей коренного населения в автономном округе сохраняется на протяжении следующего периода сложной. Если численность зарегистрированных безработных до 2010 г. увеличивалась, то за период 2010-2015 гг. наблюдается снижение в несколько раз – с 1316 человек до 370.

В округе приняты меры для обеспечения организационных, правовых, финансовых условий для социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера автономного округа по:

- координации действий органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении вопросов социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера;

- совершенствованию законодательства автономного округа в области экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера.

Ряд жизненно важных проблем коренных малочисленных народов учтены также в окружных законах, регулирующих вопросы поддержки семей с детьми, улучшение жилищных условий, получение образования, средства на обустройство родовых угодий и т.д.

При правительстве автономного округа создан ряд консультативных и совещательных органов, созданных для решения проблем КМНС.

В округе созданы и осуществляют активную деятельность общественные организации малочисленных народов. Развиваются межрегиональные отношения по социально-культурному сотрудничеству малочисленных народов.

В сфере культуры, народных художественных промыслов и ремесел автономного округа задействовано более 2000 человек.

Основным инструментом реализации государственной политики в сфере социально-экономического развития КМНС в автономном округе является государственная программа автономного округа «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2014-2020 годы».

На основании информации Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора экономики ХМАО – Югры в 2015 г. по сравнению с 2013 г. объем финансирования программы увеличился на 62,4%, а с 2014 г. – на 86,2% (табл. 1).

Таблица 1

Государственная поддержка коренных малочисленных народов Севера по результатам реализации программы, млн руб.

Показатели	2012	2013	2014	2015
Общий объем финансирования программы, в том числе по разделам:	300,7	131,8	115,0	214,1
Сохранение и развитие территорий традиционного природопользования и отраслей традиционного хозяйства, внедрение современной техники и технологий в традиционные отрасли экономики коренных малочисленных народов автономного округа	186,8	72,7	54,1	144,7
Формирование и продвижение туристского продукта этнографической направленности автономного округа	4,5	3,4	3,6	2,0
Социальная поддержка, обеспечение доступности получения образования коренных малочисленных народов Севера	85,1	49,2	49,1	57,3

Сохранение, развитие и популяризация традиционной культуры, фольклора, ремесел и национальных видов спорта коренных малочисленных народов	24,3	6,5	7,4	10,1
---	------	-----	-----	------

В таблице 2 представлены данные о динамике мер государственной поддержки коренных малочисленных народов Севера.

Таблица 2

**Динамика мер государственной поддержки
коренных малочисленных народов Севера**

Наименование показателя	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Количество получателей мер поддержки в сфере образования	608	721	753	778	635	670	565
Общий объём выделенных средств, млн. руб.	26,5	23,3	27,5	46,3	38,8	40,2	38,1
Количество малообеспеченных граждан (семей), получивших материальную (финансовую) помощь	0	632	541	3 310	670	558	1 376
Общий объём выделенных средств, млн руб.	0	5,9	5,5	34,4	8,1	6,7	18,8

В результате принятых мер по реализации программы сохранена положительная динамика развития коренных малочисленных народов Севера.

Большинство нефтяных и газовых компаний, работающих на территории ХМАО – Югры, практикуют заключение договоров с коренным населением о компенсации за использование участков территорий традиционного природопользования.

Ведущую роль в структуре выделенных денежных средств в пользу КМНС играют компенсационные выплаты (34-44%), снабжение материально-техническими средствами (снегоходами, строительными материалами, лодочными моторами, спецодеждой и др.) (около 25%) и оказание транспортных услуг (вертолет, автотранспорт) (около 11-13 %).

Стратегической целью в решении вопросов КМНС является создание условий для сохранения и дальнейшего социально-экономического и культурного развития КМНС.

Необходимость сохранения благоприятных условий жизнедеятельности и традиционного природопользования КМНС ставит перед автономным округом следующие задачи:

1) создание условий для поддержания и развития традиционного экологически сбалансированного природопользования КМНС;

2) повышение качества жизни по направлениям увеличения занятости, развития образования, укрепления здоровья КМНС;

3) оптимизация отношений пользователей недр с КМНС по вопросам ведения хозяйственной деятельности, не связанной с традиционными промыслами, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС, сохранение и развитие традиционной культуры, национальных ремесел и искусства КМНС.

Наряду с базовыми отраслями экономики дальнейшее развитие получат традиционные отрасли экономики, создающие основу для сохранения традиционного образа жизни КМНС Югры.

Традиционная хозяйственная деятельность коренных малочисленных народов должна получить дальнейшее развитие и модернизацию за счет внедрения информационных технологий, повышения транспортной доступности. Задачу внедрения информационных технологий в деятельность КМНС призвана решить созданная в автономном округе Территориальная информационная система Ханты-Мансийского автономного округа - Югры (ТИС Югры), обеспечивающая достоверную информацию в режиме реального времени о состоянии экологической обстановки в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС, о территориальных границах особо охраняемых природных территорий, местах осуществления хозяйственной деятельности, не связанной с традиционными промыслами.

В заключение отметим, что приоритетными направлениями гармоничного социально-экономического развития КМНС станут:

1) улучшение природного потенциала для ведения традиционного хозяйствования коренными малочисленными народами Югры. Особое место в решении природоохранных задач занимает необходимость сохранения и восстановления традиционной жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, сохранения оленьих пастбищ;

2) проведение работ по функциональному зонированию территорий традиционного природопользования с учетом их природных, историко-культурных и иных особенностей;

3) улучшение качества жизни КМНС, их дальнейшая интеграция в политическую, экономическую, культурную и научную, образовательную среду округа, поддержание этноформирующих видов деятельности в интересах сохранения исконного уклада жизни и традиционных промыслов;

4) развитие традиционного хозяйствования КМНС. Предполагается систематизация и усиление мер поддержки оленеводства в виде предоставления грантов и субсидий на разведение оленей, развитие заготовки и переработки дикоросов в соответствии с принятой Концепцией развития заготовки и переработки дикоросов в ХМАО - Югре на период до 2020 г.;

5) вовлечение представителей из числа КМНС в работу производственных комплексов, обладающих наибольшими возможностями развития (лесопромышленный и рыбопромышленный комплексы, туризм).

Литература

1. Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 8 мая 2014 г. № 246-рп «О Методике оценки эффективности реализации государственных программ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

2. Данные Госкомстата о Всероссийской переписи населения в 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf

3. Информация о выполнении государственной программы «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2014-2020 годы» за 2014 г.

О НЕКОТОРЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
В МУЗЫКАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ
РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ АЛЛАЙХОВСКОГО РАЙОНА

Л.И. Кардашевская

Арктический государственный институт культуры и искусств,

г. Якутск

kardmike@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются жанры музыкального фольклора русских старожилов Аллаиховского района Якутии (русскоустыинцев), в которых проявились их межэтнические связи с коренными народами – юкагирами и эвенами.

Ключевые слова: *русские старожилы, русскоустыинцы, фольклор, взаимодействие, андыльщина, песня.*

ON SOME INTER-ETHNIC FEATURES IN THE MUSIC FOLKLORE
OF THE RUSSIAN OLD BELIEVERS LIVING
IN THE ALLAIKHOV REGION

Abstract. *This article gives an overview of the folklore music genres of the Russian old believers living in the Allaikhov region of Yakutia (the Russian Ustye inhabitants). These Russian old believers show their inter-ethnic bonds with the indigenous peoples of the North, mainly, the Yukaghir and the Evens.*

Keywords: *Russian old believers, Russian Ustye inhabitants, folklore, interaction, andylyshina, song.*

Село Русское Устье является уникальным заповедным местом на Крайнем Севере, где проживают представители субэтнической группы русского народа – русскоустыинцы. Селение расположено отдаленно от районного центра п. Чокурдах, на левом берегу Индигирки, в 80 км от Ледовитого океана. Впервые о Русском Устье, как о «Русском жилие», писал в 1739 г. в своих рапортах в Адмиралтейств-коллегию лейтенант Д. Лаптев. В 1914 г. ссыльный эсер В.М. Зензинов, который жил среди

русскоустыинцев, писал, что у них живо предание о некоторых новгородцах, которые в XVI в. целыми семьями ушли по морю на восток, вдоль побережья Северного Ледовитого океана, когда Великий Новгород после 1570 г. потерял независимость [2. С. 16-17]. Нужно отметить, что В.М. Зензинов является первым исследователем культуры индигирских русских старожилов, который описал их жизненный уклад, традиции. Однако, вероятнее всего, считают исследователи, это поселение сформировалось позже, к концу XVII в. казаками-землепроходцами.

В настоящее время в селе проживает около 130 человек, часть русскоустыинцев живет в районном центре. О жизни и культуре русских старожилов написано немало трудов: «Старинные люди у холодного океана» В.М. Зензинова (1941), «Потомки русских землепроходцев» А.Л. Биркенгофа (1972), «Фольклор Русского Устья» (1980) и др. Известный писатель-краевед А.Г. Чикачев, коренной русскоустыинец, является автором книг и статей о родной земле: «Русские на Индигирке» (1990), «Русские арктические старожилы Якутии (2002)», «Диалектный словарь Русского Устья» (2005) и др.

Первые записи фольклора от русских старожилов низовья Индигирки были сделаны ссыльным русским революционером и ученым И.А. Худяковым в конце 60-х гг. 19 в. Он записал восемь сказок, две былины [5. С. 100]. В 1912 г. В.М. Зензинов записал тексты 11 необрядовых песен, одну былинку, 2 легенды, подробно описал свадебный обряд. В 1928 г. в Русском Устье побывала этнографическая экспедиция братьев Н.Д. и Д.Д. Травиных. В их рукописях приведены тексты 6 песен, 5 былин, духовных стихов, 50 загадок, 4 пословиц, 10 сказок, 12 свадебных песен с описанием обряда свадьбы, словарь русскоустыинского говора. В 1931 г. в составе Индигирской экспедиции Наркомводтранса СССР побывал А.Л. Биркенгоф. Он записал 11 загадок, 5 поговорок, 31 народную примету. Также в различные годы русскоустыинский фольклор записывали С.И. Боло, Т.А. Шуб, Н.А. Габышев и др. В 1986 г. ИРЛИ РАН (Пушкинским домом) был издан труд «Фольклор Русского Устья» под редакцией С.Н. Азбелева, Н.А. Мещерского, в котором приведены тексты исторических песен, баллад, традиционной лирики, плясовых и хороводных песен и др.

Как известно, до прихода русских коренным населением этих мест были юкагиры и частично эвены (ламуты). Позже, в XVIII в., к низовьям

Индибирки пришли тунгусы и якуты. Контакты этих народов, в том числе смешанные браки с представителями коренного населения существенно сказались на хозяйственном укладе и культуре русских старожилов. Как отмечает О.И. Чарина, «в Якутии проблемы сохранения и развития русского фольклора старожилов связаны с взаимодействием языка и фольклора местных этносов» [4. С. 110]. Основными видами промысла для них становятся рыболовство и пушная охота, а также упряжное собаководство. Русские старожилы научились у коренных аборигенов коптить и подсушивать рыбу. Этот вид деятельности сохранился у русскоустынцев до сих пор. Одежда и обувь также заимствовались у аборигенов.

Русские старожилы до середины XX в. сохраняли богатый эпический и песенный фольклор. Здесь записано множество былин и баллад, бытовые и волшебные сказки. Некогда в Русском Устье бытовал цикл исторических песен о Скопине. В музыкально-этнографической экспедиции, которая состоялась в 2014 г. (в пос. Чокурдах и с. Русское Устье Аллаиховского р-на) нам удалось зафиксировать лишь короткий отрывок этой песни, а также фрагмент из сказания об Иване Грозном в исполнении Ю.Г. Кузьмичевой. Как пишет исследователь-филолог Л.Е. Фетисова, на Индибирке и Колыме существовала «особая манера исполнения былин... поющий стих перемежался с прозаическими вставками. Весьма вероятно, что это влияние эпического творчества якутов и северных тунгусов» [3. С. 105]. Нам, к сожалению, не удалось зафиксировать такое исполнение.

Интересным и редким для Севера примером влияния фольклора аборигенного населения является такой жанр, как «андыльщина». Это любовная песня-диалог юноши и девушки. «Андыльщина» поется протяжно, с мелодическими подголосками, «с неожиданными переходами тонов, с бесконечными повторениями и новыми отступлениями от общей музыкальной темы» [1. С. 26-27]. Название жанра «андыльщина» производно от юкагирской основы ангадэлъил: *андэль* ~ *андыль* - «голос, мелодия, напев» + русское окончание, указывающее на что-то большое *-щина* [7].

К такого рода песням мы отнесем и проанализируем такие образцы, как «Бурунгильских шерот камень» и «Соловей кукушечку уговаривал», которые нам удалось записать в ходе экспедиции от исполнителей фольклорного ансамбля «Русскоустынцы» в пос. Чокурдах. Участники этого

коллектива стараются сохранить истинный русскоустынский говор и исполняют песни на старинном диалекте.

Медленно ♩ = 55

Ой, да бу-рун-гиль-скот ше-рот ка-мень, ой, да над бис-тра-нач-
кой ста-ит. Ой, да, над бис-тра-нач - кой ста-ит да,
ой, да, ма - ма мо - ё сон - со га - ра - дит.

Как отмечал В.Г. Богораз, в лирических песенных импровизациях «андыльщинах» есть наличие «частых переходов от высоких тонов к низким», «поется... протяжно с неожиданными переходами тонов». В данном нотном примере видим переменный метр, который присутствует в каждой короткой двутактовой попевке. Мелодическое движение попевок каждый раз восходяще-нисходящее, причем амбитус достигает октавы. В третьей попевке обнаруживается нехарактерное для предыдущих попевок окончание на среднем устое, что подтверждает, на наш взгляд, отношение этой песни к жанру «андыльщина». По содержанию эту песню нельзя назвать любовной, так как здесь описывается и воспевается серый камень, который, к тому же наделяется человеческими качествами («болит шерсо (сердце) у него», «стоит на ... ногах»).

Рассмотрим еще один образец. Это песня «Соловей кукушечку уговаривал», которая повествует об исторических событиях времен Русско-Казанской войны. Она построена на многократном вопросно-ответном повторении двух попевок с переменным метром и соответствует формулировке «андыльщины» как любовной песни-диалога юноши и девушки. В данной песне происходит диалог между соловьем и кукушкой. В мелодии отметим также волнообразное движение, нисходящее окончание попевок, широкий амбитус (секста, септима). В некоторых источниках исследователи указывают, что «андыльщины» – это любовные песни с уменьшительно-ласкательными словами типа «колымочка»,

«чукчаночка» и т.п. и «голубком» и «соловьём» в качестве основных персонажей [6]. Это высказывание еще раз подтверждает, что данная песня относится к рассматриваемому нами жанру.

Обратимся к такому жанру русскоустыинцев, как танец. Дошельный (досельный) танец известен у русскоустыинцев еще и как «Омуканово» («Омуканчик»). Представляет собой танцевальную песню с характерным припеванием, заменяющим, по-видимому, аккомпанемент. Информанты рассказали, что танцу дано неверное название по имени эвена Омукана. Данный пример показывает, что межэтнические связи русских старожилов с коренными аборигенами могли проявляться в разных направлениях.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что на полиэтнической территории Аллаиховского района русские старожилы и коренные народы взаимодействовали между собой и в материальной и духовной сферах, испытывая в том числе влияние и в музыкальном фольклоре.

Литература

1. Богораз, В.Г. Новые задачи российской этнографии в полярных областях / В.Г. Богораз // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып.9. – Петроград, 1921. – 30 с.
2. Зензинов, В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа / В.М. Зензинов. – Москва : Типография П.П. Рябушинского, 1914. (Якутск, 2013). – 140 с.
3. Фетисова, Л.Е. Традиционный русский фольклор в культурном пространстве северо-востока России / Л.Е. Фетисова // Вестник ДВО РАН. – 2009. – №5. – С.103-110.
4. Чарина, О.И. Характер локальных особенностей фольклора русских старожилов севера Якутии и среднего Приленья / О.И. Чарина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 10(2). – С. 110-114.
5. Чикачев, А.Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки / А.Г. Чикачев. – Новосибирск : Наука, 2007. – 303 с.
6. Чикачев, А.Г. Русское Устье и Походск - старинные русские заполярные села / А.Г. Чикачев // <http://nlib.sakha.ru/>
7. Юагиры // Электронный фонограммархив по музыкальному фольклору народов Северной Азии ; <http://old.agiki.ru/>

**МУЗЕЙ МУЗЫКИ И ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ ЯКУТИИ:
ЭКСПОНИРОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ
УСТНОГО НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ**

М.И. Корнилова

Музей музыки и фольклора народов Якутии, г. Якутск
m.i.kornilova@yandex.ru

Аннотация. *Чтобы посетители Музея музыки и фольклора народов Якутии имели представление о богатейшем устном наследии, обычаях, обрядах, праздниках наших предков, хранимых веками в памяти народов Якутии, в принципе, у нас должен бы быть фольклорно-этнографический театр, исполнители, певцы. Но этого нигде в музеях не было и вряд ли будет. Поэтому мы начали готовить и создавать видеоэкспонаты. Видеоэкспонат – это новый термин, с 2005 г. внедряемая визуальная форма подачи сложных лекций о памятниках фольклора (повторить которые сможет не каждый экскурсовод). Сейчас видеоэкспонат – это и научно-популярные, и анимационные, и документальные, и музыкальные фильмы, мастер-классы учителей олонхо, народных мастериц, созданные нашими сотрудниками.*

Ключевые слова: *видеоэкспонат, нематериальное наследие, экспонирование устного народного творчества, устное наследие, устный памятник, традиционная культура, памятники фольклора, научно-популярные, анимационные, документальные, музыкальные фильмы, мастер-классы.*

**THE MUSEUM OF MUSIC AND FOLKLORE
OF THE PEOPLES OF YAKUTIA: EXHIBITING
THE MONUMENTS OF INTANGIBLE ORAL HERITAGE**

Abstract. *The Republic needs to have a folklore and ethnography theatre, singers, and folk storytellers in order for the visitors of the Museum of Music and Folklore of the Peoples of Yakutia to have an idea of the largest collection*

of oral heritage, traditions and customs, holidays of our ancestors cherished and celebrated for centuries by the peoples of Yakutia. However, no museum has this or ever will. For this reason, we started creating video exhibitions. A video exhibition is a new term (it was introduced in 2005) used as visual form of representing difficult lectures about the folklore relics, which cannot be reproduced by all the tour guides. In the mean time, the video exhibition is a popular scientific, animational, documentary and musical films, masterclasses of the olonkho teachers, traditional art masters created by our staff members.

Keywords: *video exhibition, intangible heritage, oral folk art exhibition, oral heritage, oral monument, traditional culture, folklore monuments, popular scientific, animational, documentary and music films, masterclasses.*

29 января 2016 г. исполнилось 25 лет со дня основания Музея музыки и фольклора народов Якутии. Основательницей, директором и научным идейным вдохновителем является Аиза Петровна Решетникова, не только пианистка, окончившая ЦМШ и Московскую консерваторию, но и кандидат исторических наук. Миссия нашего необычного музея – популяризация накопленных наукой знаний о традиционной культуре и фольклоре якутов, эвенков, эвенов, юкагиров, долган, чукчей, русских старожилов, а также достижений профессионального искусства республики.

Когда-то на вопрос «Как экспонировать устное народное творчество?» Аиза Петровна ответила: «Нематериальное наследие невидимо, оно визуализируется в сознании слушателя устного слова. Устный памятник невозможно повесить на стену или поставить в витрину, как артефакты краеведческих и художественных музеев». Чтобы посетители музея имели представление о богатейшем устном наследии, обычаях, обрядах, праздниках наших предков, хранимых веками в памяти народов Якутии, в принципе, у нас должен бы быть фольклорно-этнографический театр, исполнители, певцы. Но этого нигде в музеях не было и вряд ли будет: за каждое отдельное выступление надо платить. Поэтому мы начали готовить и создавать видеоэкспонаты.

Видеоэкспонат – это новый термин, с 2005 г. внедряемая визуальная форма подачи сложных лекций о памятниках фольклора (повторить которые сможет не каждый экскурсовод). Сейчас видеоэкспонат – это и научно-популярные, и анимационные, и документальные, и музыкаль-

ные фильмы, мастер-классы учителей олонхо, народных мастериц, созданные нашими сотрудниками. Таким образом, тщательно создаваемые различные выставки и мероприятия не остаются одноразовыми: в формате 45 минут видеоуроки (это другой наш новый внедрённый термин) являются постоянным фондом для всё расширяющейся образовательной программы дополнительного образования детей в РС (Я). На сегодняшний день создано более 20 видеоэкспонатов, посвященных памятникам устного нематериального наследия, юбилейным датам выдающихся деятелей культуры и искусства Якутии, к 70-летию Великой Победы, Республиканской программе «Музыка для всех» и др.

Первым кинематографическим детищем музея является первый в республике 1-часовой анимационный фильм по олонхо (якутскому героическому эпосу) П.А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» (2009 г.) на основе эталонного исполнения Г.Г. Колесова на якутском, русском языках. В 2012 г. к V Международным Играм «Дети Азии» с помощью преподавателей кафедры восточных языков Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ и носителей языков – приглашенных профессоров - фильм был переведен и озвучен еще на 5 языках: китайском, корейском, японском, английском, немецком, в стадии завершения находится перевод на французский язык.

Цель фильма – ознакомить и детей, и взрослых с основными сюжетными мотивами этого олонхо. Даже в сокращённом одночасовом варианте зрители, как и посетители музея, почувствуют богатство языка, сюжетных мотивов, многообразие песенных мелодий персонажей олонхо.

Над фильмом работали:

автор идеи и научный руководитель – Аиза Решетникова,
автор сценария и перевод на якутский язык – Мария Корнилова,
режиссер-аниматор – Анна Шамаева,
художники по эскизам – Георгий Решетников, Кюннэй Егорова,
звукорежиссер – Алексей Попов,
монтаж вступительной части – Сергей Моякунов,
фотограф вступительной части – Ариан Лазарев,
видеомонтаж – Иван Яковлев,
диктор якутского текста – Гаврил Менкяров,
диктор русского текста – Степан Федоренко,
перевод на японский язык – Туяра Пермякова,

редактор и диктор японского текста – Марисима Сатико,
перевод на китайский язык – Лина Петрова,
редактор и диктор китайского текста – Тянь Гопин,
перевод на корейский язык – Татьяна Николаева,
редактор и диктор корейского текста – Ан Сан Чоль,
перевод на английский язык – Ирина Самсонова,
редактор и диктор английского текста – Александр Пахомов,
перевод на немецкий язык и диктор – Гернот Грим.

В фильме использована запись олонхо П.А. Ойунского «Нюргун Ботур Стремительный» в исполнении народного артиста ЯАССР Г.Г. Колесова.

Музей музыки и фольклора выражает благодарность:

- семье Гаврила Гавриловича Колесова;
- студентам Якутского колледжа культуры и искусства, их руководителю Марии Боппоеновой и Михаилу Винокурову за озвучивание фона (голосов птиц, хохота абаасы и др.)

- заведующей Архивом ЯНЦ СО РАН Лидии Рожиной.

Вторая большая работа музея – научно-популярный фильм с постановочными элементами «Якутская свадьба. XIX в.» – является первым в республике научно-популярным фильмом с игровыми фрагментами (2008 г.). Цель – раскрытие семантики, подтекста всех утраченных этапов свадьбы: сватовства, изготовления приданого, выплаты калыма, I свадьбы на территории невесты, ее прощания, переезда, жертвоприношения, встречи молодых на территории жениха, II свадьбы. Режиссер – Сергей Зверев, талантливый выпускник Санкт-Петербургского института кино и телевидения, имеющий солидную фильмографию; сценаристы – Аиза Решетникова (текст научного комментария) и Мария Боппоёнова (текст якутских диалогов), научные консультанты – доктора исторических наук А.И. Гоголев, Р.И. Бравина, Е.Н. Романова, кандидаты исторических наук – П.А. Слепцов, С.И. Петрова.

С целью возрождения юкагирского языка, его устной передачи для подрастающего поколения совместно с одной из самых активных членов юкагирской общины Сентяковой Полиной Ивановной были созданы короткометражный мультипликационный фильм «Девочка древних людей» и спектакль «Песец-воришка». А также в 2014 г. создан прилагаемый к выездной выставке 45-минутный видеоэкспонат «Лунное

лицо», посвящённый фольклору юкагиров, на русском и английском языках. Видеоэкспонат состоит из 7 разделов: 1. Сказка «Лунное лицо». 2. Священные животные (мамонт, заяц, медведь, гусь, волк, лось, олень). 3. Пиктографические письма: любовные - девушек и маршрутные - мужчин. 4. Литература одулов (верхнеколымских лесных юкагиров): о Н.С.Спиридонове-Тэки Одулоке, Г.Дьячкове. 5. Литература вадулов (нижнеколымских тундренных юкагиров): о Семене, Гаврииле, Николае Куриловых. 6. Декоративно-прикладное искусство. 7. Музыкально-танцевальный фольклор.

В этом году, в Год кино, в планах музея завершение кукольного мультфильма по эвенкийскому эпосу нимнгану «Хуругочон» (Птичий сын) и эвенских «Сказок бабушки Нулгынэч» (Акулина Петровна Трайзе – на эвенском языке).

Литература

1. Анимационный фильм «Нюргун Боотур Стремительный» : видеоэкспонат. – Якутск: ГБУ РС (Я) «ММФНЯ», 2009.

2. Научно-популярный фильм «Якутская свадьба. XIX в.» : видеоэкспонат. – Якутск: ГБУ РС (Я) «ММФНЯ», 2008.

3. Документальный фильм «Лунное лицо» : видеоэкспонат. – Якутск : ГБУ РС (Я) «ММФНЯ», 2014.

4. Анимационный фильм «Девочка древних людей» : видеоэкспонат. – Якутск: ГБУ РС (Я) «ММФНЯ», 2016.

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ АВТОРА»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ю.К. ВЭЛЛЫ**

А.Н. Макарова

*Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск
alisa.makarova.00@bk.ru*

***Аннотация.** Настоящая статья выполнена в русле исследований текстообразующей категории «образ автора», рассмотренной на произведениях ненецкого поэта Ю.К. Вэллы. При исследовании текстовой категории «образ автора» основное внимание акцентируется на понятие «образ автора». Позиция повествователя рассматривается как категория текста, определяющая технику изложения. Исследованные произведения распределены на повествование в форме 1-го лица и повествование в форме 3-го лица.*

***Ключевые слова:** образ автора, текстовая категория, повествователь, 1-е лицо повествователя, 3-е лицо повествователя.*

**THE «AUTHOR'S IMAGE» TEXT-FORMING CATEGORY
IN STORIES BY Y.K. VELLA**

***Abstract.** The given article focuses on the text-forming category, specifically, the author's image, which is observed using stories by Y.K. Vella, who was a nenets writer as an example. When analyzing the textual category of the author's image, the main attention is stressed to the notion of the "author's image". The position of the narrator is regarded as a textual category which defines the writing technique. The analyzed stories were subdivided into two categories – those told from the first person and those told from the third person.*

***Keywords:** author's image, textual category, narrator, first person point of view, omniscient point of view.*

Среди разнообразных направлений в изучении литературных произведений в последние годы наиболее активно разрабатывается фило-

логический анализ текста. Центральной категорией филологического анализа художественного текста является образ автора. Интерес к этой категории связан в первую очередь с её способностью, выражая суть произведения, объединять структурные и языковые (стилистические) особенности в неделимое единство.

Новизна исследования заключается в теоретическом обосновании значимости категории образа автора при прочтении поэтических текстов определенной формально-содержательной структуры. Категория образа автора дает возможность по-новому прочесть произведения и увидеть сквозь внешне данный смысл философские глубины и обобщения.

Практическая значимость работы состоит в том, что исследованные материалы могут быть использованы в школьной практике на факультативных занятиях русского языка по теме «Лингвистический анализ художественного произведения (региональная литература)». А также материалы исследования могут быть включены в учебные программы, спецкурсы «История ненецкой литературы» или «Литература народов Севера», использованы при создании учебников для студентов-филологов и в средних общеобразовательных учреждениях.

Юрий Вэлла (Юрий Кылевич Айваседа) родился в Ханты-Мансийском автономном округе, д. Варьёган 12 марта 1948 г. Родовая фамилия предков стала литературным псевдонимом писателя. Учился будущий поэт в школе-интернате. В 1988 г. поэт заочно окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Юрий Вэлла был охотником, рыбаком, звероводом, воспитателем в интернате, председателем сельского совета. Являлся членом ассоциации «Спасение Югры». Юрий Вэлла был основателем и директором этнографического музея под открытым небом в Варьегане, являлся глубоким знатоком и хранителем ненецкой и хантыйской культуры, был редактором и издателем газеты «Наша жизнь», известным правозащитником своего народа.

Первое стихотворение «Первый иней» напечатано в окружной газете «Ленинская правда» в 1979 г. Стихи, рассказы, миниатюры поэта печатались в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Мир Севера», «Нева», «Полярная звезда», «Северные просторы», «Сибирские огни», «Сибирское богатство» и др.

Ю. Вэлла – лауреат премии «За подвижничество» института «Открытое общество» (1998), Всероссийской литературной премии им.

Д.С. Мамина-Сибиряка и международной премии Открытого общества «Фонд Сороса» за возрождение российской культуры (2008). В 2008 г. Юрий Вэлла награжден нагрудным знаком Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За содействие в развитии законодательства».

К языковым экспериментам Ю. Вэлла подтолкнуло творчество ненецких писателей старшего поколения. Ему очень близка была творческая манера Любови Ненянг, чьи стихи отличались привязанностью к традиционным оборотам ненецкого языка. Но его всегда интриговали поиски Василия Ледкова, чуть ли не первым в ненецкой поэзии обратившегося к системе русского стихосложения. Заслуга Вэллы в том, что он попытался синтезировать оба подхода – и Ненянг, и Ледкова. На 66-м году 12 сентября 2013 г. Юрий Кылевич ушел из жизни [1].

Уникальность произведений Юрия Вэллы состоит в темах, затрагивающих проблемы экологии, взаимодействия общества и природы, где образ автора отражает нравственную позицию поэта. На стихотворениях Ю. К. Вэллы мы рассмотрели категорию «образ автора» как основополагающую категорию филологического анализа.

Повествователь от первого лица может быть участником события, которое стоит в центре изложения, является его основным предметом. Чаще всего в стихотворениях рассказчик выступает как очевидец или неназванное лицо. Речь повествователя является средством и предметом изображения [2].

В стихотворении «На святом бору» 1-е лицо повествователя выражается следующими лексическими и грамматическими категориями: личные и косвенные местоимения: Я усердно сегодня хочу молиться / Молиться за себя / Быть может, слова твои будут услышаны и т.д. Глаголами 1-го лица ед.ч.: хочу молиться, глаголом-призывом: молись. Повествователь призывает всех обратиться со Словом к Всевышнему. Это Слово-крик, Слово-молитва: о лесах «порубленных на лежневку», о тех, «кто умер или погиб, пожирая самогонку»; о реке с «замученными водами» и берегами. Человек признаёт свое бессилие в стремлении вернуть миру утраченное. Молитва теряет смысл, человек – последнюю надежду. Но восьмикратная «молитва» повествователя и «молиться» в стихотворении «На Святом Бору» предполагает возможность пробуждения богов и восстановления мира.

Повествователь одновременно является и носителем сознания, и предметом изображения, он открыто стоит между читателем и изображаемым миром; внимание читателя сосредоточено преимущественно на том, что с ним происходит, каково его отношение к миру, состояние и пр.

В стихотворении поднимается тема, касающаяся современного состояния коренного населения, и эту ношу за свой народ взял на себя автор, который неустанно молится не только за себя, не только за тех, кто погиб, но и за тех, кто ещё может спастись. Он уверен, лишь вера может спасти человека, спасти мир от надвинувшейся «катастрофы». Повествователь переживает, чтобы не сгинул его народ, чтобы не было «сиротливо покинутых чумовищ», «разбитой ветрами колыбели», он призывает к действию, призывает обратиться к Хозяйке Агана, Хранителю Тайги, Хранителю Рода.

Эта тема прослеживается во всем творчестве поэта, так как за жизнь и судьбу своего народа всегда неустанно молился и боролся Юрий Вэлла.

В данном стихотворении повествователь предстаёт перед читателями человеком глубоко верующим, призывающим к молитве.

Повествование в форме третьего лица можно разделить на 2 разновидности. Первая характеризуется тем, что повествователь никак не выражен внешними средствами, событие произведения развёртывается как бы само собой, носителя речи можно назвать закадровым повествователем, который не выступает с открытой оценкой и не вмешивается в ход дела.

Вторая разновидность характеризуется тем, что повествователь выступает как «закадровая сила», формирующая изложение, можно назвать его закадровым комментатором, вносящим в текст, в дополнение к семантике показа, семантику рассказывания. Такой повествователь, не прибегая к открытому появлению в виде авторского «я», тем не менее вмешивается в ход события.

В анализируемом стихотворении «Земляку, поселившемуся в городе» повествование ведется от третьего лица. На показатель третьего лица указывают местоимения 3-го лица: Значит *его* задрали / Если крылья *твои* целы и др. Глаголы, употребляемые в тексте, также являются показателем третьего лица: Олень не вернулся / Бросил гнездовье / Нашел где-то место безлюдное и т.д.

«Настоящий олень с первым снегом возвращается туда, где он родился» – в этих словах заключается главная идея стихотворения.

В то же время повествователь говорит, что «сестра моя – лебедь», следовательно, сам повествователь идентифицирует себя с лебедем. Встречается термин родства. Повествователь, совпадающий с авторским «Я», подчеркивает свою близость к птице и исключает себя из мира того человека, который способен забыть свои корни. Сестра человека – лебедь. Автор ставит в пример человеку животных и птиц, у которых на генетическом уровне сохраняется тяга к родине, к месту, где начинается его жизнь. Именно поэтому они всегда возвращаются в родные места. Человек же, теряя ценность кровных уз, нарушает гармонию.

Возможно, неслучайно автор избрал именно лебедя, ведь лебедь символизирует чистоту, мудрость, возрождение. Он хочет, чтобы каждый ненец возродил в себе те «умирающие» традиции, которые люди постепенно утрачивают и забывают. Образ повествователя глубоко совпадает с образом самого поэта. Так и в жизни, у него было достаточно возможностей переехать в городскую квартиру. Но он остался верен своим принципам и до конца посвятил себя служению своему народу. Может быть, именно поэтому стихотворение закончено риторическим вопросом, чтобы каждый ненец нашел для себя ответ на него. Можно сказать, что образ автора в данном стихотворении не однозначен и проявляется в нескольких образах: и в образе повествователя-человека, и в образе лебедя.

Вся поэзия Ю. Вэллы, если воспользоваться названием одной из его книг, – сплошные «белые крики», ибо прежняя жизнь его народа порушена. Он как бы озвучивает в своих стихотворениях внутренние душевные устремления всего живого, под которым он понимает и мир животных, мир растений, космос. Отношения с миром он строит по принципу «равный среди равных».

Повествователь в стихотворениях Ю. К. Вэллы представлен перед читателями в образе оленевода, городского жителя, женщиной, бабушкой, одиноким влюбленным. Повествование может вестись и от лица птицы, рыбы, брата-лебедя, сохраняя родство с миром животных. Повествователь может выступать и глубоким мудрецом, знатоком своих традиций, верующим человеком. Повествование от первого лица в стихотворени-

ях Ю.К. Вэллы используется как способ прямой передачи глубоко внутренних эмоций и мыслей рассказчика. Повествование от третьего лица предоставляет большую гибкость автору, в связи с чем оно наиболее распространено в литературе в целом. Каждый образ уникален. Повествователь в каждом стихотворении представлен определенным человеком, в котором находит своё отражение черты личности самого автора, но который в то же время предстаёт и как своего рода портрет поколения.

На примере лирических произведений Ю.К. Вэллы показана значимость образа автора как средства целостного анализа текста, средства постижения идейно-смысловых и структурно-языковых особенностей произведения поэта. Юрий Вэлла принадлежит к плеяде известных писателей Севера. Появление этого писателя убедительно показало возможность вовлечения литератур малых народов в общий поток истории и приобщения к мировой культуре. Он обогатил литературу новым типом героя, яркостью красок, нетрадиционным видением мира, обусловленным национальным характером.

Ю. Вэлла – поэт-романтик. «В его представлении, - писал Е. Айпин, - все у него должно быть иначе, чем у других. Своё, оригинальное видение дел, проблем, мира». У него была репутация борца за справедливость. Его имя довольно часто появлялось в прессе в связи с различными общественными акциями и пикетами. Цель всех его акций была – сохранить неповторимость и колорит родного края, его коренных жителей, их традиции, обряды и обычаи.

Литература

1. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник; практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 2-е изд. – Москва : Флинта ; Наука, 2004. – 496 с.
2. Виноградов, В.В. Проблема автора в художественной литературе / В.В. Виноградов // О теории художественной речи. – Москва : Высшая школа, 1971. – С. 106-211.
3. Николукин, А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А.Н. Николукин. – Москва : Интелвак, 2001. – 1600 с.
4. Вэлла, Ю. Триптихи / Ю. Вэлла ; пер. на фр. Е. Тулуз. – Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2001. – 170 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПОМОЩЬ» НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И ЯКУТСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Д.С. Борисова, С.Н. Павлова

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
snpavlova@mail.ru*

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшей разработки проблем, связанных с изучением базовых концептов, в целом составляющих единую концептосферу этноса. В статье раскрываются способы вербализации концепта «помощь» в немецких и якутских народных сказках.*

Ключевые слова: *концепт, языковая картина мира, методы исследования концепта.*

VERBALIZATION OF THE CONCEPT «HELP» (GERMAN AND YAKUT FAIRY TALES AS A CASE-STUDY)

Abstract. *The importance of the present study lies in the necessity for a finding a further solution to problems connected with the study of basic concepts, which generally form a unified concept sphere of an ethnos. This article shows the ways of verbalizing the concept “help” in German and Yakut fairy tales.*

Keywords: *concept, linguistic world view, methods of studying concepts.*

Данная статья посвящена раскрытию способов вербализации концепта «помощь» на материале немецких и якутских народных сказок. Языковая картина мира (ЯКМ) и сознание народа проявляются в системе концептов, которая представляет собой концептосферу той или иной культуры. Любая особенность культурной сферы фиксируется в языке. Ментальные образования отражают специфику национального языкового сознания, т.е. важную роль в выражении характеристик националь-

ного языкового сознания играют культурные концепты. ЯКМ формируется поведенческим опытом, который в первую очередь зафиксирован в народных сказках. Познавательное значение жанра сказки проявляется, прежде всего, в том, что она отражает особенности явлений реальной жизни и дает обширные знания об истории общественных отношений, труде и быте, а также представление о мировоззрении и психологии народа, о природе страны, сюжеты и образы содержат в себе обобщения явлений, жизни и характеров людей.

В нашей работе мы понимаем концепт как ментальное образование, которое тесно связано с культурой и картиной мира. Мы поддерживаем точку зрения В.И. Карасика, который различает понятийную, образную и ценностную стороны концепта. Будучи ментальным образованием, концепт включает широкий объем информации национального характера. Содержание концепта зависит от национального сознания, т.е. от стереотипов, традиций и приоритетов, которые присущи данному народу [2. С. 3-16]. На данном этапе развития когнитивной лингвистики нет единой методики анализа концептов, и поэтому, рассмотрев существующие методы, мы в нашей работе придерживались концептуального анализа [3. С. 124-127] и компонентного анализа концепта [4. С. 153].

В соответствии с первым методом концепт анализируют с помощью глаголов, имен прилагательных и одиночных приложений-существительных, синтагматически связанных с заглавным словом в текстах сказок. В таком случае «...дается полная характеристика предмета, названного заглавным словом, через его действия, совместные с ним действия, действия над ним и признаки... блок состоит из пяти частей: первая часть включает глаголы, обозначающие действия логического субъекта, во второй части приводится глагольная лексика, обозначающая действия, производимые совместно с субъектом, третья часть – глаголы, номинирующие действия над объектом, обозначенным заглавным словом, части четвертая и пятая – имена прилагательные и существительные с обозначением признака предмета» [3. С. 124-127]. Концептуальный анализ мы дополнили компонентным анализом, по которому выделяют несколько стадий, предшествующих принятию решения о кооперативном поведении: 1) осознание того, что индивид нуждается в помощи; 2) выработка чувства морального долга (обращение к системе внутренних ценностей и социальных норм); 3) оценка потенциальных материальных и немате-

риальных выгод и издержек от кооперативного поведения; 4) оправдание отказа в помощи при отрицательном решении [4. С. 152]. Таким образом, при вербализации концепта «помощь» обязательными компонентами являются субъект (агенса S1), который предлагает помощь, и субъект (бенефициант S2), т.е. тот, кто получает выгоду от происходящего, а также включающий предикат (P) и включенный предикат (p). Глаголы концепта «помощь» представляют собой: 1 – включающие предикаты, которые стоят выше предикативных знаков (такие глаголы сочетаются с неличными формами глагола и именами пропозитивной семантики, или так называемыми включенными предикатами, которые занимают позиции аргументов): she helped to organize the party\$ we strongly support the peace process; the United Nations has supported efforts to return the refugees peacefully; 2 - включенный предикат данных концептов выражается существительным, имеющим событийное прочтение: ban, investigation, process, efforts и т.д. [4. С. 153].

Словарное определение слова «помощь (помогать)» в немецком языке: **helfen** - jmdm. durch tatkräftige Eingreifen, durch Handreichungen oder körperliche Hilfestellungen, durch irgendwelche Mittel oder den Einsatz seiner Persönlichkeit ermöglichen, (schneller und leichter) ein bestimmtes Ziel oder eine Absicht zu erreichen [6]. Кому-либо содействовать, протянув руку или предоставляя физическую помощь; помочь достичь определенной цели или намерения посредством каких-либо средств или участия (быстрее и легче).

Die zwölf Jäger. Двенадцать охотников.

Контекстуальный анализ. «Wie die rechte Braut das hörte, tats ihr so weh, daß es ihr fast das Herz abstieß, und sie ohnmächtig auf die Erde fiel. Der König meinte seinem lieben Jäger sei etwas begegnet, lief hinzu und wollte ihm helfen, und zog ihm den Handschuh aus. Da erblickte er den Ring, den er seiner ersten Braut gegeben, und als er ihr in das Gesicht sah, erkannte er sie».

«Король подумал, что с его любимым егерем приключился какой-нибудь недуг, и он, желая помочь ему, подбежал и поспешил снять с его руки перчатку. Тут он заметил кольцо, которое когда-то дал своей первой невесте на память и, глянув ей в лицо, тотчас узнал ее!»

Концептуальный анализ. Глагол: **wollen helfen** (желая помочь).

Компонентный анализ:

S1 – der König - агент;

S2 – der Jäger – бенефициант;

P – wollte helfen – включающий предикат;

p – ausziehen – включенный предикат.

При контекстуальном анализе концепта «помощь» на материале немецких сказок было выявлено, что в большинстве проанализированных сказок помощь предлагается агентом (S1) без просьбы со стороны бенефицианта (S2). Это также подтверждается выражением желания помочь со стороны агента модальными глаголами *können* – мочь, быть в состоянии, *wollen* – хотеть. Концепт «помощь» вербализуется: глаголами – *helfen* (помогать), *wohl schaffen* (сделать доброе дело); существительным – *die Hilfe* (помощь); прилагательным – *hilfreich* (готовый помочь, полезный); устойчивыми выражениями – *Hand leisten* (подавать руку), *zur Hilfe kommen* (приходить на помощь), *die Auskunft geben* (давать справку, давать информацию, давать сведения). Концептуальное поле концепта «помощь» часто включает в себя: прилагательные – *dankbar* (благодарный), *lieber* (милый); существительные – *die Not* (беда), *die Leibeskräfte* (изо всех сил, со всех ног); глаголы – *weinen* (плакать), *trösten* (утешать, успокаивать), *sich grämen* (печалиться, грустить); причастие – *weinend* (плача). Концепт «помощь» в немецких сказках выражает позитивные ценности. Языковые единицы, входящие в концептуальное поле концепта «помощь», показывают эмоциональное состояние бенефицианта, который плачет, грустит и страдает. Агент оказывает помощь, утешая, изо всех сил стремится помочь. Помощь охотно предлагается бенефицианту часто без каких-либо просьб с его стороны. Данный анализ позволил выявить специфику когнитивной модели концепта «помощь» в немецкой языковой картине мира.

В якутском языке: *абыраа* туохт. 1. Иэдээнтэн, алдьархайтан өрүһүй, быыһаан ыл. Спасать, избавлять (от беды, гибели). 2. Көмөтө онор, үтүөтэ-өһөтө онор; үтүө туһалаах өттүнэн тосхой (ардыгар үгэргээн, кыйаханан). Помогать, выручать, оказывать услугу; приносить большую пользу (иногда ирон.). Көмө аат. Ким туох эмэ тугу эмэ гынарыгар эбиилик күүс буолан туһалааһын, туһа буолуу. Содействие, помощь кому-чему-л. в чем-л. Синонимичными словами «көмө» в якутском

языке являются: быһһаа, көмүскээ, өрүһүй, күн буол, толук түс; аһын, араҥаччылаа, харыһый, харыстаа, харай, хараннаа [1. С. 17].

Үс бырааттыылар уот ылбыттара. Как три брата огонь добыли.

1) «Биһиги үс бырааттыы булчут уолаттарбыт. Испиискэбит баранан, тонгон өлөөрү гынныбыт. Дьэ, оҕонньор, уоккуттан бэрис». Онуоха оҕонньор akkaастаабыт. «Аҕалый, абыраа, - диэн уол көрдөһө турбут».

«Мы три брата, парни-охотники. У нас закончились все спички, от холода погибаем без огня. Дедушка, дай нам огня». Старик отказал. «Дай, спаси нас!» – умоляет парень.

Концептуальный анализ: Глагол: бэрис (дай), аҕалый (дай), абыраа (спаси).

Компонентный анализ:

S1 – оҕонньор (старик) – агенс;

S2 – үс бырааттыылар (трое братьев);

P – абыраа (спаси);

p – бэрис (дай/поделись), аҕалый (дай);

2) Иккис уол: «Дьэ, оҕонньор, үс бырааттыы быстарыктаах сиргэ кэ-лэммит, өлөрбүтүгэр тийдибит. Онон уоккуттан бэрсэн абыраа, - диэ-бит». Онуоха оҕонньоро: «Сиикэй икки кирдик икки сэхэни сэхэргээн кулу, оччоҕо биэриэм». Второй парень: «Ну, дедушка, мы, трое братьев, пришли в эту гиблую местность и погибаем. Помогите нам, дай нам огня». Старик отвечает: «Расскажи одинаково вранье и правду в одном рассказе».

Концептуальный анализ:

Глагол: бэрсэн абыраа (помогите нам, дай нам).

Компонентный анализ:

S1 – оҕонньор (старик) - агенс;

S2 – үс бырааттыылар (трое братьев) - бенефициант;

P – абыраа (помогите нам) – включающий предикат;

p – бэрсэн (спаси) – включенный предикат.

При контекстуальном анализе концепта «абыраа/көмө» в якутских сказках было выявлено:

- в большинстве проанализированных сказок помощь оказывается агенсом (S1) только после просьбы со стороны бенефицианта (S2), что подтверждается глаголами абыраа – помогать, быһһаа – спасать в повелительном наклонении;

- бенефициант часто предстает в негативном образе, он навязчив и назойлив. Агнс в большинстве сказок оказывает помощь неохотно, скрепя сердце. Также за оказание помощи агнс может потребовать вознаграждения. Например, в сказке «Оһол – төрүүт төрдө» Онобочоон Чоохоон агнс требует за оказание помощи материальные ценности хозяев.

Концепт «помощь» вербализуется глаголами – абыраа (помогать), көмөлөс (помогать), быһһаа (спасать), бэрис (делиться, отдавать). Концептуальное поле концепта «помощь» часто включает в себя: существительные - сүбэ (совет), өлөөһүн (гибель, смерть); глаголы – босхолоо (освободить), сүбэлээ (посоветуй), таһаар (выпускать). В отличие от немецкой языковой картины концепта «помощь» в якутских сказках агнс никогда не предлагает помощь бенефицианту сам по собственной инициативе.

Следует также отметить, что концепт «Hilfe»/«абыраа» как в немецком, так и в якутском языках имеет достаточно большое количество средств вербализации. По замечанию Г.Г. Слышкина, «чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является этот концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива» [5. С. 18]. Ценностную значимость исследуемого концепта можно, таким образом, признать высокой, поскольку, говоря о помощи, можно отыскать большое количество объектов, организованных в поле данного концепта.

Использованные нами методы исследования показали, что в сказках помощь осуществляется двумя путями: 1) в немецких сказках она проявляется охотно, с желанием со стороны агнса (S1); 2) в якутских сказках бенефициант (S2) в большинстве случаев сам, настаивая и умоляя, просит о помощи.

Сравнение образной стороны концепта «помощь» в немецких и якутских сказках показало, какой образ имеет помощь в языковом сознании немцев и якутов, что позволило нам проследить отличительные признаки вербализации концепта. Таким образом, в немецкой и якутской картинах мира образная и ценностная значимость концепта «помощь» различаются отношениями между агнсом и бенефициантом.

Литература

1. Ааллаабыскай, Н.А. Саха тылын синонимнарын кылгас тылдыта : учууталларга анналаах пособие / Н.А. Ааллаабыскай, Х.Х. Луковцев. – Якутскай : Кинигэ изд-вота, 1982. – 144 с.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. Ручина, Л.И. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) / Л.И. Ручина, Т.М. Горшкова. Режим доступа: <http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/>
4. Цыцаркина, Н.Н. Вербализация фрейма «помощь» в английском языке / Н.Н. Цыцаркина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сб. ст. участников V Международной научной конференции (Челябинск, 26 – 27 апреля 2010 г.). – Челябинск : Энциклопедия, 2010. – Т. 1. – С. 152-154.
5. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук / Г.Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 327 с.
6. Der große Duden in 9 Bänden. Bearbeitet von Grebe P., Müller W. Bibliografisches Institut. Mannheim/ Zürich. Dudenverlag. 1964.

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ КИНОТЕКСТА
КАК СРЕДСТВО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР
(НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «OFELAS» (1987) НИЛЬСА ГАУПА)**

К.И. Федорова, Л.П. Большакова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск

fki110252@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется этнокультурный контекст этнографического художественного фильма саамского режиссера Нильса Гаупа «Проводник» («Ofelas») (1987) как средство продвижения межкультурного знания и реализации диалога культур. Фильм представляет собой пример саморепрезентации и продвижения культуры саамского народа через возможности кино в период культурного ослабления. Особенность фильма заключается в насыщенности этнокультурными символами из животного и природного мира Севера.

Ключевые слова: этнографический художественный фильм, кинотекст, этническая культура саамов, символизм, Нильс Гауп, фильм «Проводник» («Ofelas»)

**ETHNOCULTURAL CONTEXT OF FILM SCRIPTS AS A MEANS
OF CARRYING OUT A CULTURAL DIALOGUE
(«OFELAS» AS A CASE-STUDY)**

Abstract. This article studies the ethnocultural context of the ethnographic fiction film “Ofelas” (Eng. “Pathfinder”) produced by a Sami film director Nils Gaup as a means of promoting intercultural knowledge and carrying out a cultural dialogue. The film is an example of self-representation and promotion of the Sami culture using the possibilities of film production in the period of cultural downfall. The special features of the film are represented in the depiction of many ethnocultural symbols from the animal and nature world of the North.

Keywords: *ethnographic fiction film, film script, Sami ethnic culture, symbolism, Nils Gaup, "Ofelas"*.

С появлением кинокамеры братьев Люмьер исследователи этнических культур получили уникальную возможность вести киносъемку в полевых условиях, фиксируя уникальные культурные явления. В результате данных практик кино стало выполнять новую важную функцию, значение которой трудно переоценить, а именно – функцию ознакомления, изучения и распространения знаний о народах и их культуре.

Фильмы, отображающие быт и культуру народов, стали продвигать межкультурное знание и осуществлять диалог культур. Использование художественных фильмов для овладения основами этнической культуры и языка вносит огромный вклад в «новую парадигму образования, построенную на создании мультимедийной учебной среды» [4. С. 500].

В данной работе мы рассматриваем познавательный потенциал кинотекста как источника этнокультурной информации и средства ведения межкультурного диалога. Этнографические художественные фильмы изучаются в рамках учебной дисциплины визуальной антропологии, в цели и задачи которой входят сохранение образов малоизвестных и исчезающих культур, выявление их своеобразия и общечеловеческой сущности, осуществление диалога между представителями разобщенных миров [1. С. 23].

Антропологи не едины во мнении о том, какие фильмы следует считать «антропологическими», а какие нет. Известный теоретик в этой области Джей Руби считал, что антропологическим может быть только фильм, который снят антропологом или под его руководством [9]. Иначе считал К. Хайдер: «Все фильмы этнографические: они рассказывают о людях. Даже если на экране появляются только облака или ящерицы, фильмы сделаны людьми и таким образом отражают личную культуру тех, кто снял фильм, и тех, кто его смотрит» [7. С. 13-14].

Как известно, каждый художественный фильм содержит в себе фоновые знания – информацию о культуре отображаемого общества. Эта информация выражается, в первую очередь, эксплицитно общими для всех этнических культур универсалиями, которые могут быть представлены в виде набора устойчивых представлений (например, общественных или этнических стереотипов), ассоциативных связей, прецедентных текстов

и имен и т.д. Однако культурно значимая информация может выражаться и имплицитно, затрудняя «прочтение» смысла и значения кинотекста. Этот процесс значительно усложняется, когда создатели и получатели кинотекста принадлежат разным этнокультурам из-за того, что смысловое поле фильма включает национально окрашенные мыслительные схемы, понятийные представления и образы, укоренившиеся в определенной этнокультуре и ставшие архетипами [5].

В данной статье мы рассматриваем художественный саамский фильм «Ofelas» («Проводник»), снятый Нильсом Гаупом, писателем и режиссёром саамского происхождения. В 70-е и 80-е гг. происходит доминирование культур многочисленных урбанизированных народов, в результате чего произошло резкое ослабление традиционных культур, утрата языков коренных народов: *many Samis had ceased using their mother tongue as the main language in their homes; the traditional way of singing, the Sami yoik, was vanishing, and the people's belief in the importance of traditional values was declining* [8]. Выход фильма «Ofelas» в 1987 г. знаменовал попытку возрождения традиционной культуры одного из народов севера Европы.

Сюжет фильма основан на древней легенде XII в. о маленьком добром существе, спасшем своих сородичей от жестокой смерти от рук чужеземцев, вторгшихся на их землю [6. С.175]. В фильме подросток Айгин возвращается домой с охоты и становится свидетелем хладнокровного убийства членов своей семьи: матери, отца и маленькой сестры. Убийцы – представители враждебного племени по названию Чуды. Юноша скрывается от преследования врагов в соседней миролюбивой саамской деревне охотников и оленеводов. Жители, опасаясь, что Чуды по следам Айгина придут в их деревню, покидают ее. Айгин и несколько самых смелых охотников тайно остаются в деревне, чтобы дожидаться своих врагов. После неравной схватки с чужестранцами Айгин попадает в плен к ним вместе со старейшиной – шаманом Растой. Угрожая убить шамана Расту, Чуды заставляют юношу согласиться провести их через ущелье к поселениям саамских охотников и оленеводов. Хорошо зная местность с ее тайными тропами, ущельями, обрывами, Айгин ведет врагов через горное ущелье, где снежная лавина становится для них смертельной ловушкой. Айгин же выживает и признается свои-

ми сородичами старейшиной и шаманом, управляющим с помощью сил природы. Кстати, в контексте событий последних двух столетий можно утверждать, что саамская легенда в данном фильме связана с вполне реальной темой земельных прав, завоевания территории - насильственной коллективизацией, политикой ассимиляции, в результате которых культура, традиции, быт многих коренных народов были почти уничтожены.

Фильм отличается символической насыщенностью. На протяжении всего фильма разнообразные символы помогают увидеть сильную эмоциональную и духовную связь человека с животным и природным миром. Как указывал Ю.М. Лотман в работе «Семиотика кино и проблемы киноэстетики», кино – это синтез двух повествовательных тенденций: изобразительной и словесной. Изобразительная часть, по мнению Ю. Лотмана, в кино всегда является носителем символического начала и несет имплицитную информацию [3]. Повторяемость знаков может усиливать символическое значение, формируя в кинотексте семантический узел. Так, например, фильм «Ofelas» начинается с высокого полета черного ворона, который кружит на фоне синего мирного неба, предвещая приближающуюся беду – нападение вражеского отряда Чудов на поселение Айгина и его родителей. Во второй раз черный ворон предвещает опасность от грозного медведя, разоряющего охотничьи капканы саамов и забирающего добычу, обрекая охотников и их семьи на голодную смерть. В третий раз появление черного ворона предупреждает о предстоящей схватке саамов с жестокими Чудами. Цвет ворона и цвет одежды Чудов составляют единый цветовой ряд – черный, контрастирующий с ослепительно белым снегом, синим небом, теплыми цветами одежды из оленьего меха и ровдуги. Если черный ворон является в фильме символом беды, опасности, то белый олень в саамской культуре оленеводов занимает особое место. Олень - это первопредок саамов, он символизирует мудрость, лидерство. [6. С.190]. Не удивительно, что видят его лишь люди, наделенные особой магической силой, особым пророческим взглядом. Так, белый олень является перед взором шамана Расты в начале его жизни и в конце, является он перед взором Айгина, означая особую миссию юного вождя.

Фильм «Проводник» демонстрирует повседневную практику саамов (установка чумов, внутреннее убранство чума, охотничьи снаряжения, саамские лыжи, оружие - ножи, луки, одежда женщин, мужчин, приго-

товление еды и т.д.). Значительное внимание в повествовании фильма уделяется ритуалу охоты на медведя. Как во многих охотничьих культурах (в северных народах России), у саамов использование названия медведя табуировано. На охотника, убившего медведя, нельзя смотреть, так как его сила может сокрушить и ослепить любого, кто к нему подойдет. Нильс Гауп использует специальный прием введения зрителя в особенности охоты на медведя - он вкладывает вопросы «почему?», «зачем?», «что?», «когда?» в уста маленького мальчика, адресованные его матери. Мы узнаем, что при упоминании медведя Саамы используют специальный эпитет - *dãrffot*; как проводится шаманский ритуал выбора охотника, а также как нужно относиться к тому, кто убил медведя.

Освещение, монтаж, игра планами, изменение скорости и пр. могут придавать предметам, воспроизводимым на экране, добавочные значения - символические, метафорические, метонимические и пр. Техническая особенность фильма «Проводник» заключается в насыщенном использовании съемки крупным планом (*extreme close-up*) - фиксации глаз героев, в которых выражаются их эмоции, страдания. Ледяная голубизна глаз, подчеркнутая черной одеждой, контрастирует с теплыми голубыми глазами Айгина. Камера оператора снимает Чудов и Саамов с двух разных ракурсов, снизу вверх (Чуды) и на уровне глаз (Саамы). В результате черные вытянутые фигуры вражеского племени Чудов подавляют зрителя.

Фильм репрезентирует историю и культуру коренных народов Фенноскандии с их точки зрения и раскрывает оппозицию между добром и злом, справедливостью и жестокостью. Как отмечает Андрей Головин, как в кино и романистике, удачная персонификация в антропологии позволяет увидеть культуру или эпоху глазами главного героя – своего рода гида, который ведет читателя по иному пространству и времени [2]. Проводник по фильму – подросток Айгин – символизирует будущее саамского народа, он знает и пользуется своими правами на свою территорию и борется за справедливость, используя традиционные знания. Примечательно, что в фильме коренные народы живут, пасут оленей, охотятся, сражаются с врагами перед камерой в качестве объекта. Они также действуют за камерой в роли создателей. Посредством своего участия они сохраняют этническую подлинность кинематографической ре-

презентации представителей своего народа, что делает фильм «Ofelas» особенно ценным.

Литература

1. Александров, Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии / Е.В. Александров. – Москва, 2003. – С. 35.

2. Головнёв, А.В. Крупный план в антропологии / А.В. Головнёв // Уральский исторический вестник. – 2010. – №4 (29). – С. 14-20.

3. Лотман, Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973.

4. Морозов, А.В. Креативная педагогика и психология : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. / А.В. Морозов, Д.В. Чернилевский. – Москва : Академический проект, 2004. – 560 с.

5. Песоцкая, С.А. Использование художественных фильмов как эффективный ресурс овладения иностранной культурой и языком (на материале китайских фильмов о Хуа Мулан) / С.А. Песоцкая, Р.К. Юданова // Вестник науки Сибири. – 2012. – № 2 (3).

6. Петрухин, В.Я. Мифы финно-угров / В.Я. Петрухин. – Москва : Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005. – 463 с.

7. Хайдер, К. Этнографическое кино / К. Хайдер. – Москва, 2000. – 188 с.

8. Gaski, H. Preface. In *Trekways of the Wind*. Nils-Aslak Valkeapää. Translated and edited by Ralph Salisbury, Lars Nordström, Harald Gaski. – Tucson, Ariz. 1994.

9. Ruby, J. Visual Anthropology. In *Encyclopedia of Cultural Anthropology*, David Levinson and Melvin Ember, editors. – New York: Henry Holt and Company, 1996.

10. Skarðhamar, A-K. Changes in Film Representations of Sami Culture and Identity. Pp. 293-303. Available from: <http://septentrio.uit.no/index.php/nordlit/article/view/1346/1281> (дата обращения: 16.09.2016).

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
ТРАДИЦИОННЫХ СООБЩЕСТВ СЕВЕРА:
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И СОПОСТАВЛЕНИЯ**

УДК 811.512.157'373

**ЛЕКСЕМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА
И НЕБЕСНУЮ СФЕРУ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА**

Р.Н. Анисимов

*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
teployakutia@mail.ru*

***Аннотация.** В рамках фразеосемантического поля «качественно-оценочная характеристика человека» рассматриваются фразеологические единицы якутского языка, в состав которых входят лексические компоненты Кун 'Солнце', Ый 'Луна', Халлаан 'Небо'. Впервые в якутской фразеологии привлекается фразеологический материал из родственных тюркских языков Южной Сибири (алтайский, хакасский, тувинский) и древнетюркских письменных памятников.*

***Ключевые слова:** фразеосемантическое поле, фразеологическая единица, фразеологизм, устойчивые сочетание слова, фразеологические параллели, этимология, слово-компонент, качественно-оценочная характеристика лица, оценочные фразеологизмы, эпический текст.*

**LEXEMES EXPRESSING CELESTRIAL BODIES AND
THE CELESTRIAL SPHERE AS COMPONENTS
OF THE YAKUT PHRASEOLOGISMS**

***Abstract.** The qualitative and evaluative characteristics of the human being are regarded as phraseological units of the Yakut language within the scope of the phrasal and semantic field. These phraseological units include the lexical components 'kyun' ('sun'), 'iy' ('moon'), 'khalan' ('sky'). For the*

first time in Yakut phraseology, this article combines the phraseological data from related Turkic languages of Southern Siberia (Altaic, Khakass, Tuvin) and ancient Turkic written records.

Keywords: *phraseological and semantic field, phraseological unit, phraseologism, set expressions, phraseological parallels, etymology, component words, qualitative and evaluative characteristic, evaluative phraseologisms, epic text, anthropocentrism.*

Изучение фразеологии в последние годы развивается по антропологической парадигме, постулаты которого были заложены еще В. Гумбольдтом, полагавшим, что изучение языка подчинено «цели познания человека самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [1. С. 383]. В тюркской фразеологии данное направление активно разрабатывается исследователями казанской фразеологической школы Багаутдиновой Г.А. и Сакаевой Л.Р. В якутской фразеологии в антропоцентрическом аспекте Прокопьевой С.М. и Готовцевой Л.М. выполнены сопоставительные исследования с неродственными немецким и русским языками.

Сравнительное исследование фразеологических единиц (ФЕ) якутского языка с родственными тюркскими языками еще не предпринималось. В 60-х гг. прошлого столетия первый якутский фразеолог Н.С. Григорьев отмечал, что фразеологическую систему якутского языка надо изучать не только средствами самого языка, «но и привлекая сравнительный материал других языков, в особенности родственных» [2. С.170].

В свете сказанного и с учетом современных достижений лингвистической науки сравнительное изучение фразеологической системы якутского языка с родственными тюркскими языками в антропоцентрическом аспекте представляется весьма актуальным. Такого рода языковедческие штудии позволяют реконструировать тюркский фразеологический фонд, уловить особенности формирования чувственно-образной модификации фразеологической картины мира. Считается, что ФЕ – устойчивые образные сочетания – ярко и образно эксплицируют мировосприятие, ментальность этноса.

Лексема Күн ‘Солнце’ в составе ФЕ

Древние тюрки, как известно, были солнцепоклонниками, культ солнца был вторым объектом поклонения после неба [3. С. 332]. В эпи-

ческой картине мира якуты идентифицируют себя как этнос с устойчивым эпитетом *күн улууһа* – букв. солнечное племя (улус) [4. С. 39], [5. С. 51] и *күнгэ үнэр дьон* – солнцепоклонники [6, стб.3129].

В якутском языке эпитет *күн* ‘солнечный’ экспрессивно коннотирует самого человека: *күн кийитэ* – букв. солнечный человек; человек солнечного мира [7. С. 139]; 8. С. 111]. В фольклорных текстах ‘человеком солнечного мира’ именовали себя не только якуты, но и все “аборигены Южной Сибири” [9. С. 90]. Как правило, ‘солнечный человек’ должен быть ‘прямым, простым’ как солнце – *күн курдук көнө санаалаах*, а сердце – способным сострадать другим людям, быть жалостливым и сердобольным: *күн санаалаах* – букв. с солнечной мыслью.

В тюркских языках, как отмечается в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков», «на базе названия солнца возникло много ласкательных слов и выражений: *künim* ‘мое солнышко’, *künimdej körkem* ‘красивая как солнце’, *künsuluw* – букв. ‘солнечная красавица’» [3. С. 333]. Между тем в доступных нам источниках по южносибирским языкам какие-либо примеры использования компонента *күн* ‘солнце’ в составе ФЕ обнаружить не удалось. В якутском языке существуют устойчивые сочетания, номинирующие единственного ребенка, будущую надежду или любимого человека: *күнгэ көрбүтүм* – букв. под солнцем увиденный мною; *күнүм тэнэ* – букв. подобно солнцу моему.

В традиционном мировоззрении тюрков передняя часть человека – это солнечная сторона, «солярная система ориентации», где рождаются солнце, свет, жизнь [9. С. 90], она воспринималась неприкосновенной стороной. Потому обходить спереди человека было непозволительным жестом. Данная архаическая семантика жеста относится, по-видимому, к воззрению «средневековой культуры человека, где он рассматривался как единство души и тела, а жест обладал религиозной и юридической силой» [10. С. 14].

Мотивационную основу данной культуры ярко свидетельствует якутская фразеологическая единица *күн диэки күлүгэ кэһиллибэт кийи* – букв. человек, тень которого с солнечной стороны нельзя обойти. Так говорят об уважаемом, почитаемом человеке, чаще всего о великом шамане. По верованиям тюрков, «запрещалось наступать на тень людей, которые старше тебя» [9. С. 183], «чтобы не навредить человеку» [11. С. 228], так как тень создавалась как чувственная субстанция, отражение – «двой-

ник» человека. В целом у многих народов в древности отношение к тени было мифологизированным. Она «считалась душой человека» [12. С. 332].

С неясной мотивационной основой предстаёт ФЕ *кун кырыата киһи* – букв. человек инея солнца, который кодирует семантику ‘слабого здорового, хилого’ человека. Как зафиксировано в словаре Э.К. Пекарского, данная ФЕ использовалась в речи и по отношению к домашнему скоту: *ый кун кырыата бабадьы!* – «говорят о худой, тощей скотине, которая не только не отъедается, но и не набивает брюха, хотя и много ела» [6, стб.1421].

Лексема Ый ‘Луна’ в составе ФЕ

Наличие в якутском языке фразеологической единицы *ый-кун ыһыаба гын* – букв. превратить в праздник Луны и Солнца свидетельствует о существовании в древности у якутов наряду с Солнцем и культа почитания Луны. Семантика данной ФЕ – ‘раздавать все съестные припасы без расчета и экономии; промотать все имущество и деньги’. Как поясняет А.Е. Кулаковский, «на весенних празднествах, устраиваемых в честь небесных божеств, якуты брызгали молочные продукты вокруг места игралщ... Следов почитания якутами небесных светил, кроме этой поговорки, нигде не сохранилось» [13. С. 199-200]. У древних якутов, как отмечает А.Е. Захарова, «лунный культ являлся, видимо, более древним, в силу чего он был почти забыт» [10. С. 25].

В тюркской картине мира Луна обычно характеризует человека с ‘красивым, приятным лицом’, ассоциируясь с красотой мифологического божества с одноименным названием: *toğılıq toľun aj teg jüzlüq* – ‘с лицом красивым, подобным полной Луне’ [14. С. 576].

В алтайском эпосе «Маадай Кара» лицо богатыря Когюдей-Мергена сравнивается с Луной: *толы айдыһ бу чырайлу* – букв. лицо – как полная луна [15. С. 157]. А в якутском языке, если лицо человека и сравнивается с луной, то с негативной коннотацией, что подтверждает пример из текста олонхо: *кыыспыт ый сырайын курдук сырайдаах* – (четыре больших кузнеца) с рожами, как полный месяц [6, стб. 1430], где разгоряченные, покрасневшие от жара кузнечных мехов лица кузнецов уподобляются красной Луне.

Луна в тюркской мифологии, как правило, выступает носителем женского начала и олицетворяет женскую красоту: в турецком *ay gibi* – букв.

словно Луна, очень красивая; в тувинском ай ышкаш кирбиктерлиг – с красиво выгнутыми бровями. Букв. с бровями, как луна.

В якутском языке диалектная ФЕ *ый курдук ыраас өйдөөх* – букв. со светлым умом, как луна, зафиксированная в сборнике Н.В. Емельянова, относится к микрополю ‘умственные способности человека’ [16. С. 85].

Лексема Халлаан ‘Небо’ в составе ФЕ

В тюркских языках для обозначения ‘неба’ отмечается 8 названий в различных фонетических вариантах: 1. *teŋiŋ; 2. *kök; 3. *qalyq; 4. *ewren; 5. як. халлān, родственное с 3-м; 6. чув. tüpe (<töbe); 7. asman / aspan; 8. арабск. заимств. sāma [3. С. 716]. Из них 3 лексических единицы имеют параллель в якутском языке: 1. *teŋiŋ ~ *тангара* 2. *kök ~ *күөх* 3. *qalyq, возможно, родственный с *халлаан* [17. С. 92].

Общетюркский *teŋiŋ в огузских языках перешел в гласные задне-рядные: tanɣu, taŋara, taɣara [3. С. 327]. Якутских фразеологизмов с компонентом *тангара*, характеризующих человека, немного, например, *тангара обото* – букв. божье дитя, так говорят о простодушном, безобидном человеке [18. С. 179]. В хакасском языке тигір ‘небо’ лежит в основе компаративной ФЕ с оценочной характеристикой внешних качеств человека: көк тигір осхас харахтар – голубые глаза. Букв. как синее небо глаза [19. С. 569].

Литературно устойчивая лексема *халлаан* ‘небо’ в якутском языке демонстрирует большую фразеобразовательную активность, чем *тангара* ‘небо’, для характеристики человека и его деятельности. Так, неприспособленного к жизни, социально не адаптированного человека маркирует ФЕ *халлаан кинитэ* – букв. человек неба [18. С. 324]. О ‘безграмотном, неграмотном’ человеке с иронизированной оценкой употребляют *халлаан суруксута* – букв. небесный писарь [18. С. 324]. Примечательно, что образ небесного писаря устойчиво закреплен в эпической памяти этноса, где он занимает видное место в пантеоне божеств якутской мифологии. Так, *халлаан суруксута* – небесный писарь, живущий у Юрюнг Айыы Тойона [6, стб. 2367], «Юрюнг Айыы Тойон созвал на первый кумыс... писаря трех небес, писаря Белого Юс Нёмер» [20. С. 87].

Ранее установлено, что компонент *халлаан* мотивирует в семантике ФЕ значения, основанные на таких признаках, как ‘пустота, бесполезность, недоступность’, с семантикой вербального поведения, психоло-

гического состояния человека [21. С. 82]: *халлааны саппабырдан* – быть немощным – букв. омрачая небо [13. С. 147].

Активное использование компонента *халлаан* ‘небо’ в составе ФЕ в различных фразеосемантических вариациях, предположительно характеризует его как устойчивую, возможно, и более древнюю лексему с семантикой неба. Считается, что *халлаан* образовано от собственно якутской глагольной основы халын- ‘проясняться’ + аффикс –аан, соотносящееся с маньчж. галга, галгань ‘чистое, ясное небо, ведро’ [6, стб. 3265]. К такому мнению склонялись О.Н. Бетлингк, Э.К. Пекарский, М. Стаховский. По мнению П.А. Слепцова, вопрос может несколько проясниться по уточнению этимологии глагола халын [17. С. 94]. В последнее время среди тюркологов утверждается мнение, что якутский *халлаан* восходит к древнетюркскому *qaluq, образованному от глагольной основы *qalı- ‘подниматься, взлетать, подпрыгивать’ [3. С. 716].

Непостоянное, плывучее состояние атмосферного явления *былыт* ‘облако’ легло в основу оценки человека с негативной коннотацией ‘пройдохи, плута, мошенника’: *ааһар былыт албына* – букв. лжец проходящего облака [6, стб. 72]. Это устойчивое сочетание слов встречается в основном в эпическом тексте для характеристики отрицательного персонажа олонхо.

В фольклорной лексике также встречается парное использование компонентов ‘небо’ и ‘облако’ в описании единственной, ненаглядной дочери-красавицы главных героев олонхо: *былыттаах тангараба быктарбакка* – букв. не показывая даже облачному небу [22. С. 239]. Как видно, лексема *тангара* представлена здесь в более архаичном своем значении ‘небо’. Данный устойчивый словесный комплекс реформировался в литературную ФЕ: *былыттаах халлаанга быкпатах* – букв. ‘не выглянувший в небо с облаками’ [18. С.151] с семантикой характеристики капризного, очень избалованного лица. Обычно так говорят о детях.

Компоненты ‘небо’ и ‘облако’ в составе ФЕ формируют также значение, характеризующее человека ‘непостоянного, быстро меняющего свое решение’: *былыттаах халлаан курдук киһи* – букв. человек, подобный пасмурному небу [18. С. 151].

В древнетюркской лексике слово *bult в составе устойчивого сочетания зафиксировано для характеристики внешнего качества человека: пышные волосы сравниваются с массивными ‘облаками’: *bult teg saç* – волосы (пышные), как облако (Словарь Махмуда Кашгарского: 354)

[14. С. 123], также в современном турецком языке ФЕ *karabulut gibi* – букв. как дождевое облако, характеризует мрачного, угрюмого человека [23. С. 512]. В основе формирования данных компаративных ФЕ лежит наблюдение говорящего над пролетающим облаком на небе.

Таким образом, обнаруженное, хотя и немногочисленное, количество аналогичных семантически мотивированных фразеологизмов якутского и тюркских языков Южной Сибири может свидетельствовать о том, что фразеологическая система тюркских языков имеет общие корни. В свою очередь, схожесть ассоциативных образов может быть обусловлена также и универсальными знаниями об окружающем мире и общечеловеческой природой. Выявленные в результате сравнительно-сопоставительного анализа национально-специфичные фразеологические единицы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, подтверждают мнение о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в условиях отсутствия контакта с родственными языками.

Литература

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт ; под ред. Г.В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 400 с.
2. Григорьев, Н.С. О некоторых вопросах методики научного анализа фразеологических единиц якутского языка / Н.С. Григорьев // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения : материалы конференции. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1960. – С. 165-177.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. : Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – Москва : Наука, 2006. – 908 с.
4. Фразеологический словарь якутского языка / Н.С. Григорьев. – Якутск : Кн. изд-во, 1974. – 127 с.
5. Кыыс Дэбилийэ : якутский героический эпос. – Новосибирск : Наука, 1993. – 330 с.
6. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка : в 3 т. – 2-е изд., фотомеханич. / Э.К. Пекарский. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1959.
7. Габышева, Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти / Л.Л. Габышева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 143 с.
8. Хаан Дьаргыстай : олонхо / Сост. В.В. Илларионов. – Якутск : Алаас, 2016. – 232 с.

9. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек и общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1989. – 243 с.
10. Захарова, А.Е. Архаическая и ритуально-обрядовая символика народа саха / А.Е. Захарова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 312 с.
11. Хисамитдинова, Ф.Г. Словарь башкирской мифологии / Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 420 с.
12. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – Москва : ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
13. Кулаковский, А.Е. Научные труды / А.Е. кулаковский ; подг. к печати: Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. – Якутск : Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
14. Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Надеяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. – Ленинград : Наука, 1969. – 676 с.
15. Маадай-Кара : алтайский героический эпос. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. – 474 с.
16. Емельянов, Н.В. Якутские пословицы и поговорки / Н.В. Емельянов. – Якутск : Кн. Изд-во, 1962. – 245 с.
17. Слепцов, П.А. О словах күөх, тангара, халлаан в якутском языке / П.А. Слепцов // Урало-алтайские исследования. – 2009. – №1. – С. 92-95.
18. Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А.Г. Нелунов. – Новосибирск : Гео, 2002. – Т. 1. – 287 с., – Т. 2. – 420 с.
19. Хакасско-русский словарь / под ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1115 с.
20. Бурнашев, И.И.-Тонг Суорун. Сылгы уола Дыырай Бухатыыр = Сын лошади Богатырь Дыырай / Подг. к печати : В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 376 с.
21. Афанасьева, Е.Н. Репрезентация концепта «небо» в картине мира якутского языка / Е.Н. Афанасьева // Известия Рос. госуд. пед. университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 160. – С.75-84.
22. Тимофеев-Теплоухов, И.Г. Иэйэхсит сиэнэ эриэн таба аттаах Эрэбил Бэргэн / И.Г. Теплоухов-Тимофеев ; науч. ред. А.Е. Захарова. – Дьокуускай : РИО ДДН им. А.Е. Кулаковского, 2015. – 370 с.
23. Большой турецко-русский словарь / сост. А.Н. Баскаков и др. – 3-е изд. – Москва : Живой язык, 2006. – 960 с.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МОНГОЛЬСКОЙ
ХРОНИКЕ 17 ВЕКА «АЛТАН ТОБЧИ» ЛУВСАНДАНЗАНА

Н.Б. Бадмацыренова

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
nadya_dambayeva@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена трудностям адекватной передачи фразеологических единиц монгольских письменных памятников на примере хроники «Алтан тобчи» Лувсанданзана. Трудности перевода связаны, прежде всего, как со спецификой фразеологизмов, часто связанных с реалиями той эпохи, так и с особенностями перевода текстов историко-культурной тематики.

Ключевые слова: проблемы перевода, монгольские языки, фразеологические единицы, виды перевода, способы перевода фразеологизмов.

ON THE PROBLEMS OF TRANSLATING IDIOMS
IN THE MONGOL 17TH CENTURY CHRONICLE
«ALTAN TOBCHI» BY LUVSANDANZAN

Abstract. The present article is devoted to the challenges in finding adequate means of expressing idioms in the Mongolian written chronicles (Altan Tobchi by Luvsandanzan as a case-study). The difficulties in translation are, first of all and mainly, connected with the specific features of the idiomatic expressions, often caused by the words reflecting the realia of that time; and those caused by the specific approach in translating text on historically and culturally related topics.

Keywords: problems of translation, Mongol languages, idiomatic units, types of translation, means of translating idioms.

«Алтан Тобчи» под авторством монаха Лувсанданзана представляет собой крупную историческую хронику и литературный памятник средневековья. Известно, что список «Алтан Тобчи» был найден в 1926 г.

и передан в книгохранилище Ученого комитета МНР его первым председателем Жамьян-гуном.

По своему содержанию «Алтан Тобчи» является пересказом «Сокровенного сказания», из 282 параграфов пересказано 233. Считается, что Лувсанданзан был знаком с текстом «Сокровенного сказания» в фонетической записи китайскими иероглифами, а также имел в своем распоряжении и другие древнемонгольские источники, относящиеся к XII - XIII вв.

Несмотря на то, что «Алтан Тобчи» во многом перекликается с «Сокровенным сказанием...», оно отличается как по оригинальности содержания, так и по манере изложения. В «Алтан Тобчи» широко используется народная поэзия, относящаяся к XII - XIII вв.: язык произведения насыщен образцами афористической поэзии, такими как поговорки и пословицы, а также фрагментами из произведений песенного искусства. В состав «Алтан Тобчи» включено много литературных произведений: «Легенда о Баргасун-Хурчи», «Шафра о мудрой беседе мальчика-сироты с 9 богатырями Чингисхана», «Легенда о разгроме 3 сотен тайчиутов» и некоторые другие. Отметим, что эти произведения не вошли в содержание «Сокровенного сказания...». Это позволяет утверждать, что «Алтан Тобчи» и «Сокровенное сказание...» представляют собой разные произведения.

В качестве первоисточников нами были использованы следующие издания: «Altan tobči. Eine mongolische Chronik des XVII Jahrhunderts von Blo bzan bstan jin: Text und Index», опубликованное Хансом-Петером Витце и Генденом Лубсаном в Токио в 1992 г., и «Лувсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»)), перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П. Шастиной. Серия «Памятники письменности Востока». М., 1973.

Фразеологический фонд произведения насчитывает 45 фразеологизмов, разных по структуре, семантике и содержанию. Время создания «Алтан Тобчи» - XVII в. - приходится на период утверждения буддизма в виде ламаизма на территории Монголии. Этот факт не мог не отразиться на языке произведения. Многие фразеологические единицы носят религиозно-буддийский характер.

Основной задачей нашей работы является рассмотрение проблем адекватной передачи ФЕ монгольской летописи 17 в. на язык перевода.

Относительно способов перевода фразеологизмов, основные, к кото-

рым относят фразеологический перевод и нефразеологический перевод, – были предложены С. Влаховым и С. Флорином. Так, по их мнению, фразеологизмы переводятся либо соответствующим фразеологизмом в языке перевода, то есть применяется фразеологический перевод, либо, при отсутствии таковых, используются иные средства, и это уже нефразеологический перевод ФЕ [5. С. 183]. Многие ученые-лингвисты, среди которых С.Е. Кунцевич, Т.Н. Федуленкова, Л.Ф. Дмитриева и т.д., высказываются в пользу четырех способов перевода: фразеологические эквиваленты, аналоги, калькирование, описательный перевод [2. С. 62]. Однако почти всегда их не достаточно для адекватного перевода, поэтому А.В. Кунин добавил несколько других методов перевода к основным и предложил несколько иную классификацию [3. С. 168].

Фразеологический перевод – это использование в языке перевода фразеологизмов различной степени близости, т. е. сюда можно отнести полный, частичный, относительный эквиваленты. Вышеупомянутый перевод включает в себя следующие методы:

1. Фразеологический эквивалент – это фразеологизм, являющийся равноценным исходной единице по всем критериям.

2. Неполный (частичный) фразеологический эквивалент – это фразеологизм, соотносящийся с многозначной единицей в языке-источнике, но который не приравнивается всем ее значениям.

3. Относительный фразеологический перевод имеет следующую особенность: он несхож с исходным фразеологизмом по какому-либо признаку: изменение формы, синтаксического построения, последовательности, сочетаемость и т.д.

4. К фразеологическим также относят и «индивидуальные» эквиваленты. Когда переводчик не находит эквивалентного фразеологизма в языке перевода, он вынужден прибегнуть к созданию своего собственного, нового фразеологизма.

Qudalci mayu kümün-ü ügen-tür buu orolcaya [1. С. 36].

«Не доверяй словам лжецов и плохих людей» [2. С. 183].

Фразеологизм *ügen-tür buu orolca* досл. «не войди в слова» имеет значение «не дать себя уговорить». Однако в данном предложении этот перевод не является уместным, поэтому автору пришлось подобрать индивидуальный эквивалент, чтобы показать читателю реальный образ происходящих действий.

Перевод текста исследуемой хроники авторства Н.П. Шастиной характеризуется крайне малым количеством примеров фразеологического перевода. Это связано, в первую очередь, со спецификой текста сочинения, который отражает культуру, традиции и верования монголов, и определенными объективными сложностями в передаче реалий той эпохи.

подавляющее большинство фразеологических единиц в переводе автора передано посредством нефразеологического перевода. Считается, что его обычно используют только после того, как переводчик убедился, что ни один из методов фразеологического перевода не подходит, поскольку происходит потеря образности, экспрессивности, афористичности и т. п. Как правило, к нему прибегают крайне редко. Однако при работе с древними текстами данный вид перевода является наиболее адекватным.

Первый – это строго лексический перевод. Он используется тогда, когда используемое понятие является фразеологизмом в одном языке и словом в другом.

Tede Yisükei baɣatur Tatar-un Tümüjin Qori buq-a terigüten Tatar-I taɣuliju (dobtolju) irebesü tede Ögelen üjin köl kündü bölüge [1. С. 9]

«Когда Йисугэй-багатур прибыл после нападения на татар, во главе которых были татарские Томучин и Хорибуга, то Огэлэн-уджин была беременна» [2. С. 65]

Фразеологизм *köl kündü* досл. «нога тяжелая», имеющий значение «быть в положении», был передан автором перевода единственно стилистически верным в контексте предложения словом.

Dobu Mergen ügei boluysan-u qoyina... [1. С. 4].

После того, как Добу Мэргэна не стало... [2. С. 55].

Лексическая замена «не стало» значения «умереть, скончаться» фразеологической единицы *ügei boluqu* подчеркивает скоростность кончины Добу Мэргэна.

Калькирование. Оно используется в тех случаях, когда мы не можем передать фразеологизм, сохраняя его эмоционально-экспрессивный характер, национальную, культурную специфику, используя другие методы. Этот способ позволяет сохранить образный строй оригинала, что особенно важно в художественном переводе.

... yar ɣajar-a köl köser-e amurliyulju Cakravarti qayan metü aldarsibai [1. С. 9-10].

«... умиротворил их, - руки на землю, ноги на почву, - и прославился как Чакраварти-хан» [2. С. 67].

В комментарии Н.П. Шастина поясняет, что данное присловие *γar γajar-a köl köser-e* часто встречается в средневековых сочинениях и говорит о крепком, стабильном положении, в данном случае Чингисхана [2. С. 315]. Автор перевода использовала кальку, которая, однако, значительно затрудняет понимание как ФЕ, так и предложения в целом. Так, БАМРС предлагает нам следующие варианты перевода: «1. Как у Христа за пазухой. 2. Аркадская идиллия». Безусловно, данные варианты не в состоянии адекватно передать значения ФЕ.

... *mön ele üküü-türiyen dere abun üküü kemeged* [1. С. 40].

«Уж если я умру, то умру на подушке» [2. С. 70].

В данном случае мы имеем дело с фразеологизмом *dere abun üküü* досл. «умирать, беря подушку», обозначающим смерть на теле врага, связанным с боевой традицией монголов, когда воин в момент неминуемой смерти убивал своего врага и падал на него бездыханный, как на подушку.

Bi ber edüge ötelbe. Namayi öteljü öndöd-te qojidcu, qadud-ta γarbasu qatnu ulus-i minu ken medekei [1. С. 42].

«Я состарился ныне. Состарившись, взойду на вершины. Когда взойду на скалы, кто будет ведать моим народом?» [2. С. 112].

В данном примере автор хроники использовал синонимичные ФЕ *öndöd-te qojidcu, qadud-ta γarqu* досл. взойти на вершины, подняться в горы со значением «умереть, скончаться». Однако автор перевода не счел нужным перевести фразеологизмы ни лексической заменой, ни подбором эквивалента. Можно предположить, что таким образом Н.П. Шастина попыталась подчеркнуть высокий стиль речи правителя. С другой стороны, мы в очередной раз сталкиваемся со сложностью в понимании смысла предложения в целом.

Описательный перевод, по сути дела, означает толкование фразеологизма ввиду отсутствия полного эквивалента в языке перевода. Он может использовать либо объяснение, либо описание, или даже пословицы и поговорки – любые средства, передающие наиболее лаконично и ярко содержание фразеологизма. В своем переводе Н.П. Шастина часто прибегает к дублированию кальки такими пояснениями, т.е. к двойному или параллельному переводу, наиболее часто употребляемому при перево-

де текстов культурно-исторической тематики. В тексте перевода «Алтан тобчи» чаще всего этого требуют ФЕ, связанные с ритуальной компонентой жизни монголов.

(1) *Edüge boyoljur ider-e iredkün kemen edür boljaju uriju iregüljü tende bariy-a kemeldebe* [1. С. 43].

«Теперь назначим день и пригласим их прийти, скажем: «Приходите, чтобы поесть боголдзура». И тут-то его и захватим» [2. С. 94].

(2) *Edüge boyoljur ider-e iredkün kemen cimayi uriba* [1. С. 43].

«Ныне же пригласил тебя, говоря: «Приходите поесть боголдзура на сговорном пиру» [2. С. 95].

В представленной паре примеров мы видим кальку: в первом случае (*boyoljur ide-* досл. поесть боголдзур, т.е. шейный позвонок, «сговорный пир по случаю сватовства»), во втором же примере автор перевода поясняет, что же все-таки обозначает лексема *boyoljur*.

Следует отметить, что в тексте перевода встречаются ФЕ, переданные калькой по тем или иным причинам.

Так, в примере *Yisukei bayatur tngri boluysan-dur: Tümüjin yajar-tur uruju unan kebtejü masi yasajqui-tur...* [1. С. 43].

«Йисугэй багатур уже стал тэнгри, когда Томучин упал ниц на землю, горюя и скорбя...» [2. С. 70].

ФЕ *tngri boluysan-dur* досл. когда стал небом со значением «умереть, скончаться» имеет дословный перевод. В данном случае, по нашему мнению, автор перевода хотела подчеркнуть тэнгрианские основы духовной культуры монголов того времени. В противовес этому в тексте хроники мы наблюдаем еще один фразеологизм со значением «скончаться, умереть».

Boyorci kelebe: burqan boluysan sayid-i buyan –iyar üdem gele [1. С. 35].

«Богурчи проговорил, что сайдам, ставшим бурханами, своими благами действиями мы помогаем» [2. С. 84].

Первоначально ФЕ *burqan boluysan* досл. «стать Буддой, Богом» была воспринята нами как необоснованная калька автора перевода. Однако нужно помнить о том, что хроника является пересказом ССМ, датированным 17 в., временем, когда буддизм начал распространяться в Монголии, что и повлияло на замену лексемы *tngri* «небо» на более позднюю единицу *burqan* «Будда, Бог».

Таким образом, специфика языка письменных памятников накладывает определенный отпечаток на перевод подобных текстов в целом и на перевод ФЕ в частности. ФЕ, будучи колоритной кладезью самобытной культуры эпохи, требуют адекватного перевода, который передает не только образно-эмоциональную структуру оригинала, но и национально опосредованную специфичность смысла. Именно поэтому формальная эквивалентность чаще всего не оправдывается в переводах текстов подобного рода.

Литература

1. Altan tobči. Eine mongolische Chronik des XVII Jahrhunderts von Blo bzan bstan jin: Text und Index by Blo-bzañ-bstan-'dzin; Hans Peter Vietze; Gendeng Lubsang Tokyo : Daiwa Printing Co., Ltd., 1992. – 506 p.

2. Дмитриева, Л.Ф. Английский язык. Курс перевода : книга для студентов / Л.Ф. Дмитриева, С.Е. Кунцевич, Е.А. Мартинкевич, Н.Ф. Смирнова – Ростов-на-Дону, 2005. – 304 с.

3. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. / А.В. Кунин. – Москва : Высш. шк. ; Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.

4. Лувсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / перевод с монгольского, введение, комментариев и приложения Н.П. Шастиной. – Москва : 1973. – 440 с. – Памятники письменности Востока.

5. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1980. – 416 с.

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ
ПАРАЛЛЕЛИЗМОВ ЯКУТСКОГО ОЛОНХО**

Ю.П. Борисов

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
olonhoman@mail.ru*

Аннотация. *В статье освещается проблема якутско-русского перевода ритмико-синтаксических параллелизмов в тексте олонхо. Ритмико-синтаксические параллелизмы, являясь основным минимальным элементом эпоса олонхо, несут в себе не только определенную семантическую нагрузку, но и художественно-эстетическую функцию, поэтому от переводчика требуется особое внимание.*

Ключевые слова: *ритмико-синтаксические параллелизмы, ядро, семантическое поле, прием опущения, прием экспликации, лексико-семантическая замена, реферативный перевод.*

**THE PROBLEM OF TRANSLATING RHYTHMIC
AND SYNTACTIC PARALLELISMS IN YAKUT OLONKHO**

Abstract. *The article highlights the problem of Yakut-Russian translation of rhythmic and syntactic parallelism in the text of Olonkho. The rhythmic and syntactic parallelism being the main minimum element of the Olonkho epic carries in itself not only a certain semantic load, but also artistic and aesthetic function therefore requires special attention of the interpreter.*

Keywords: *rhythmic and syntactic parallelism (hereinafter RSP), the core of the semantic field, omission, explication, lexical and semantic substitution, abstract translation.*

В настоящее время, ввиду актуализации работ по переводу якутского героического эпоса олонхо на языки народов мира, возникает проблема перевода эпического текста, в частности перевода ритмико-синтаксиче-

ских параллелизмов. Сегодня наблюдается такая тенденция, что переводчики не обращают должного внимания ритмико-синтаксическому параллелизму, что приводит к искажению не только содержания, но и структуры, поэтической формы и художественно-эстетической функции исконного текста.

Целью данной статьи является освещение проблемы якутско-русского перевода ритмико-синтаксических параллелизмов (РСП) эпоса олонхо. Материалом для исследования послужил текст олонхо «Сылгы уола Дьырай Бухатыыр» (Сын лошади Богатырь Дьырай) И.И. Бурнашева-Тонг Суоруна в переводе Е.С. Сидорова.

По мнению многих исследователей, язык олонхо является величайшим образцом устной поэтической речи, зафиксированным в текстах якутского героического эпоса. И может быть расценен как наивысшее достижение якутского народа, как эталон языковой нормы. Также ряд исследователей подчеркивают архаичность, формульность и вариативность языка олонхо, его системность.

Системность эпоса, прежде всего, на наш взгляд, выражается в его иерархических уровнях, то есть в основных структурообразующих элементах эпического текста. Таковыми, по мнению исследователей, являются в композиционном отношении: эпические периоды и тирады [5; 11], которые распадаются на типические (общие) места или *loci communes* [10; 8]. В свою очередь типические (общие) места нередко состоят из эпических формул [9; 5; 4; 3], или типических формул [10] и поэтических формул [1], последние два термина по сути те же самые эпические формулы. Также В.М. Жирмунским и В.В. Илларионовым убедительно доказано, что эпические формулы в основе своей состоят из ритмико-синтаксических параллелизмов [5; 6].

Тем самым становится известно, что в системе эпоса ритмико-синтаксический параллелизм является ключевым минимальным структурным элементом, охватывающим все уровни иерархии во всех его проявлениях, и поэтому от исследователя, а также от переводчика требует особого выделения среди других метрических единиц.

Также при переводе следует учитывать, что текст эпоса олонхо является народным устным художественным произведением, и потому следует отметить некоторые особенности художественного перевода. Так, В.Н. Комиссаров утверждал, что эстетическая направленность отличает

художественную речь от остальных актов речевой коммуникации, информативное содержание которых является первичным, самостоятельным, и писал: «Поскольку речь идет о переводе отрезков художественной речи, основным отличием художественного перевода от иных видов перевода следует признать принадлежность текста перевода к произведениям ПЯ, обладающим художественными достоинствами. Иными словами, художественным переводом именуется вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на ПР» [7. С. 95].

При этом В.Д. Сдобников и О.В. Петрова о проблеме поэтического перевода пишут, что «высокая концентрация образности, чрезвычайно большая семантико-стилистическая нагрузка на каждое слово, а также повышенное внимание к форме, обусловленной в значительной степени особенностями строения языка и при этом являющейся важнейшим выразительным средством, делают общие проблемы художественного перевода в применении к переводу поэтическому значительно более острыми и сложными» [12. С. 421].

Уточнив фоновые знания о РСП и особенности поэтического художественного перевода, рассмотрим основные виды отклонений, допущенных при переводе РСП в эпосе-олонхо И.И. Бурнашева-Тонг Суоруна «Сын лошади Богатырь Дырай»:

1. Опущение члена РСП:

Суллаабыт тиит курдук солоох.

Уолах мас курдук уллуктаах,

Хастаабыт мас курдук харылаах.

Бысталаабыт тиит курдук

былчыннаах.

Голени, что оголенный комель

Лиственницы крепкой,

Кости запястья,

Будто обрубленный ствол

Могучего дерева – мускулы

[2. С. 32]

[Там же. С. 207].

Исходный четырехчленный РСП образован дословным повторением лексемы «курдук» (букв. словно, подобно) в сочетании с лексемами: «тиит» (лиственница) и «мас» (дерево), перед которыми употреблены определения: «суллаабыт» (оголенный), «уолах» (молодая), «хастаабыт» (содранные), «бысталаабыт» (обрубленные), и в завершении каждого члена аффикс принадлежности на -лаах образует аффиксальные рифмы.

Однако при переводе строгий порядок следования составляющих РСП был разрушен, более того, опущен второй член РСП, что, на наш взгляд, нарушает целостную структуру РСП. Кроме того, нарушена поэтическая форма РСП: выраженные одиночными строками члены переданы двойными строками.

2. Опущение сказуемого РСП:

Кыһын диэни кырыатынан билэр,	Различая зиму морозным инеем,
Саас кэлбитин хахсаатынан билэр,	<i>Весну</i> – непогодой с ветрами,
Сайын кэлбитин самырынан билэр...	<i>А лето</i> – дождями...

[2. С. 79].

[Там же. С. 249].

В данном случае трехчленный РСП, выражающий локативно-темпоральное содержание, то есть раскрывающий при помощи описания в каждом члене времен года продолжительность богатырского похода, при переводе претерпел изменения. Так, были опущены сказуемые второго и третьего членов, являющиеся неотъемлемой семантической частью РСП и носящие отдельную поэтическую значимость. Возможно, переводчик счел, что дословно повторяющееся сказуемое: «билэр» (букв. знает, узнает) можно передать единственным для всех трех членов сказуемым: «различая». Однако данное обстоятельство нарушает целостность РСП, тем более что сказуемое «билэр» имеет в русском языке множество синонимов, например: узнает, различает, отличает и т.д.

3. Изменение структуры РСП:

Күөрт ыттар	Стану я посмешищем
Күлүү гына сылдыяхтара,	<i>Собак называемых кёрт,</i>
Эриэн ыттар	Стану притчей <i>пестрых собак...</i>

Элэк гына сылдыяхтара [2. С. 46].

[Там же. С. 219].

В оригинале двучленный РСП образован дословным повторением лексемы «ыттар» (собаки) и словосочетания «гына сылдыяхтара» (букв. будут), также члены РСП соединены в группы при помощи начальной аллитерации. При переводе на русский язык оригинал представлен неполным параллелизмом. То есть нарушена структура РСП и компонент второго члена опущен ввиду того, что автор перевода соединил компоненты второго члена воедино, в одну строку. На наш взгляд, данное обстоятельство нарушает структуру РСП, иначе говоря, поэтическую значимость отдельного члена параллелизма.

4. Лексико-семантическая замена при переводе РСП:

Хойут утуйар дьон

Хоһоон оносто сылдыяхтара,

Эрдэ турар дьон

Элэж гына сылдыяхтара.

[2. С. 46].

Допоздна спящие люди

Сочинят побасенки об этом,

Рано встающие разнесут

Такую позорную молву

[Там же. С. 219].

Данный двучленный РСП образован аналитическим противопоставлением членов, в котором антонимические словосочетания «хойут утуйар» (поздно засыпающие) / «эрдэ турар» (рано просыпающиеся) являются ядром параллелизма и вокруг себя создают вариантную периферию. Здесь в результате неудачной лексико-семантической замены нарушена основная фундаментальная особенность рассматриваемого РСП – темпоральность, выраженная словосочетанием «хойут утуйар» (поздно засыпающие), то есть вместо семантики «поздно засыпающие» автор перевода употребил «допоздна спящие». Тем самым переводчик смысловую доминанту РСП передал антонимом оригинала, что нарушает семантическое ядро РСП.

5. Экспликация РСП:

Ити сылгы элгээн күөл курдугу

Эмти тэбэн кэбистэ.

Тыымпы күөл курдугу

Тыыра тэбинэн кэбистэ.

Көлүйэ күөл курдугу

Көнү үктээн кэбистэ.

Алаас-сыһы саҕаны

Хайа тэбинэн кэбистэ. [2. С. 73].

Передние копыта

Оставляют за собой

Пруды на лугу,

От *задних копыт*

Образуются озера.

[Там же. С. 243].

Пример РСП в оригинале образован чередованием дословно повторяющихся словосочетаний «*күөл курдугу*» (словно озеро) и «*тэбэн / тэбинэн кэбистэ*» (лягается, ударил копытами) и вспомогательным глаголом, выражающим завершенность действия «*кэбистэ*», и имеет четыре ярко выраженных члена. Здесь переводчик ввиду того, что в составе РСП имеются реалии, выраженные безэквивалентными словосочетаниями: «*элгээн күөл*» (удлиненное овальное озеро), «*тыымпы күөл*» (озеро в лесу), «*көлүйэ күөл*» (маленькое озеро), «*алаас-сыһы*» (алаас-поле), использовал прием экспликации и четырехчленный параллелизм пере-

дал двучленной конструкцией, отдаленно напоминающей антонимический РСП. Что, вне всякого сомнения, облегчает восприятие РСП для реципиентов – русскоязычных читателей, однако нарушает выразительность и национальное своеобразие исконного текста. Кроме того, в переводе нарушено структурное соответствие второго члена параллелизма.

6. Реферативный перевод РСП:

Нохтолоох тойон сүрээзэ **буолуо диэн**,

Тобуду түһэн көрүҥ эрэ,

Хайѳахтаах хара быара **буолуо диэн**,

Хайа түһэн көрүҥ эрэ,

Чиккэйэр сийин үөһэ **буоллун диэн**,

Оттотунан быһа түһүөххүтүн

Төһөлөөх-хаччалаах буолуой! [2. С. 136].

Пронзите сердце большое,

Расприте печень черную,

Порвите главную аорту!

[Там же. С. 299].

РСП оригинала состоит из трех членов которые соединены между собой дословным повторением вариативных словосочетаний: «буолуо диэн» / «буоллун диэн» (букв. подумав / посчитав), «түһэн көрүҥ эрэ» / «түһүөххүтүн» (букв. попадите). Кроме того, третий член отличается структурой от первых двух, так как маркирует завершение РСП и содержит в себе всю смысловую доминанту конструкции – просьбу. Стилистическое различие выражается в том, что исходный РСП является эпической формулой-просьбой у стрел о поражении врага насмерть. Между тем данное обстоятельство упущено из виду и в результате реферативного перевода, то есть чрезвычайного сокращения оригинала (компрессии), смысл РСП выражен как приказ или наказ для стрел, что является неправомерной семантической заменой.

Таким образом, рассмотрев основные виды отклонений при переводе РСП, нужно отметить, что они могут ввести в заблуждение реципиентов о художественно-поэтических и эстетических особенностях языка якутского олонхо. Поэтому при переводе героического эпоса олонхо переводчики должны иметь достаточные фоновые знания о системности языка олонхо и стараться передать не только смысл, но и структуру и поэтическую форму РСП, то есть все уровни эквивалентности перевода.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научного проекта № 15-04-00496 (а).*

Литература

1. Артеменко, Е.Б. Фольклорная формульность и вариативность в аспекте текстообразования / Е.Б. Артеменко // Язык русского фольклора : межвузовский сборник. – Петрозаводск, 1985. – 164 с. – С. 4-12.
2. Бурнашев И.И.-Тонг Суорун. Сылгы уола Дыырай Бухатыыр = Сын лошади Богатырь Дыырай / Зап. Г.У. Эргис со слов сказителя И.И. Бурнашева-Тонг Суоруна; пер.: Е.С. Сидоров. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 376 с.
3. Габышева, Л.Л. Фольклорный текст. Семиотические механизмы устной памяти / Л.Л. Габышева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 143 с.
4. Дмитриев, П.Н. Эпические формулы в олонхо / П.Н. Дмитриев // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1978. – 230 с.
5. Жирмунский, В.М. Народный героический эпос / В.М. Жирмунский. – Ленинград : Гослитиздат, 1962. – 435 с.
6. Илларионов, В.В. Искусство якутских олонхосутов / В.В. Илларионов. – Якутск, 1982. – 128 с.
7. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник / В.Н. Комиссаров. – Москва : Высш. шк., 1990. – 253 с.
8. Кузьмина, Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири / Е.Н. Кузьмина. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, – 2005. – 1383 с.
9. Лорд, А.Б. Сказитель / А.Б. Лорд ; пер. сангл. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 368 с.
10. Оссовецкий, И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора / И.А. Оссовецкий // Очерки по стилистике художественной речи. – Москва : Наука, 1979. – 256 с. – С. 199-252.
11. Покатилова, Н.В. К вопросу о формах параллелизма в эпическом жанре олонхо: из наблюдений над текстом / Н.В. Покатилова // Язык-миф-культура народов Сибири : сб. науч. ст. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1996. – 188 с.
12. Сдобников, В.В. Теория перевода : учебник / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Москва : АСТ ; Восток-Запад, 2007. – 448 с. – Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия.

О ПЕРЕВОДЕ НА ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК
АЛТАЙСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА “МААДАЙ-КАРА”

А.А. Васильева

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск
vaaperevod@mail.ru*

***Аннотация.** Статья посвящена особенностям перевода героического эпоса алтайцев на якутский язык. Объясняются причины принятых переводческим коллективом стратегии перевода, тех или иных решений для наиболее адекватной передачи поэтических особенностей эпоса родственного народа.*

***Ключевые слова:** героический эпос, фольклор, перевод, национальные реалии, способы перевода, транскрипция, калька.*

ON THE TRANSLATION OF THE ALTAI HEROIC EPIC
«MAADAI-KARA» INTO THE YAKUT LANGUAGE

***Abstract.** The article is devoted to the peculiarities of translating the Altai heroic epic into the Yakut language. It explains the reasons for the implemented translation strategies and various solutions for the most adequate transfer of poetic epic features of the related ethnos by the translators.*

***Keywords:** the heroic epic, folklore, translation, national realia, translation methods, transcription, loan translation.*

В 2015 г. Национальный организационный комитет Республики Саха (Якутия) по подготовке и проведению Второго Десятилетия Олонхо поручил кафедре стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации СВФУ им. М.К. Аммосова выполнить перевод на якутский язык самого крупного алтайского героического эпоса «Маадай-Кара». Серию «Эпосы народов мира», куда входит указанный перевод, открыл в 2014 г. перевод на якутский язык киргизского эпоса «Манас», выполненный ос-

нователем научной школы русско-якутского, якутско-русского перевода к.п.н. Т.И. Петровой, поэтом А.Г. Гурьевым-Арчыланом и учителем-краеведом Т.С. Кириллиным. Неудивительно, что одним из первых в этой серии для перевода на якутский язык выбран алтайский эпос. Якутский фольклорист, видный эпосовед И.В. Пухов, работая в Институте мировой литературы, редактировал академический перевод на русский язык данного эпоса, выполненный алтайским фольклористом С.С. Суразаковым (именно этот текст русского перевода послужил исходным текстом для нашего перевода), а также написал обширную вступительную статью к изданию 1973 г. [1]. А несколько лет назад зачин алтайского эпоса размером в 502 строки был переведен на якутский язык работавшим ряд лет в Горно-Алтайском госуниверситете к.филол.н. Ю.И. Васильевым-Джаргыстайем и инсценирован по его инициативе в Литературном музее им. П.А. Ойунского в Якутске. Таким образом, алтайский эпос давно привлекал внимание якутских языковедов и фольклористов.

Существует два перевода данного эпоса на русский язык – академический перевод, выполненный фольклористом С.С. Суразаковым, и поэтический перевод, выполненный А. Плитченко. Перевод С.С. Суразакова вышел в серии «Эпосы народов СССР» в 1973 г. и представляет собой полный и точный перевод фольклорного произведения, дающий представление не только о содержании сюжета, но и особенностях языка и стиля, которые переданы с помощью пословного перевода различных речевых оборотов и подробных объяснений в комментариях. Поэтический перевод А. Плитченко, в отличие от предыдущего перевода, выполнен в соответствии с эстетическими представлениями русской поэтики. Перевод алтайского эпоса на якутский язык, предпринятый Ю.И. Васильевым-Джаргыстайем, на наш взгляд, получился больше похожим на якутский эпос, так как активно использует национальные якутские реалии и художественные средства якутского фольклора.

При выполнении своего перевода мы опирались в равной мере на алтайский оригинальный текст и русский перевод С.С. Суразакова. Академический перевод эпоса, конечно же, упрощал понимание содержания, но из-за своей точности он всё время отсылал к оригиналу - удивительная схожесть не только сюжетных линий и образов, но и речевых оборотов вызывала большой интерес к алтайскому оригиналу.

Но перед переводчиками стояла задача средствами якутского языка передать национальный колорит и речевые формулы родственной с якутской эпической культуры, стараясь избежать использования знакомых по олонхо речевых оборотов. Например, *Сангысканагы учуп жетпес Сары чөлгө жайыла түшти, Кускунагы учына жетпес Куба чөлгө чөйиле түшти - Тураах көтөн кытыытын булбат Арабас истиэбинэн сүүртэ, Суор да көтөн ухугун булбат Халтан истиэбинэн көтүттэ (По желтой степи, до конца которой сорочонок не долетает, Распластавшись, бежит, По голой степи, до конца которой вороненок не долетает, Вытянувшись, бежит)*. Этот параллелизм напоминает якутскую эпическую формулу необозримо широкого пространства, который в разных вариантах встречается и в олонхо, и в народных песнях-тойуках, например: *Кырааскалардаах атахтардаах, Кылдьылардаах харахтардаах, Кырыылардаах тумустардаах, Кылбары маҕан түүлэрдээх, Кынгынастай сангалардаах, Кынтаҕаркаан бэйэлэрдээх Кыталыктай кыыллар Кырыыта көтүтэлээн Кытыыларын булумуна түһүтэлээбэтэх Кылбары күөх кырдаллардаах Киэн сыһылар тэниспиттэр. Дьороборкоон сотолордоох, Нуобайдардаах кутуруктардаах, Ухун сойуо тумустардаах, Туруорукаан бэйэлэрдээх Турууакаан кыыллар Тула көтөннөр Туораларын булуталаамына түһүтэлээбэтэх Торбо күөх томтордордоох Улуу толооттор Утум-ситим унаарыспыттар... - С крашеными ногами, С окаймленными глазами, С граненым клювом, С чистыми белыми перьями, Со звонким высоким голосом, Со стройной фигурой Белые журавли-стерхи, Облетая и не находя окраин, Не спустились и не сели, - Такие с блестящими зелеными возвышениями Бескрайние равнины расположены. Со стройными длинными ногами, С дугообразным хвостом, С длинным острым клювом, С высоким стройным станом – Птицы-журавли, Облетая, Не пересекли ширину и не сели – Такие обширные долины С яркими зелеными буграми Друг за другом протянулись... [2 . С. 14-17].*

Любой фольклорный текст изобилует национальными реалиями, это и имена собственные, и этнографизмы, и природные реалии. При переводе мы активно использовали транскрибирование, причем в качестве диктора выступил носитель алтайского языка Б.И. Кортин, который переводит олонхо на алтайский язык. Благодаря его помощи непередаваемые реалии приняли наиболее близкий оригиналу вид, так как был исключен русский вариант-посредник. Например, имена собственные

Көгүдэй Бэргэн, Таас Тарабай и т.п., предметы быта *тэпси, чөөчөй* и т.п. Непереводимую лексику исходного текста составляют также однокоренные с якутскими слова, которые теперь означают отличные от алтайского понятия. Например, слово аракы в алтайском языке означает «водка, приготовленная из кислого молока» [1. С. 461], а в якутском языке словом *арыгы* обозначают все алкогольные напитки. Поэтому заменить аракы очень похожим и, видимо, в древности означавшим одно и то же с *аракы* словом *арыгы* нельзя, как нельзя заменить его словом *кымыс, ымдаан* или *быырапх*. То же самое относится и к Баай Тирэх Мас (в оригинале Бай-терек, в русском переводе Вечный тополь), хотя в якутском олонхо также существует образ мирового дерева – Аал-Луук Мас.

Однако такие общие для обоих народов понятия, как Верхний мир - *Үөһээ дойду* и Нижний мир – Аллараа дойду, Огненное море – *Уот байбал/далай*, волшебный сырчик – араҕас илгэ, коновязь – сэргэ настолько одинаковы, что невозможно придумать им другие названия. Если Верхний мир Уч-Курбустана, который подробно не описывается, а только упоминается в строках о мироздании, переведен нами как *Үөһээ дойду*, то для Нижнего мира оказалось возможным иногда использовать кальки *Сир анна, Сир аннынаабы дойду*, подчеркивая тем самым отличие Нижнего мира алтайского эпоса от Нижнего мира олонхо. Сыр – блюдо неякутской кухни, поэтому реалию «сыр» необходимо было объяснить, и мы не нашли ничего другого лучше, чем «*араҕас илгэ*» - волшебный молочный продукт в якутском олонхо, придающий силу ослабевающему в битве богатырю, так как в алтайском эпосе два кусочка сыра, приготовленных Хозяйкой Алтая для богатыря Когюдей Мергена, обладают таким же волшебным свойством, как и араҕас илгэ в якутском олонхо.

Было очень интересно переводить алтайские пословицы и поговорки, элементы обрядовой поэзии (формулы благопожеланий и клятв) – трудности перевода их также состояли в афористичности формы и параллельности с якутским образного содержания. Интересно было находить адекватные решения при переводе речевого этикета и описания традиций, мифов и сказочных сюжетов, которые знакомы нам по якутским сказкам и просто по народной психологии и национальному менталитету. В процессе перевода встречалось много алтайских слов, основы которых активны и в современном якутском языке, и даже такие слова,

значение которых угадывалось интуитивно (в основном это образные и звукоподражательные слова и основы). Например, при переводе имени коня главного героя, сына Маадай-Кара богатыря Когюдей-Мергена, один из эпитетов – *хлопкогривый* – мы договорились переводить как *kəp siɛllɛx*. На такое решение влияли и ограниченность строк в слогах, и неестественность плохо поддающегося транскрипции и освоению слова *холуонак*. А когда мы получили для работы оригинальный текст эпоса на алтайском языке, то увидели, что данный эпитет звучит, как *кѳѳѳн жалду*. Затем Б.И. Кортин объяснил нам, что часто употребляемое сравнение с хлопком (не только гривы коня, но и облаков или байской постели и подушек, например) выражает значение мягкости и пышности сравниваемого предмета. Исходя из этого даже можно предположить, что алтайское название хлопка произошло от образного слова, которое и в якутском языке означает нечто пышное на вид и мягкое наощупь. Таких примеров из опыта алтайско-русско-якутского перевода героического эпоса можно привести очень много. Несомненно, перевод алтайского эпоса на якутский язык открывает простор для дальнейших исследований не только с переводческой точки зрения, но и для множества разных сопоставительных исследований в лингвистическом, фольклористическом, культурологическом и других аспектах.

При переводе алтайского эпоса на якутский язык трудность состояла и в передаче формы стиха. О форме стиха и других поэтических особенностях алтайского эпоса С.С. Суразаков пишет: «В сказании «Маадай-Кара» каждая строка состоит из восьми слогов и делится на два полустишия (по четыре слога)... иногда полустишие состоит не из четырех, а из пяти и даже из шести слогов. В таких случаях при исполнении какие-либо гласные (обычно узкие) совсем не произносятся... Или наблюдается ускорение выговора» отдельных слов... При наличии в полустишии только трех слогов один из гласных произносится как долгий... Однако в таких случаях чаще добавляют односложное слово или частицу (ол, бу, ла, дийит), как в русских былинах («ой», «как» и т.п.)... Некоторые строки состоят не из восьми, а из четырех слогов. Это неполные строки (одно полустишие). Стихотворные строки обычно совпадают с законченными синтаксическими единицами (простыми предложениями или частью предложений). Текст в основном астротфичен и нерифмован. Но очень часто встречаются элементы двустишной и четырехстишной

строф с парной и перекрестной рифмовкой. Они возникают благодаря построению предложений по принципу синтаксического параллелизма. Рифма глагольная. Важную роль играет звуковое единоначатие строк, объединяющее чаще всего по две, иногда и более строк» [1. С. 61-62].

В якутском фольклоре восьмисложник тоже является одним из распространенных стиховых размеров, благодаря своей динамичности более подходящим для танцевально-песенных жанров. Поэтому было очень непривычно использовать его в героическом эпосе, так как короткие строки не могли вмещать всей красоты глагольных форм, обычно используемых в олонхо. Однако оригинал – алтайский текст – предназначен для горлового пения под аккомпанемент щипкового инструмента топшуур, поэтому обладает строгим ритмом. Для того, чтобы переводчики могли сложить якутские слова в этот быстрый темп, неплохо было бы подобрать односложные, двусложные, четырехсложные слова, как в оригинале, но это стало для нас почти невыполнимой задачей, несмотря на схожесть словарного состава данной пары языков. Поэтому ритм якутского перевода получился местами немного другим, хотя количество слогов в строках соответствует алтайскому оригиналу.

Таким образом, при переводе на якутский язык эпического произведения родственного алтайского народа мы придерживались следующих установок: 1) транскрибировать неперебиваемые реалии без посредства русского фонетического (графического) варианта; 2) избегать замены привычными для якутов понятиями и словами (наименованиями) элементов исходного текста, обладающих национальным колоритом; 3) придерживаться преимущественно восьмисложной стиховой формы алтайского текста, увеличивая или уменьшая количество слогов в строке в соответствии с оригиналом. Благодаря таким установкам переводческой группе кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К.Аммосова удалось адекватно передать средствами якутского языка красочный мир алтайского героического эпоса, его особый язык и стиль.

Литература

1. Маадай-Кара : алтайский героический эпос. – Москва : Наука, 1973. – 474 с.
2. Саха народнай ырыалара (Якутские народные песни) – Сост. Эргис Г.У., Емельянов Н.В. и др. – Якутск : Кн. изд-во, 1976. – 232 с.

О РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ДЛЯ ПЕРЕВОДА СРЕДИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ
(ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ)

А.Р. Гатуагуллин

*НИИ «Прикладная семиотика» Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань
agat1972@mail.ru,*

М.М. Аюпов

*НИИ «Прикладная семиотика» Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань
madehur@mail.ru*

***Аннотация.** В статье описывается подход к разработке системы машинного перевода для близкородственных языков на основе прагматически-ориентированного подхода и с использованием многофункциональной модели тюркской морфемы. Многофункциональная модель объединяет структурно-функциональную модель, базу данных, заполненную для нескольких тюркских языков и программное обеспечение для заполнения и использования этой модели.*

***Ключевые слова:** машинный перевод, близкородственные языки, многофункциональная модель.*

ON THE DEVELOPMENT OF SOFTWARE
FOR TRANSLATION AMONG CLOSELY RELATED LANGUAGES
(TURKIC LANGUAGES AS A CASE STUDY)

***Abstract.** This paper describes an approach to the development of machine translation systems for closely related languages on the basis of a pragmatic-oriented approach and the use of multi-functional model of the Turkish morpheme. Multi-functional model combines the structural and functional models, a database containing a number of Turkic languages and software to filling and usaging this model.*

***Keywords:** machine translation, closely related languages, multi-functional model.*

Задача машинного перевода является одной из первых задач, которую пытались решить со времени изобретения первого компьютера [1]. С тех пор машинный перевод выделился в отдельное научное направление искусственного интеллекта. Этой задачей занимаются компьютерные гиганты типа Google и Yandex, однако до сих пор она остается нерешенной. В настоящее время большинство систем машинного перевода, доступных в сети Интернет, основано на статистическом подходе. Статистические технологии машинного перевода имеют целый ряд преимуществ, таких как возможность самообучения, гладкость перевода, переносимость технологии на любые языковые пары. Важным и необходимым условием статистического метода перевода является наличие параллельных корпусов.

Ситуация для языков тюркской группы в настоящее время не позволяет активно использовать статистические технологии машинного перевода, так как для большинства из них практически отсутствуют большие параллельные корпуса, которые могут обеспечить допустимое качество перевода. Несмотря на это ведется активная работа по созданию систем машинного перевода для представителей тюркского семейства языков. В сети Интернет сегодня доступен целый ряд таких сервисов с услугами машинного перевода - *русско-узбекский* (www.spells.uz), *русско-казахский* (www.sanasoft.kz), *азербайджано-английский*, *азербайджано-турецкий* (www.dilmanc.az), *уйгурско-японский* [2], *уйгурско-китайский* (www.jofcis.com/downloadpaper.aspx?), *турецко-крымско-татарский* [3] и *саха-русский* [4].

В двух из перечисленных систем машинного перевода осуществляется перевод между близкородственными языками: *азербайджано-турецкий* [5] и *турецко-крымско-татарский* [3]. Все три языка относятся к огузской подгруппе тюркских языков, что является причиной еще большей структурной близости языков. Оба эти проекта основаны на RBMT (RuleBasedMachineTranslation) технологии, это означает, что для решения задач перевода используются языковые правила разного уровня – правила морфологического анализа и синтеза словоформ тюркских языков, правила лексического, аффиксального и синтаксического соответствия. Программные модули морфологического анализа в этих системах перевода реализованы на базе фонологических и морфотактических правил автоматического морфологического анализа, реализован-

ной в системе РС КИММО. РС КИММО – это компьютерная программа, которая использует лингвистическое описание фонологии и морфологии естественного языка и специальным образом размеченный словарь (Лексикон) для распознавания и генерации слов на этом языке. Наиболее широкое применение эта программа получила в агглютинативных языках, к числу которых принадлежат тюркские языки.

Недостатками RBMT технологий являются трудоемкость, длительность разработки, а также необходимость постоянно поддерживать и актуализировать лингвистические базы данных. Нами предлагается в качестве такого лингвистического ресурса использовать многофункциональную модель тюркской морфемы [6]. На основе этой модели создана база данных, заполненная для нескольких языков, и реализован набор программных модулей с учетом лингвистических особенностей тюркских языков.

Наша система машинного перевода между близкородственными языками строится на основе прагматически-ориентированного подхода к разработке лингвистических моделей [7]. Этот прагматически-ориентированный подход позволяет более детально прорабатывать модели определенного языкового уровня в зависимости от целевой ориентированности разрабатываемой системы и определять минимальный набор средств для решения определенного круга лингвистических задач. Эффективность системы перевода, разрабатываемая на основе этого подхода, может быть обеспечена на уровне формирования лингвистических моделей разного уровня, за счет учета близости структурных и типовых характеристик языков внутри одной языковой группы.

Языки внутри одной тюркской языковой группы, в число которых входят татарский и саха (якутский), обладают большим сходством на всех языковых уровнях. Поэтому нами для разработки программы машинного перевода были выдвинуты следующие гипотезы:

- при разработке систем перевода внутри тюркских языков основную часть перевода смогут обеспечить лингвистические модули морфологического и морфо-синтаксического уровней;

- благодаря синтаксической и морфологической близости текстовых единиц тюркских языков часть неоднозначности, имеющаяся в исходном тексте, перейдет в неоднозначный текст на другом языке.

Исходя из этих гипотез и в соответствии с прагматически-ориентированным подходом предложена общая архитектура системы машинного перевода (рис. 1).

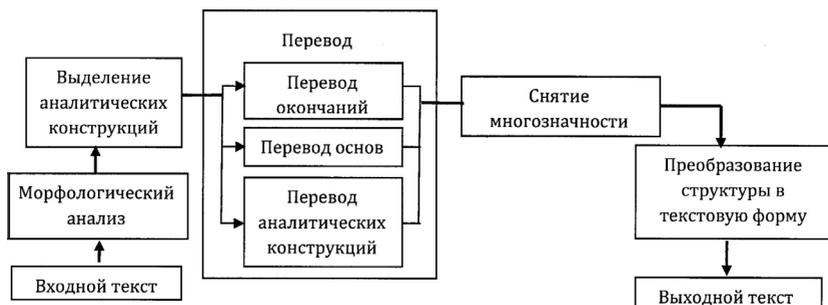

Рис. 1. Общая архитектура работы СМП для близкородственных языков

В качестве основного лингвистического ресурса при реализации задач машинного перевода среди близкородственных языков решено использовать многофункциональную модель тюркской морфемы. Многофункциональная модель тюркской морфемы имеет иерархическую структуру, состоящую из множества подмоделей. Описание свойств морфем каждого из тюркских языков является отдельной подмоделью общей модели. Общая схема модели представлена на рис. 2.

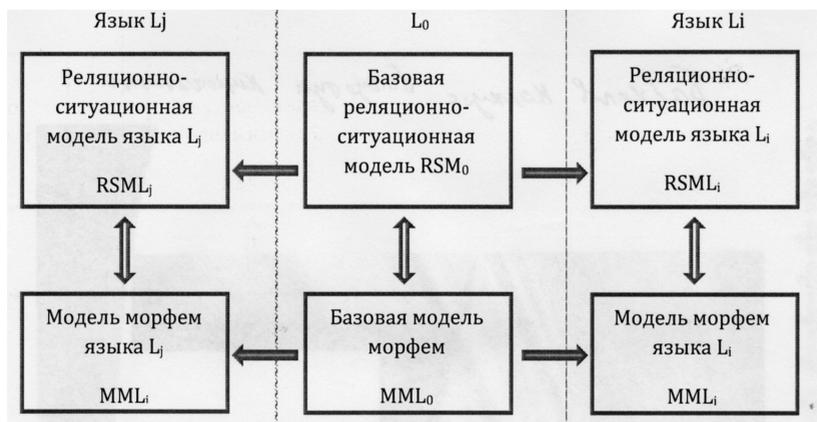

Рис. 2. Общая схема модели тюркской морфемы

Модель морфем языка L_i содержит подмодели корневой и аффиксальных морфем языка L_i , разработанных по единому принципу и содержащих описание морфем на разных языковых уровнях. На рис. 2 представлено, что в основе модели лежит базовая модель L_0 , которая является общей для всех языков тюркского семейства, и на ее основе производится наполнение подмоделей каждого конкретного языка. На рис. 2 тюркские языки показаны всего двумя представителями – L_i и L_j , в реальности для каждого тюркского языка реализуется своя подмодель. Как показано на рис. 2, модели морфем MML_i каждого из языков связаны со своей реляционно-ситуационной подмоделью $RSML_i$. Реляционно-ситуационная подмодель языка L_i является наполнением базовой реляционно-ситуационной модели RSM_0 информацией из языка L_i . Базовая реляционно-ситуационная модель представляет собой систему семантических универсалий, с помощью которых описываются значения морфем. В задачах машинного перевода реляционно-ситуационные подмодели используются в модуле снятия многозначности (рис. 1).

Программное обеспечение системы перевода для близкородственных языков реализуется как в виде отдельного веб-ресурса, так и в виде локального программного продукта. На сегодняшний день еще предстоит реализовать целый ряд планируемых модулей, в частности, наиболее интересную часть, это механизмы снятия возникающих многозначностей с использованием реляционно-ситуационной подмодели.

Литература

1. Мамедова, М.Г. Машинный перевод. Эволюция и основные аспекты моделирования / М.Г. Мамедова, З.Ю. Мамедова. – Баку : Информасийа технологийалары, 2005. – 156 с.
2. Muhtar, M., Casablanca, F., Toyama, K., Inagaki, Y.: Particle-Based Machine Translation for Altaic Languages: the Japanese-Uighur Case. In: Proceedings of the 3rd Pacific Rim International Conference on Artificial Intelligence, Beijing, China, vol. 2, pp. 725–731 (1994).
3. Kemal Altıntas Turkish to Crimean Tatar Machine Translation System. MSc Thesis, Bilkent University, Ankara, 2000.
4. Мигалкин, В.В. Саха русский компьютерный переводчик / В.В. Мигалкин // Труды RCDL-2002 [Электронный ресурс] <http://rcdl.ru/proceedings.php?year=2002>. Обращение 20.06.2016.]

5. Fatullayev R., Abbasov A, Fatullayev A. Dilmanc is the 1st MT system for Azerbaijani. In: Proc. of SLTC-08. – Stockholm, Sweden, 2008. – Pp.63-64.

6. Сулейманов, Д.Ш. Многофункциональная модель тюркской морфемы: отдельные аспекты / Д.Ш. Сулейманов, А.Р. Гатиатуллин, А.Б. Альменова, А.М. Баширов // Труды международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2016. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С.168-171.

7. Сулейманов, Д.Ш. Обработка ЕЯ-текстов на основе прагматически-ориентированных лингвистических моделей / Д.Ш. Сулейманов // Обработка текста и когнитивные технологии. – 1998. – Вып.3. – С.205-212.

**СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ:
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ЯКУТСКИХ РЕАЛИЙ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

В.Г. Дьячковская

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск
vildjach@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье рассматривается перевод якутских реалий на английский язык при сохранении национально-культурной специфики. Рассмотрена проблема передачи эквивалентности с учетом фонетических, лексических и грамматических особенностей якутского и английского языков. Исследование проводится на материале перевода якутского героического эпоса олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» П.А. Ойунского на английский язык.*

***Ключевые слова:** якутский язык, эпос, олонхо, перевод, безэквивалентная лексика, реалии.*

**TRADITIONAL AND CULTURAL SPECIFITY PRESERVATION:
ON THE PROBLEM OF CULTURE SPECIFIC WORDS
TRANSLATION INTO ENGLISH**

***Abstract.** The article considers the problem of translation of the Yakut culture specific words into English with cultural identity preservation. The problem of equivalence translation with account of phonetic, lexical and grammatical features of Yakut and English is viewed. The study is carried out on the material of the translation of the Yakut heroic-olonkho "Nurgun Botur the Swift" by P.A. Oyunsky into English.*

***Keywords:** the Yakut language, epic, olonkho, translation, non-equivalent vocabulary, culture specific words.*

Современная теория перевода подчеркивает необходимость сохранения национально-культурной специфики подлинника. Это становится особенно актуальным при переводе героических эпосов, поскольку они,

являясь вершиной поэтического творчества народа, хранят в себе многообразие, красоту и специфику языка.

Сохранить национальное своеобразие подлинника в переводе – задача особой трудности. Она выполняется «творческим воссозданием всего идейно-художественного содержания произведения, передачей мироощущения автора, его стиля и манеры письма средствами родного языка. Воспринимая оригинал как целостную художественную систему, переводчик пытается создать равноценное литературное произведение и выразить в нем отраженные в подлиннике национальные формы жизни, психологию народа и его культуру» [2. С. 100].

В данной статье рассматриваются способы передачи якутских реалий на английский язык на материале перевода якутского героического эпоса олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» П.А. Ойунского на английский язык.

По словам С.И. Влахова и С.П. Флорина, реалии являются ярким примером непередаваемых элементов текста. Они используются «для обозначения слов, называющих элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т.е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам» [3. С. 57].

По Е.В. Бреусу, «реалии – это понятия, относящиеся к жизни, быту, традициям, истории, материальной и духовной культуре данного народа» [1. С. 65-113]. В нашем случае, к народу саха – якутам.

Следует также учесть определение реалий, данное Т.А. Казаковой: «Реалии – именованья национально-культурных объектов, характерных для исходной культуры и сравнительно мало или вовсе не известных переводящей культуре» [4. С. 320]. Так как якутский и английский языки являются разноструктурными языками, относятся к разным языковым семьям и типам, можно сказать, что национально-культурные объекты в якутском эпосе и вовсе не известны англоязычным читателям.

Основных трудностей передачи реалий при переводе две: отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта) и необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску.

Возможности перевода реалий, фактически встречающиеся в переводах, сводятся к пяти основным случаям: транскрипция, калькирование, или дословный перевод, описательный перевод, генерализация понятий и функциональная замена. Если в последнее время вопросы звукобуквенной передачи реалий, транслитерации/транскрибирования были объектом внимания многих исследователей (А.А. Находкина, З.Е. Тарасова), то вопрос передачи реалий другими способами остается до сих пор малоизученным.

Одним из таких способов является экспликация, или описательный перевод. При переводе с якутского языка на английский переводчик сталкивается с тем, что в англоязычной традиции отсутствуют многие понятия, связанные с мифологией и религией якутов. Поэтому описание является обязательным компонентом переводного текста олонхо. Прием описания позволяет передать на английский язык значения бытовых реалий, реалий мира природы, мифологических мест, представителей мифологических общин.

<p>Дьылба тойону, Чыныс-хааны Одун-хаан оңоруута дуу дэтэннэр, Огдолуйбат улуу күүстээннэр Олохтообуттар эбит... [6. С. 18].</p>	<p>They appointed Odun Khan, Genghis Khan, Jilga Toyon As the Lords of the upper and the under tribes... [8. С. 18].</p>
--	--

В данном примере имена небесных властителей транскрибированы и описаны «*as the Lords of the upper and the under tribes*». Из этого короткого описания и контекста понятно, что они являются божествами как племени добрых, так и племени злых духов Верхнего мира. Описание *as the Lords of the upper and the under tribes* здесь уместно и созвучно с возвышенным тоном олонхо.

<p>Үрүң илгэ үктэллээх [6. С. 12].</p>	<p>Each step he took brought him an ilgeh blessing [8. С. 6].</p>
--	--

В данном примере мы также видим прием описания. Слово илгэ имеет следующее значение: «1) фольк. дар богов, придающий силу, дающий богатство; 2) поэт. божественная жидкость; божественный напиток, а

словосочетание **үрүң илгэ** - белый божественный напиток (*синоним молока и молочных продуктов*)» [9]. Основное значение «божественный, даруемый богами» передается словом *blessing* – божий дар, благословение.

Алдырхайдаах аллараа дойду Арбаҕаһын бүрүммүтүнэн үөскээбит [6. С. 11].	The people of the Under World Born wearing worn-out, ragged fur coats [8. С. 4].
--	--

Слово *арбаҕас*, имеющее значение «ветхая доха с *поношенным, полинявшим мехом*» [9], не имеет равнозначного эквивалента в английском языке, поэтому переводчик прибегает к приему экспликации, передавая якутское слово английским словосочетанием *worn-out, ragged fur coats* (*букв. изношенная, потрепанная меховая шуба*) и достигнув, тем самым, наилучшего понимания.

Когда переводчик в процессе перевода начинает ощущать перегруженность речи мифологическими понятиями и экзотизмами, которые могут «затемнить» содержание и затруднить его восприятие, может быть использован прием генерализации.

Тутум атахтаах, Туора муостаах Луо-бээгэй оҕустаах [6. С. 15].	I see a short-legged , cross-horned, dwarfish bull [8. С. 10].
---	--

Из примера видно, что якутская мера длины тутум, используемая для обозначения «расстояния, равной высоте кулака» [9], переведена обобщающим прилагательным *short* – *короткий*. Реалия не имеет соответствующего эквивалента в английском языке и, поскольку якутское слово в данном контексте указывает именно на признак короткости, то данный прием является не только оправданным, но и единственным возможным.

Сутука хара Сутаакы бэйэлээх Сут-бээгэй торбостоох эбиттэр... [6. С. 15]	They have hungry infected calves , As black as willow bark [8. С. 10].
---	--

В жизни якутского народа особую роль играет скот. Якут с трепетом относился к своему скоту, от которого напрямую зависела его жизнь.

Для обозначения разных возрастов рогатого скота он использовал разные названия: *нырэй* – только что родившийся теленок; *торбос* – теленок, вышедший пастись за загон; после 4-5 месяцев теленок становится *борооску* и т.д. Эквивалент для данной реалии в английском языке отсутствует и переводчику приходится заменить его в целях речевой компрессии английским *calves* – «детеныш, теленок».

Аатырар Арсан Дуолай абатын уустара [6. С. 11].	Descendants of the famous tribe of Arsan Dolai [8. С. 4].
--	--

В данном примере якутское словосочетание *абатын уустара* со значением «отцовский род, род по отцовской линии» передается обобщающим словом *tribe* – «племя».

Обобщающее слово также используется при переводе названия женского нагрудно-спинного украшения *илин-кэлин кэбуһэр* - *front and back adornments*.

Для создания осмысленных единиц в переводном тексте и для сохранения элементов формы или функции исходной единицы используется прием калькирования. Например, калькированием переданы названия 3 миров олонхо: *Аллараа дойду* (Нижний мир) - *the Low World*, *Үөһээ дойду* (Верхний мир) - *the Upper World*, *Орто дойду* (Средний мир) - *the Middle World*.

Смешанный перевод, полукалька, частичное заимствование слов и выражений, состоящее частично из элементов исходного языка, частично из элементов языка принимающего, сочетание транслитерации и калькирования, применяется в переводе для передачи имен мифологических героев, содержащих смысловые компоненты, отражающие те или иные реальные их качества. Например, *Дьулуруйар Ньургун Боотур* – *Nurgun Botur the Swift*; *Бiү хотун* - *the Yi - Moon Khotun* [8. С. 13]; *Уһун Дьурантаай* - *tall Jurantai* [8. С. 12]; *Иэйэхсит Эдьээн ийэ хотун* - *Mother Khotun Ekhsit Ejen* [8. С. 16]; *Аан-Алахчын Маҕан Маҕхалыын* - *Aan-Alakhchyn, the White Manghalyn* [8. С. 26].

Следующий отрывок также представляет собой пример смешанного перевода: сочетание калькирования, транслитерации и экспликации. Якутская мера длины «былас», равная расстоянию между кончиками пальцев, разведённых в стороны рук (2,134 м), переводится транслите-

рацией и пояснением, которое подчеркивает то, что коса у Сабыйа Баай Хотун была очень длинной.

<p>Абыс былас суһуобун Алаарыччы көрөн олорон... [6. С. 35].</p>	<p>Letting her long, eight-byas-long braid down... [8. С. 26].</p>
---	---

Таким образом, сохранение в переводе национального колорита зависит в определенной степени от восприятия и правильной передачи значения реалий. При этом особую проблему представляют жанровые особенности текста и видение картины мира, вследствие чего реалии представляют исключительную трудность для перевода. Также можно согласиться с С.П. Флориным: «Теория теорией и принципы принципами, однако в своей практике переводчик сталкивается с бесчисленными частными случаями, и каждый приходится решать в отдельности, вопреки принципам и теории или же именно потому, что в теории они еще не рассмотрены и ни в какие принципы не укладываются» [7. С. 9].

Литература

1. Бреус, Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский : учеб. пос. / Е.В. Бреус. – Москва : Изд-во УРАО, 2002. – 208 с.
2. Виноградов, В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В.С. Виноградов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С.85-107.
3. Влахов, С. Непереводимое в переводе. – Изд. 4-е. / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Р.Валент, 2009. – 360 с.
4. Казакова, Т.А. Практические основы перевода. English Russian / Т.А. Казакова. – Санкт-Петербург : Союз, 2001. – С. 140-302.
5. Крупнов, В.Н. В творческой лаборатории переводчика / В.Н. Крупнов. – Москва : Межд. отношения, 1976. – 192 с.
6. Ойунский, П.А. Дьурулуяр Ньургун Боотур : олонхо / Саха. Респ. Наукаларын акад. Гуманит. чинчийии ин-тута, – Дьокуускай, 2003. – 544 с.
7. Флорин, С. Муки переводческие: Практика перевода / С. Флорин. – Москва : Высшая школа, 1983. – 184 с.
8. Oyunsky, P.A. Nurgun Botur the Swift : olonkho. – Kent : Renaissance Books, 2014. – 448 p.
9. Якутско-русский онлайн словарь: <http://sakhatyla.ru/> (дата обращения: 15.08.2016).

САХА-РУССКИЙ КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

В.В. Мигалкин, К.Р. Малышев

ООО «Многомерные технологии», г. Якутск

vmigalkin1952@mail.ru, mal_kos@list.ru

Аннотация. В работе обоснована несостоятельность дословного перевода с якутского языка на русский язык. В якутском языке широко используется кодирование понятия, с точки зрения русского языка, двумя словами («сүрүбэ суох = лентяй», «атырдьах ыйа = август», «тыаттан сылдьабын = я из района» и т.д.). Для смыслового перевода основная база данных якутского языка должна иметь в одной строке эти слова и номера правил их разложения. Саха-русский компьютерный переводчик обязан иметь базу данных русского языка в полном разложении, т.к. русский язык имеет огромное количество слов, не поддающихся общим правилам склонения. Например: барахло, безволие, вата и т.д. имеют только единственное число, алименты, весы, галоши и т.д. только множественное число, слова ателье, фойе и т.д. не склоняются, глагол идти в прошедшем времени шел никак не похож на первоначальное слово. Разработка базы данных русского языка в полном разложении, на наш взгляд, увеличивает ценность выполненной работы.

Ключевые слова: перевод, якутский язык, русский язык, правила, программа, база данных, разработка, смысловой перевод, машинные правила, таблицы.

SAKHA-RUSSIAN MACHINE TRANSLATOR

Abstract. This article shows the inconsistency of word-by-word translation from Yakut to Russian. Some Russian single-word units are decoded into the Yakut language as two word units (e.g.: syureghe syokh = lent'yai (lit. Rus. 'a lazy person'); atyrdzhyakh yia (Rus. 'august'); tyattan syldzhyabyn (lit. Rus. I am from a region (of Yakutia) etc.). In order to complete a semantic translation of the majority of the Yakut language database units should contain these

words and the number of the rule assigned to each word unit in one line. The Yakut language has the following features: the lack of the infinitive form category; the existence of the category of modality and person and singular/plural form with the help of affixes; and the personal and possessive case of the nouns. In this respect, the Sakha-Russian machine translator must have a full access to the Russian language database since it contains a large number of words which do not follow the general rules of declension. For instance, the Russian 'barakhlo' (useless things), 'bezvoliyе' (lack of will), 'vata' (cotton), etc. only have the singular form category, whereas the words 'alimenty' (alimony payment), 'vesy' (scales), 'galoshy' (croc shoes) only have the plural form category; the words 'atel'ye (tailor's), 'foye' (lobby), etc. do not have any form of sing./pl. form declension. The verb 'to go' and its corresponding Past tense form do not coincide in their form. In our opinion the creation of a full range Russian language database will make a greater contribution to the project.

Keywords: translation, Yakut language, Russian language, rules, program, database, development, semantic translation, machine translation rules, tables.

В современном мире, в век катастрофической нехватки времени, особую роль играет передача информации в сжатом виде с максимальной достоверностью. Веками сложившиеся способы выражения мысли в виде синтеза отдельных слов (синтаксис) у каждого народа производятся по-своему, в соответствии с языковой группой того или иного народа (тюркоязычные, славянские, романские и т.д.). Для простого предложения мысль состоит из указания цели и действия. Казалось бы, в этой простоте нет ничего удивительного, но тут начинаются сложности в падежах объекта внимания якутского языка. Рассмотрим основной падеж (без аффикса): «*остуол атаба*» = «*стола ножка*» = «*ножка стола*» или «*аан туттаба*» = «*двери ручка*» = «*ручка двери*» = «*дверная ручка*». Таким образом, описание объекта внимания на якутском языке отличается от русского. В якутском языке имена существительные хотя имеют единственное и множественное число, но единственное число, как иногда и в русском языке, может обозначать совокупность вещей, предметов. «*Быйыл от үүнүүтэ мэлтэх*» = «*в этом году трава плохо выросла*»

или «*баттаҕа ыраас*» = «у него (неё) волосы чистые», слово «*баттах*» = *волос*», как и парные части тела «*глаза, ноги, уши и т.д.*», в разговоре используются в единственном числе. Якутские падежи имеют очень широкие синтаксические функции, что не позволяет дословный перевод на русский язык в соответствующем падеже русского языка. Для примера рассмотрим якутский частный падеж: «*остуолга уур*» = «*положи на стол*», «*остуолга сытар*» = «*лежит на столе*», «*остуолга чугаһаа*» = «*подойди к столу*», «*остуолга тиий*» = «*дойди до стола*». Хотя в официальной грамматике якутского языка отсутствует вопросительная форма падежа, но она есть: «*ким дьэстэй?*» = «*чей дом?*». В якутском языке, как и в других языках, существуют слова, не подчиняющиеся склонению по общим правилам; «*кыыс*»-«*кыргыттар*», «*тойон*»-«*тойоттор*» и т.д. Вопрос «*ким?*» = «*кто?*» соответствует исключительно человеку. Личные местоимения «*мин*», «*эн*», «*кини*» и т.д. если за ними идет глагол, то переводятся как «*я*», «*ты*», «*он*» и т.д., а если существительное – то «*мой*», «*твой*», «*его (её)*» и т.д.

Имена существительные имеют два типа склонения: безличное и лично-притяжательное, с учетом восьми падежей всего получается 116 аффиксов. Пример перевода слова дьээ = дом.

Code	PerfectTranslate	Case	Word1	Extension1
1	его (ее) дом	Im	дьээтэ	тэ
2	что за дом?	Im	дьээтэй	тэй
3	к моему дому	Dt	дьээбэр	бэр
4	я свой дом	Im	дьээбин	бин
5	подобно моему дому	Dt	дьээбинэ	бинэ
6	по сравнению с моим домом	Tv	дьээбинээбэр	бинээбэр
7	я своим домом	Tv	дьээбинэн	бинэн
8	я вместе со своим домом	Tv	дьээбиниин	биниин
9	наш дом	Im	дьээбит	бит

10	я от (со) своего дома	Rd	дьиэбиттэн	биттэн
11	мы к своему дому	Dt	дьиэбитигэр	битигэр
12	мы наш (свой) дом	Im	дьиэбитин	битин
13	подобно нашему дому	Dt	дьиэбитинэ	битинэ
14	по сравнению с нашим домом	Tv	дьиэбитинээбэр	битинээбэр
15	мы нашим (своим) домом	Tv	дьиэбитинэн	битинэн
16	мы вместе со своим домом	Tv	дьиэбитиниин	битиниин
17	мы от своего дома	Rd	дьиэбититтэн	бититтэн
18	в дом	Im	дьиэбэ	бэ
19	ты к своему дому	Dt	дьиэбэр	бэр
20	ты свой дом	Im	дьиэбин	бин
21	подобно твоему дому	Dt	дьиэбинэ	бинэ
22	по сравнению с твоим домом	Tv	дьиэбинээбэр	бинээбэр
23	ты своим домом	Tv	дьиэбинэн	бинэн
24	ты вместе со своим домом	Tv	дьиэбиниин	биниин

Особое внимание нужно обратить на то, что значение слова перевода на русском языке находится в конце выражения при всех 116 аффиксах, что облегчает синтезирование перевода в простом предложении. Именно прилагательные используются в форме основного падежа. Падежные формы прилагательных используются в двух формах, когда прилагательные употребляются в заместительной функции при отсутствии определяемого и когда прилагательное – сказуемое зависимого предложения.

В якутском языке в глаголах нет инфинитива (неопределенной функции), обязательно указывается с помощью аффиксов, кто производит действие, модальность, количество, а также положительность (отрицательность) исхода действия.

В словарях якутского языка глаголы приводятся в повелительной форме второго лица в положительной форме, «уур» – «*класть, положить, ставить*», то есть надо понимать «уур» как «*ты клади, положи, ставь*».

Пример склонения якутского глагола «бар – идти, уйти, пойти»:

барыахтаахпын = я обязательно должен уйти

барыабым = я должен уйти

барыам = я пойду

барааччыбын = обычно я ухожу (не остаюсь)

барыах = давай уйдем вместе

барыым = давай-ка я пойду

барыыһыбын = видимо, я пойду (уйду)

барыыһыкпын = видимо, я точно пойду (уйду)

барар инибин = скорее всего (мне хочется), я пойду

барар үһүбүн = мне велят уйти

барбыт үһүбүн = говорят, я ушел (уходил)

барбыттаахпын = как-то я уходил

барбат инибин = скорее всего, я не пойду (мне не хочется)

барбат үһүбүн = велят мне не уходить (оставаться)

барбатах үһүбүн = говорят, я не уходил

барымааччыбын = обычно я не ухожу (остаюсь)

барымыах = давай вместе останемся (не пойдем)

барымыыһыбын = видимо, я не пойду (не уйду)

барымыыһыкпын = видимо, я точно не пойду (не уйду)

барбаппын = я не пойду

барымыым = давай-ка я не пойду

барымыахтаахпын = я обязательно должен не уходить

барбатахтаахпын = как-то я не уходил.

Как и в русском языке, якутские глаголы делятся на глаголы-действия и глаголы-образные (подражательные). Надо отметить, что якутский язык как объектно ориентированный язык запрещает наличие приставок перед объектом (глаголом) (Москвалаа = ты поезжай в Москву). Если в русском языке побудительная форма глагола применима не во всех существительных (прилагательных), то в якутском – во всех. Например, в русском языке «*пила – пилить*», «*нож – нет побудительной формы*»,

в якутском – «эрбиһи = пила» – «эрбээ = ты пили, «быһах = нож» – «быһахтаа = ты пырни ножом». Если побудительная форма глагола образована от названия диких зверей, птиц, то перевод означает охоту на указанных зверей, птиц, а если домашних животных и птиц, то перевод обозначает необходимость обеспечения указанными зверями, птицами. Само собой, если глагол образован от названия местности, города и т.д., то перевод соответствует поездке в указанную местность (*куораттаа = поезжай в город*).

Основными формами изменения глаголов являются причастия, деепричастия и собственно глагольные формы. Причастные формы делятся на первичные и вторичные. К первичным относятся причастия на аффиксах (*-ар, -ыыр, -быт, -батах, -ых, -ымыах*), выражающие основные времена изъявительного наклонения. К числу вторичных относятся причастия на аффиксы (*-ааччы, -а илик, -ыа суох, -ыхтаах*). Деепричастия выражают действие, соотношенное с другим во времени или в других отношениях. Деепричастия на аффиксы (*-а, -ыы, -бат, -бакка*) выражают действие, сопутствующее главному – аһыы = *кушая, аһаабакка = не кушая*. Деепричастие на аффикс *-ан (мына)* выражает действие, предшествующее главному *аһаан = поев*.

Пример приказа по склонению в базе данных:

Code	RootM1	RootP1	Root M2	Root P2	Form1	Form2	Forbid	FPrediction
33	бөөччөт	бөөч-чөпп			гла			
34	бөөччөх	бөөччөһ			жен			
35	бөөч-чөхтөө	бөөч-чөхт			гла			
39	бөөч-чөччү		баай		нар	гла		тщательно

Продолжение таблицы по строке:

FTranslateST	FTanslatePT	TranslateST	TranslatePT	LPrediction
заставлять	заставить			собрать в кучу (в одно место)

куча				
собирать	собрать			в кучу (в одно место)
		завязывать	завязать	особым узлом

Продолжение таблицы по строке:

Rule1	Rule2	ExtRule1	ExtRule2	MainTrans
6		109000		заставь собрать в кучу (в одно место)
6		112		куча
6		101000		собирай в кучу (в одно место)
5	1	100	102000	тщательно завязывай особым узлом

Как видно из таблицы, глаголы в русском языке введены в двух формах – совершенной и несовершенной. Далее по нижеприведенной таблице (выписка из якутских аффиксов) глаголов определяются время, местоимение и количество. Если используется служебный глагол «*тур, бар, биэр, ис, буол и т.д.*» или служебные слова «*уни, үһү, эбит, илик и т.д.*», спереди или в конце (FPrediction, LPrediction) переведенного выражения добавляются уточняющие слова.

Code	Translate4	Rule4	Rule5	SA_Ext101	SA_Ext201
1	видимо, мне придется	делать			ыыһыбын
2	скорей всего, мне придется	сделать			ыыһыкпын
3	скорей всего, нам придется	сделать			ыыһыкпыт
4	я	сделаю			ыыбын
5	мы	делаем			ыыбыт
6	(давай) я	сделаю			ыым
7	я	делать			ыырбын
8	как я	делаю			ыырбына

9	по сравнению как я	делаю			бырбынаабаар
10	мы	сделаем			бырбыт

Ниже приведена выписка из таблицы полного разложения глаголов русского языка:

Code	Delat	Delal	Delala	Delalo	Delali
65	делать	делал	делала	делало	делали
66	делеги-ровать	делеги-ровал	делеги-ровала	делеги-ровало	делеги-ровали
67	деликат-ничать	деликат-ничал	деликат-ничала	деликат-ничало	деликат-ничали
68	делить	делил	делила	делило	делили
69	делока-лизовать	делока-лизовал	делокали-зовала	делокали-зовало	делокали-зовали

Delayu	Delaesh	Delaet	Delaem	Delaete
делаю	делаешь	делает	делаем	делаете
делегирую	делегируешь	делегирует	делегируем	делегируете
деликат-ничаю	деликат-ничаешь	деликат-ничаёт	деликат-ничаем	деликат-ничаёте
делю	делишь	делит	делим	делите
делокализуо	делокализуешь	делокализуёт	делокализуем	делокализуёте

Delayut	Delay	Delayte	Delaya	Delav
делают	делай	делайте	делая	делав
делегируют	делегируй	делегируйте	делегируя	делегировав
деликат-ничают	деликатничай	деликатничайте	деликатничая	деликатничав
делят	дели	делите	деля	делив
делокализуют	делокализуй	делокализуйте	делокализуя	делокализовав

Даже простые выражения «тарбаҕын өлөрбүт» = «палец поранил», «үлэлээн-хамсаан биэр» = «усиленно работай», «илиигин баттаа = подпишись» и т.д. требуют смысловых приказов к компьютеру, заложенных в главной базе данных программы.

Компьютерная программа по переводу якутского языка на русский язык требует длительного времени на создание, отладку, проверку, многократный поиск удачного алгоритма смыслового перевода и, само собой, финансовую поддержку разработчиков.

ВОПРОСЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Е.В. Наумова

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
elv_naumova@mail.ru*

***Аннотация.** Тема данного исследования является продолжением исследования вопросов многозначности/двузначности семантических единиц в разных жанрах и особенностей перевода таких единиц. Ранее исследовались особенности перевода многозначных единиц в общественно-политических текстах. Проблема семантической, лексической и структурной многозначности является существенной в вопросах перевода, так как переводчик должен выбирать те или иные подходящие для каждого конкретного случая приемы и способы перевода или декодирования информации с ИЯ на ПЯ. Применительно к русско-английскому переводу наибольшую трудность представляет перевод единиц на лексическом и грамматическом уровнях, которые и придают смысловую нагрузку тексту ПЯ. В данном исследовании рассматриваются некоторые проблемы перевода лексических единиц в жанре русских народных сказок.*

***Ключевые слова:** двузначность, реалии, перевод, семантика, культура, эквивалентность.*

LEXICAL AMBIGUITY IN RUSSIAN FAIRY TALES TRANSLATION

***Abstract.** The proposed topic serves as a follow-up discussion to the problem of semantic and structural ambiguity in different genres (previous studies focused on social and political text headlines). The problem of semantic and structural ambiguity is critical with regard to the translation techniques and tools the translator uses to decode the information from source language (SL) to target language (TL). When dealing with Russian-English translation,*

the most frequent problems that may occur are on the lexical and grammatical level, which further affects the semantic value of the TL text. These translation difficulties apply to almost all genres. In this article we will look at some of the difficulties in translating lexical units in Russian fairy tale texts.

Keywords: *ambiguity, realia, translation, semantics, culture, equivalence.*

Исследования по вопросам многозначности уже проводились рядом российских ученых (В.И. Зуева, 1952, А.А. Зализняк, 2010, А.И. Ольховская, 2013), однако эти исследования касались вопросов многозначности вообще и проблем лексической многозначности, в частности, применительно к русскому языку и без обращения к переводческой проблематике. Более того, в настоящее время нет работ, содержащих подробное комплексное описание особенностей перевода русскоязычных фольклорных текстов.

В данной статье предпринимается попытка дать систематический обзор случаев лексической многозначности при русско-английском переводе русских народных сказок, а также предложить способы обнаружения и решения проблемы передачи семантически многозначных структур на язык перевода (далее ПЯ). Многозначность тех или иных семантических единиц вызывает трудности при попытке максимально приблизить содержание текста ИЯ к тексту ПЯ, т.е. сделать тексты ИЯ и ПЯ семантически (и структурно) эквивалентными, что и является основной целью перевода.

Существует множество теорий касательно эквивалентности перевода как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, предложенные такими учеными, как Ю. Найда (1964), Дж. Кэтфорд (1965), М. Хэллидей (1966), П. Ньюмарк (1981), В. Комиссаров (1990), Л. Бархударов (2008) и др. Эквивалентность в переводе понимается как семантическая близость текста оригинала по отношению к тексту перевода. Сам по себе этот термин имеет широкое значение и не охватывает все случаи и трудности, с которыми сталкивается переводчик в своей профессиональной деятельности. Все это послужило толчком для возникновения теорий, предлагаемых рядом ученых, где некоторые из них рассматривали понятие *эквивалентность* в ее чистом виде. Другие, напротив, пытались выделить уровни этой эквивалентности. В частности, В.Н. Комиссаров [5] выделял пять уровней эквивалентности. Эти пять

уровней эквивалентности соотносятся с языковыми уровнями ИЯ и ПЯ. Первый уровень эквивалентности понимается как «уровень цели коммуникации», на котором переводчик передает основную или главную идею содержания текста, не обращая особого внимания на его лексико-грамматические особенности. Второй уровень В.Н. Комиссаров обозначает как «уровень описания». Третий - «уровень высказывания». На этом уровне эквивалентности языковые единицы ИЯ не соответствуют языковым единицам ПЯ, ни на лексическом, ни на синтаксическом уровнях. Отсутствует прямое соответствие на синтаксическом уровне между текстами ИЯ и ПЯ. Четвертый уровень эквивалентности - «уровень сообщения», который представляет собой почти полное воспроизведение синтаксической структуры, а также практически полное семантическое соответствие лексических единиц ИЯ и ПЯ. Пятый уровень эквивалентности - «уровень языковых единиц», на котором достигается полное соответствие между текстами ИЯ и ПЯ на синтаксическом и лексическом уровнях.

М. Хэллидей [5] отмечает, что между ИЯ и ПЯ невозможно полное соответствие, поскольку лексические и синтаксические компоненты ИЯ не всегда могут выполнять те же функции, что и в ПЯ.

Учитывая, что наше исследование направлено на изучение проблемы лексической многозначности, приведем несколько важных положений и теорий касательно данного вопроса.

В своей работе «Другими словами» М. Бейкер [1] рассматривает понятие эквивалентности на уровне слова. Она отмечает, что случаи полного совпадения между значением слов в ИЯ и ПЯ встречаются крайне редко, поскольку понятие, представленное в одном языке как одна лексическая единица, может быть представлена в виде двух или более лексических единиц в другом языке (англ. *tennis player* → рус. теннисист). В связи с этим Бейкер следует модели, предложенной Крузом (1986), и выделяет четыре основных типа лексического значения, а именно: препозиционное значение, экспрессивное значение, предполагаемое значение и эмоциональное значение. Слова, выражающие экспрессивное значение, не могут рассматриваться как правильно или неправильно переведенные, так как в подобных случаях они выражают субъективную оценку, личные переживания и чувства говорящего. Отсюда следует, что лексические единицы могут иметь одно препозиционное значение, но

несколько эмоциональных значений в рамках одного языка. То же самое можно сказать и о лексических единицах двух разных языков.

По мнению М. Бейкер [1], понятие предполагаемое значение тесно связано с понятием ограничения, а именно: ограничения по лексической сочетаемости и выборочные ограничения. Необходимо неукоснительно следовать выборочным ограничениям, они часто представляют собой устойчивые сочетания. К примеру, такое устойчивое сочетание в английском языке, как *triangular shape*, допустимо, в то время как сочетание *triangular person* не является допустимым, поскольку по правилам лексической сочетаемости в английском языке слово *triangular* нельзя использовать с одушевленными предметами. Ограничение по лексической сочетаемости (коннотативные ограничения), напротив, не следует никакому логическому правилу сочетаемости слов, поскольку такие сочетания не возникают напрямую из препозиционного значения слова.

Регистр является еще одним фактором, влияющим на лексическое значение слова. Отличия и особенности регистров определяются речевым полем, тоном и моделью дискурса. Под речевым полем здесь понимается «то, что происходит в определенной ситуации»; под тоном понимается «отношение между участниками процесса общения»; под моделью подразумевается «роль языка в определенной ситуации» [1].

Бейкер также связывает проблему лексической безэквивалентности с понятием *семантическое поле*. Семантические поля состоят из групп слов, образующих одну семантическую категорию. Зная эти семантические категории и выстраивая семантические цепочки слов внутри этих полей, переводчику легче обнаружить наибольшее количество лексических соответствий между ИЯ и ПЯ. В некоторых случаях у единиц ИЯ может быть небольшое количество соответствий в ПЯ, и эта тенденция четко прослеживается в процессе обратного перевода. Однако Бейкер отмечает существование слов, которые невозможно отнести к какой-либо одной семантической группе, в силу того, что они используются в определенном контексте или что понятие существует в ИЯ, но не существует или не имеет полного соответствия в ПЯ.

В связи с этим М. Бейкер [1] предлагает применять следующие стратегии в случаях возникновения безэквивалентной лексики: а) перевод с помощью слова с более широким значением (суперординат); б) перевод с помощью более нейтрального/менее экспрессивного слова; в) перевод

с помощью культурного аналога; г) перевод с использованием заимствования или сочетания заимствования с переводческим комментарием к нему; д) перевод с помощью перифразы с использованием слова с более близким значением; е) перевод с помощью перифразы с использованием слова с менее близким значением; ж) перевод с помощью опущения; з) описательный перевод. Все эти переводческие приемы используются во многих жанрах, но в особенности в переводе фольклора.

Фольклорные тексты отражают культурные традиции людей, которыми были созданы эти тексты. Кабакчи [4] в своей работе говорит о существовании тесной связи лексических единиц по отношению к культуре, которую они выражают. В связи с этим лексические единицы, которые используются для перевода на ПЯ, должны пройти не просто процесс лексической адаптации, но и культурной адаптации в том числе. Выбор лексической единицы в ПЯ должен соотноситься с особенностями многоязычного мира или с культурными особенностями конкретного ПЯ.

Таким образом, трудность перевода лексических единиц заключается в проблеме адаптации одной культурной реалии в ПЯ. В такой ситуации у переводчика есть два выбора: а) ослабить культурный оттенок лексической единицы ИЯ и передать ее единицей, понятной для получателя текста ПЯ, или б) сохранить культурный оттенок лексической единицы ИЯ и в той или иной мере, если не полностью, сделать данную лексическую единицу непонятной для получателя текста ПЯ.

Кабакчи [4] также подразделяет культурные лексические единицы на идиокультурные, которые представлены ксенонимами. Некоторыми примерами из русского языка могут послужить такие слова, как: *tsar*; *Cossack*. В целом русскоязычные ксенонимы, представленные в английском языке, делятся на следующие тематические подгруппы: а) география: *oblast*, *the Urals*; б) история: *Stalingrad*, *the Battle of the Ice*; в) политика: *Bolshevik*, *Duma*, *perestroika*; г) наука и образование: *Candidate of Science*; д) религия: *Old Believer*; е) литература и искусство: *Bolshoi Theatre*; ж) народные традиции и быт: *samovar*, *izba*.

Такие лексические единицы, которые перечислены в последнем пункте выше, часто встречаются в русских народных фольклорных текстах (*баба-яга*, *скатерть-самобранка*, *жар-птица* и др.).

Кабакчи [4] предлагает следующую классификацию ксенонимов:

а) заимствования: Рус. → Англ. *balalaika*, *borshch* и др.

б) кальки: Рус. → Англ. *Decembrist, Old Believer* и др.

в) лексические гибриды (полукальки): *Bolshoi Theatre* и др.

Далее мы рассмотрим вышеперечисленные особенности на примере русской народной сказки «Морозко». Сравнительно-сопоставительный лингвистический анализ лексических единиц был осуществлен с помощью сравнения двух вариантов англоязычного перевода с текстом оригинала. Первый вариант перевода (Т1) был выполнен советской переводчицей Ириной Железновой в 1966 г. Второй вариант перевода (Т2) был выполнен Робертом Нисбетом Бейном в 1915 г.

Общим для Т1 и Т2 является попытка переводчиков достичь и применить то, что М. Бейкер называет культурной заменой. Эта особенность отчетливо видна в самом начале текста, а именно в переводе заглавия сказки, названной именем одного из героев, вокруг которого и построен общий ход повествования (пример 1):

ИЯ	Т1 (И. Железнова)	Т2 (Р. Бейн)
Морозко	Father Frost	Morozko + переводческий комментарий

(1)

И. Железнова (1966) заменила лексическую единицу ИЯ самым близким по значению культурным эквивалентом в ПЯ. Выбор такого близкого эквивалента (*Jack Frost*) обусловлен существованием в англоязычной культуре фольклорного персонажа, олицетворяющего ту же стихию, что и Морозко в тексте ИЯ. Между тем, Бейн (1915) оставляет данную лексическую единицу, передавая ее с помощью транслитерации и переводческого комментария. Тем самым Бейн применил то, что, по классификации Кабакчи, называется ксенонимом с точки зрения культурной адаптации, добавив переводческий комментарий в виде сноски в конце страницы, пояснив, что Морозко является русскоязычным аналогом Джека Фроста.

Схожие случаи такого переводческого преобразования представлены в примере 2:

ИЯ	Т1 (И. Железнова)	Т2 (Р. Бейн)
(а) красная	Pretty one	Beauty

(b) баюшка	Good Father (Frost)	Father Morozko, little father
(c) голубчик	Sweet one	Darling little pigeon mine
(d) старый хрыч	Old croaker	Husband, old man
(e) лапушка	Sweet one	Sweet clover
(f) пирог	Pie	Cake

(2)

Пример 2а иллюстрирует то, что М. Бейкер называет переводом с помощью перифразы с использованием слова с менее близким значением. Лексическая единица *красная* имеет следующее глубинное, переносное значение - *красивая*. Дословно оно является цветообозначением. В русскоязычной культуре красный цвет ассоциируется с такими понятиями, как *краса*, *красивая*, *красавица*. Если перевести данную лексическую единицу дословно, прямым англоязычным эквивалентом *red*, это придаст слову негативную коннотацию в английском языке, так как красный цвет в англоязычной культуре часто ассоциируется с отрицательными понятиями. Таким образом, для того, чтобы избежать лексической и, как следствие, семантической многозначности, переводчики подобрали семантически и культурно наиболее близкий эквивалент. На первый взгляд, лексические единицы в примере 2b также кажутся многозначными, поскольку в англоязычной культурной традиции, слово *отец*, как правило, используется по отношению к кровному члену семьи. Однако в контексте фольклора данное слово может приобретать переносное значение, учитывая, что и в русской, и в английской культурах существуют понятия *Father Christmas* и *Дедушка Мороз* (которое традиционно переводится на английский язык как *Father Frost*, т.е. *дедушка* становится *баюшкой*). Примеры, представленные в 2с-е, иллюстрируют типичное для русскоязычной культуры использование уменьшительно-ласкательных форм существительных. Основная трудность при переводе подобных лексических единиц заключается в подборе семантических соответствий, к которым в силу межъязыковых различий в структуре необходимо применить более сложные переводческие преобразования. Пример второго варианта перевода (Т2) этих единиц свидетельствует о том, что Р. Бейн не только нашел эквивалент русскоязычной уменьшительно-ласкательной формы, но и отразил в переводе семантический

компонент голубь (англ. дословно - *pigeon*), в результате чего получился абсолютно адекватный, понятный для англоязычного получателя вариант перевода как с точки зрения семантики, так и с точки зрения грамматической структуры всей фразы. Этот же пример, но уже представленный первым вариантом перевода (Т1), звучит в некоторой степени неоднозначной с точки зрения семантики, так как данное понятие не всегда используется для обращения к ребенку. Чаще всего в англоязычной культуре данная единица используется для обращения к возлюбленному/возлюбленной. Однако данное понятие все же отражает эмоциональное значение, которое подразумевалось под исходной единицей. В примере 2с представлен случай нейтрализации эмоционального лексического значения. Вариант перевода (Т1) является наиболее близким по отношению к единице ИЯ, однако звучит он несколько вульгарно для детской сказки, в то же время отражая голосовые качества пожилого человека. В данном случае важнейшая задача - с помощью лексических средств передать, что речь идет о пожилом человеке. Помимо значения с пренебрежительной коннотацией по отношению к *пожилому человеку*, слово *croaker* в английском языке также используется для обозначения *надоедливой птицы*, что, безусловно, явилось бы случаем многозначности, если бы не было макроконтекста, благодаря которому раскрывается контекстуальное значение данного слова. Пример 2f иллюстрирует разные варианты перевода общего для русскоязычной культуры понятия *пирог*. В целом *пирог* – это выпечка, как правило, округлой формы, наполненная сладкой/несладкой начинкой. В то время как англоязычное понятие *cake* обозначает разновидность выпечки, как правило, содержащей сладкую начинку. В анализируемой сказке кусочек *пирога* был брошен собаке. Исходя из такой макроконтекстуальной детали мы можем сделать вывод о том, что выпечка скорее всего была несладкой. Однако в тексте об этом ничего не сказано. Таким образом, вариант перевода Т1 является наиболее подходящим и более однозначным, поскольку понятие *pie* в английском языке используется для обозначения как сладкой, так и несладкой выпечки округлой формы.

Другие примеры культурной замены при переводе представлены в следующей таблице (пример 3):

ИЯ	T1 (И. Железнова)	T2 (Р. Бейн)
(a) очутился	In a twinkling	And look
(b) руки врозь	Hands dropped	Threw up her arms
(c) сгинь	A plague on you	Be off with you!
(d) пропади	I hope the earth swallows you	

Эти культурные замены были подобраны для сохранения прагматики текста, т.е. сделать так, чтобы сказка оставалась детской. Применение более экспрессивной и негативной лексики отдаляет текст от ориентации на юного читателя. Выбор таких эквивалентов также обусловлен культурной репрезентацией конкретных явлений в сознании читателя (получателя текста). Пример 3а иллюстрирует, что оба варианта перевода отражают семантическую нагрузку исходной лексической единицы. Более того, второй вариант перевода (Т2) сохраняет исходную часть речи (глагол), к которой относится лексическая единица. Такое переводческое решение позволяет привлечь внимание юного читателя к повествованию и развитию сюжета, помимо простой передачи семантической структуры текста в целом. Однако в случае отсутствия макроконтекста читателю было бы трудно понять, на что было акцентировано внимание. Такая особенность делает данную единицу зависимой от контекста и в результате, в некотором отношении, двусмысленной. С другой стороны, вариант перевода Т1 также отражает мгновенность, сиюминутность совершения действия, но в отличие от варианта перевода Т2 вариант Т1 придает в том числе и особую характеристику духу зимы - Морозко. Этот персонаж управляет зимней стихией во всех ее проявлениях, тем самым, по мере своего движения в пространстве, он сверкает (досл. англ. *twinkles*) в виде снежных кристалликов. Это более точное и однозначное представление о герое, заложенное текстом ИЯ. С точки зрения стилистики, такое переводческое решение помогает дополнить жанровое своеобразие этой *волшебной сказки*.

Примеры 3б-е показывают количественную безэквивалентность компонентов ИЯ и ПЯ. Они представляют собой семантические эквиваленты, которые придают особое эмоциональное значение единицам ИЯ. Многозначность лексической единицы в ИЯ устраняется разными способами в рассматриваемых вариантах перевода. Первый вариант пе-

ревода не отражает истинного значения, лежащего в основе текста ИЯ. В англоязычной традиции выражение *to drop one's hands* означает быть в отчаянии. Однако в данной сказке старуха вовсе не находилась в отчаянии - она недоумевала, что четко было отражено во втором варианте перевода.

Примеры 3с-d иллюстрируют, что русские глаголы, выражающие всякого рода недоброжелательные выражения, были переданы дословно, с сохранением всех минимальных значимых компонентов в первом варианте перевода, а во втором варианте перевода эти же выражения переданы нейтрально. То есть произошла нейтрализация исходного значения, на которую указывала М. Бейкер [1]. Поскольку подобные сказки и анализируемая сказка в частности ориентированы на юного читателя, первый вариант перевода является излишне эмоционально окрашенным и прямолинейным, в то время как второй вариант перевода отражает заложенное в данной лексической единице значение: родная дочка старухи просто хотела, чтобы Морозко ушел, оставил ее в покое. Оба варианта перевода отражают недоброжелательный тон девочки, за счет чего была передана характеристика этого отрицательного персонажа. Таковы основные особенности перевода и проявления лексической многозначности в рассматриваемой сказке.

В заключение отметим, что проблема лексической многозначности должна рассматриваться с лингвистической точки зрения, а также с точки зрения лингвокультурологии. Краткий теоретический обзор показал, что применяемая терминология и понятия, представленные в теории перевода, лексикологии и межкультурной коммуникации, также тесно связаны друг с другом в процессе перевода, т.е., когда мы переводим, мы имеем дело не только с лингвистическим материалом, но и с продуктом национальной культуры.

Литература

1. Baker, Mona. A Coursebook on Translation. Taylor & Francis Group. – New York, 2001.
2. Бархударов, Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – Москва, 2008.
3. Halliday M.A.K. Patterns of Language. – London, 1966.

4. Кабакчи, В. Введение в интерлингвокультурологию / В. Кабакчи, Е. Белоглазова. – Санкт-Петербург : Высшая школа, 2012. – 252 с.

5. Комиссаров, В. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.

6. R. Steele and T. Threadgold (eds) Language Topics: Essays in Honour of Michael.

7. Halliday, Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins. A Textbook of Translation. – London: Prentice Hall, 1988.

**СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЛАКУН-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ ЯКУТСКОГО ЭПОСА ОЛОНХО
«НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» П.А. ОЙУНСКОГО**

А.А. Находкина

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
aan-2010@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие лакуны как объекта переводческого процесса. Автор статьи предлагает способы «элиминации лакун» (термин Быковой Г.В.) в переводе на английский язык на материале якутской устной эпической традиции. Благодаря частеречному принципу лакуны в исследуемом материале классифицированы на две группы: глаголы и существительные. Лакуны дополнительно подделены на 5 тематических подгрупп. В статье дан анализ перевода лакун, представленных именами существительными.*

***Ключевые слова:** лакуна, имя существительное, перевод, трансформация, эпос, якутский язык, английский язык.*

**THE WAYS OF NOUN-GAPS TRANSLATION IN THE ENGLISH
TRANSLATION OF THE YAKUT EPIC OLONGHO “NURGUN
BOTUR THE SWIFT” BY P.A. OYUNSKY**

***Abstract.** The article examines lacuna – a lexical gap – as an object of translation process. The author suggests ways of “lacuna’s elimination” (G.V. Bykova’ term) in the English translation of the Yakut oral epic tradition. Due to the part-of-speech principle lacunas are classified into two groups – verbs and nouns. The noun-gaps are also subdivided into 5 thematic groups. The analysis of the nouns-gaps translation is presented in the article.*

***Keywords:** lacuna, lexical gap, noun, translation, transformation, epic, Yakut, English.*

В последнее время лакуны и связанное с ними понятие лакунарности активно исследуются российскими лингвистами. Типология лакун и способы их элиминирования разрабатываются многими современными учеными: Ю.А. Сорокиным, Е.М. Верещагиным, С.Г. Тер-Минасовой, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, В.И. Жельвисом, И.Ю. Марковиной, Г.В. Быковой [1].

Язык якутского героического эпоса олонхо представляет особый интерес в плане изучения лакун ввиду значительного их объема в эпическом тексте. Анализ синтаксических особенностей лакун по частеречному принципу позволяет отметить наличие двух частей речи в их составе: около 63,6 % глаголов (например, чолой, уйадыый, арылый, туналый, уруулас, ороһулаа, сэгэт, хабырын и т.д.) и около 36,4 % существительных (например, байаа, уолук, балыс, убай, хонук, уолба, иэдьэгэй, бургунас, далбар и т.д.). В своем исследовании мы сделали попытку разделить их на лексико-тематические подгруппы.

Лакуны-существительные, выявленные в тексте олонхо, можно условно разделить на пять подгрупп. Первая подгруппа существительных включает в себя лакуны, связанные с занятием якутского народа – скотоводством. Конечно, в английском языке данные понятия тоже существуют, но по объективным причинам не находят выражения в виде одной лексической единицы. Как видно из таблицы, лакуны-существительные содержат помимо общего семантического компонента такие дифференциальные и дополнительные компоненты, как «трехгодовалый», «четырёхгодовалый», «свежий» и т.д. Наличие существительных из данной подгруппы в тексте олонхо, по нашему мнению, объясняется тем, что в олонхо находит отражение и повседневная жизнь, быт народа. Жизнь людей описывается своеобразно: путем описания «жизни и деятельности» предметов быта, рабочего скота и пр. Вторая подгруппа подразумевает классификацию социальных и родственных отношений, существующих в обществе. Например, дети – родители, старший – младший, люди, принадлежащие к высшим слоям общества, – люди низкого сословия, родственники со стороны отца – родственники со стороны матери. Третья подгруппа – это лакуны, связанные с природой, средой обитания и бытом народа саха. Четвертая подгруппа – это существительные, обозначающие части тела.

Лакуны-существительные третьей подгруппы в основном передаются при помощи описательного перевода. Например, значение слова харалдьык – проталина передается словосочетанием *thaw holes*:

Харалдьыктан көппүт Хара улар курдук [5. С. 99]	Like a wood grouse That flies away from a <i>thaw hole</i>
--	---

Таким же образом переводятся и другие слова: кэнсик («привкус», «гарь») – *taste of burning*, кэнгэрдуу («запах», «гарь») – *smell of burning*, унаар («дымка», «легкая») – *thin mist*, далбар («прием», «радушный») – *a warm welcome* и т.д. На наш взгляд, такой перевод является оправданным, так как такие компактные и понятные словосочетания не только не перенасыщают текст, но в то же время передают специфический элемент культуры.

Гиперонимическим трансформациям подвергаются лакуны-существительные из четвертой подгруппы (части тела): байаа – нижний хрящевой уровень лопатки – *blade*, куонньай – предпоследний, т.е. второй шейный позвонок – *neck*, хоолдьук – первый шейный позвонок – *neck, throat*. Например:

Саннын байаатыгар дылы Сабырыяа үүнэн түспүт Куударалаах аһа Кулун кутуругун курдук Холоруктуу ытыллан Хоройо эрилиннэ... [5, С. 131]	His wavy hair, That flowed right Under his shoulder <i>blade</i> , Whirled like The tail of a foal And stood on end...
--	---

Данный пример является отрывком из описания внешности Нюргун Боотура. В англо-английском словаре дается следующее определение слова *blade* – one of the two flat bones at the top of your back, near your shoulders. Дополнительная сема «нижний уровень» якутской лакуны байаа передается при помощи предлога *under*.

Выбор слова для перевода зачастую зависит от контекста, рассмотрим это на примерах передачи лакуны хоолдьук:

Хайа саҕа үллүбүт Хааннаах айахтаах	He gripped by the <i>throat</i> The mountain-sized
--	---

Хотойун оѳотун Хоолдугуттан ылан Үс түүннээх-күнү мэлдьи Үлтү таһыйбыга...[5. С. 15]	Eaglet With bloody-mouth And slapped it For three days and three nights...
---	---

В данном примере трансформация объясняется контекстом, значение слова *throat* (the area at the back of your mouth and inside your neck; your neck, especially the front part) не вполне соответствует значению лакуны *хоолдук* (первый шейный позвонок (у человека и животного), но соответствует контексту также тем, что полное значение лакуны не играет здесь большой смысловозначительной роли).

В следующем примере приводится другой перевод той же лакуны другим словом *neck* (the part of the body that joins the head to the rest of the body; the flesh of an animal's neck when eaten as food; a long narrow part of something such as a bottle or a musical instrument), который также исходит из контекста:

Эргийдэхпинэ – Иэчэѳим эмтэрийдин! Хайыстахпына – Хаалдыгым хайыннын! [6. С. 24]	If I turn around – My joints will break, If I look back – My neck will wring!
---	--

Конкретизации из данной подгруппы подвергается лакуна илии, у которой сравнительно широкое значение – рука, кисть руки, палец (как мера), то есть в зависимости от разных факторов лакуна может переводиться и как *hand* (body part at end of arm; somebody working on farm/ship; help; clapping; set of cards you hold; advantages in situation; part of clock; unit of height of horses; handwriting), *arm* (one of the two long parts of your body with your hands at the end; the part of a chair; a long thin part of an object that sticks out from the main part; a part of an organization that deals with a particular subject or activity) или *finger* (your fingers are the long thin parts on the end of your hands; a long thin piece of something).

Выбор лексической единицы в ПЯ, как и при приеме генерализации, в основном зависит от контекста и от смысловозначительной роли лакуны в тексте. Например:

Сип-сибилигин Ситэ баттааммын Силбиктээх <i>илиибинэн</i> Сискит үөһүн Сиритэ харбыаҕым... [5. С. 99]	I'll catch you up Immediately, I'll pull out Your veins By my wet <i>hands</i> ...
---	--

В данном отрывке конкретизация объясняется ситуацией – Нюргун Боотур угрожает Бохсоголлою Боотуру, укравшему Айталын Куо, вырвать руками его вены.

Также слово *илии* употребляется в якутском языке как мера, в таком случае выбор перевода зависит тоже от контекста. Например:

Алын өттө Алта <i>илии</i> ардаҕырбыт үһү, Үрүт өттө Үс илии түүнүгүрбүт үһү... [5. С. 23]	His underside is covered By six- <i>fingers</i> thick rot, His upper side is covered By three- <i>fingers</i> thick mould...
---	---

При помощи описательного перевода передаются следующие слова из данной подгруппы: дьулай (темя, место соединения теменных костей) – the top of the head, кэтэх (затылок) – the back of the head и уолук (ямочка на шее над грудной костью) – neck between one's collar bones.

Приведем следующие примеры:

Утуяа сытар киһини Уу <i>дьулайын</i> үүтүн устун (...) Тэбэн ньиргиттэҕэ... [5. С. 98]	And began to kick so fiercely <i>The top</i> of the sleeping man's head...
---	---

Үс кырыылаах Үөрбэ барахсан Уот садаҕа моҕойу <i>Уолугун</i> үүтүн устун Уһулу көтөн эрдэбинэ... [5. С. 129]	When the three-sided Pointed stake Was about to pierce <i>The neck</i> of the fire-breathing Sadaga Mогоi <i>Right between his collar bones</i> ...
--	--

В приведенных отрывках применение описательного перевода лакун объясняется тем, что последние выполняют экспрессивную функцию,

поэтому играют очень важную роль при создании образа и всей картины действия в целом. А экспрессивный текст ориентирован на исходный язык, то есть на передачу значения всей лакуны в целом.

При помощи описательного перевода передаются и лакуны из пятой подгруппы (время и пространство). Например, в английском языке нет единицы, соответствующей якутскому хонук (ночлег, сутки), так что данное понятие приходится передавать на английском языке описательно: либо путём указания на количество часов, например, *twenty-four hours*, либо же, если подчёркивается непрерывность, круглосуточность действия, сочетанием *day and night*. Подобным образом передается и слово *күннүк* (день езды):

Көндөй көмүс уорук Күннүк сиртэн ыла Күлүмүрдээн көстүбүт... [5. С. 17]	The hollow golden dwelling Was shining From one-day-long distance...
---	--

В данном примере, помимо описательного перевода – *day-long distance*, также наблюдается прием добавления – *one-day-long distance*.

В ходе проведенного сопоставительного анализа текста олонхо П.А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» и его перевода на английский язык мы пришли к следующим выводам - элиминирование лакун исходного текста в подавляющем большинстве случаев может быть успешно реализовано при помощи ряда способов, позволяющих воспроизвести не только национально-культурные компоненты - описательный перевод (экспликация), приближенный перевод (аналог), гиперонимическая трансформация (генерализация), гипонимическая трансформация (конкретизация), замена одной части речи другим (субстантивация).

Отсутствие прямых эквивалентов определенным разрядам лексических единиц в словарном составе другого языка отнюдь не означает их «непереводимость» на этот язык. В распоряжении переводчика имеется, как было показано, не одно, а целый ряд средств, дающих возможность передать значение исходной словарной единицы в речи и в конкретном тексте.

Выбор способа перевода той или иной лакуны зависит от множества факторов: языковых, культурологических, психологических, контекста, роли и функции, которую выполняет лакуна в тексте, необходимости на-

ряду со значением (семантикой) лакуны передать и колорит (коннотацию) - ее национальную и историческую окраску и т.д.

Таким образом, теоретическое и экспериментальное изучение явления лакунарности, а также способов ее элиминирования может способствовать не только более глубокому исследованию лакун как одного из основных факторов, оказывающих влияние на понимание, перевод и воспроизведение якутского героического эпоса олонхо на английский язык, но и максимально возможному сохранению национального колорита, образности и эмоциональной окраски текста перевода.

Литература

1. Быкова, Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г. В. Быкова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – 276 с.
2. Большой англо-русский и русско-английский словарь. 200 000 слов и выражений / В.К. Мюллер. – Москва : Эксмо, 2009. – 1008 с.
3. Словарь якутского языка / Э.К. Пекарский. – Якутск, 1958. – Т. 1-3. – 1281 с. – 1226 с. – 1351 с.
4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. – Bloomsbury Publishing Plc. – 2002. – 1692 p.
5. Ойуунускай, П.А. Дьулуруйар Ньургун Боотур / П.А. Ойуунускай. – Якутскай : Саха сиринээби кинигэ издательствота, 1959. – 5 т. – 287 с.
6. Ойуунускай, П.А. Дьулуруйар Ньургун Боотур / П.А. Ойуунускай. – Якутскай : Саха сиринээби кинигэ издательствота, 1960. – 6 т. – 310 с.

**О ТРУДНОСТЯХ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ
В ПЕРЕВОДЕ ОТРЫВКА ОЛОНХО
А. СОЛОВЬЕВА «УОЛАН ДОХСУН» НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК**

Н.М. Попова,

курсы русского языка Общества «Япония – Страны Евразии»,

Л. Тадагава

Японская Ассоциация Коужин (Варган), г. Токио, Япония

Аннотация. *Статья посвящена трудностям и особенностям транслитерации при переводе на японский язык отрывка олонхо «Уолан Дохсун». Данный отрывок олонхо был исполнен А. Соловьевым на Токийском Летнем фестивале в 1997 г. В переводе выделены две группы транслитераций: этнокультурных реалий и оноματοпоэтических слов. Даются примеры, показывающие трудности транслитерации.*

Ключевые слова: *Афанасий Егорович Соловьев, олонхо, перевод, транслитерация, реалии, оноματοпоэтические слова.*

**TRANSLITERATION IN THE TRANSLATION OF A PART
OF THE OLONKHO “UOLAN DOKHSUN”, PERFORMED BY
A. SOLOVYEV, INTO JAPANESE**

Abstract. *The article is about the difficulties and peculiarities of transliteration during the translation into the Japanese language of a part of the olonkho “Uolan Dokhsun”. The part of the olonkho was performed by A. Solovyev at the Tokyo Summer Festival in 1997. There are two groups of transliterated words in the text: words expressing realia and onomatopoeia. There are given some examples illustrating the difficulties of transliteration.*

Keywords: *Afanasiy Egorovich Solovyev, olonkho, translation, transliteration, realia, onomatopoeia.*

Впервые якутское олонхо в традиционном исполнении было представлено в Японии в июле 1997 г. в рамках XIII Токийского Летнего фестиваля (Tokyo Summer Festival) «Гармония сфер II: мифы и легенды» («The Harmony of the Spheres II: Myths and Legends») Д. А. Томской и

А. Е. Соловьевым. Участие олонхосутов в таком известном фестивале мира стало возможным благодаря руководителям проекта профессорам-музыковедам К. Танимото (Япония) и Ю. И. Шейкину (Россия). Дарья Томская исполнила фрагмент олонхо «Сарын Ньургустай», Афанасий Соловьев – фрагмент олонхо «Уолан Дохсун». Тем самым на фестивале были представлены две разные эпические традиции: верхоянская в женском исполнении и Центральной Якутии – в мужском.

А. Соловьев для выступления на фестивале выбрал отрывок, который начинается с описания предназначения главного героя Уолан Дохсуна, данное ему верхним божеством Юрюн Аар Тойоном, стать защитником и умножителем рода саха. Уолан Дохсун должен ехать в далекий южный край за предначертанной свыше невестой – красавицей Кюн Куо, дочерью Байыстаан Тойона и Уйгулааны Хотун. Получив благословение родителей, старика Айыстаана и старухи Далбардаах, богатырь собирается в дорогу. Красочно описывается, как он седлает своего боевого коня и, вскочив на него, мчится-летит, преодолевая огромные расстояния 30-дневного пути. По дороге Уолан Дохсуна подстерегает девица-дух кровожадности Илбис Кыыса с предостережением-угрозой от своего брата – богатыря Нижнего мира Уот Урбалджына отказаться от сватовства к Кюн Куо. Но эта угроза только подстегивает Уолан Дохсуна. Когда остается всего один день пути, богатыря встречает Эрили Бэргэн, брат Кюн Куо, с просьбой поторопиться и защитить сестру, т.к. срок 30-дневного сватовства Уот Урбалджына уже подходит к концу. Отрывок заканчивается приездом Уолан Дохсуна и встречей с хозяином дома Байыстаан Тойоном.

Выступление было рассчитано на 45 минут. Фрагмент состоит из 584 строк, включает 7 песен, передающих разнообразие характеров персонажей: 3 песни главного героя Уолан Дохсуна, по одной Старика Айыстаана, Старухи Далбардаах, Эрили Бэргэна и сестры богатыря Нижнего мира Илбис Кыыса. Перевод текста выступления был сделан во время подготовки к фестивалю на основе копии рукописи, переданной нам самим А. Соловьевым. В процессе перевода все неясные нам значения слов и выражений уточнялись и согласовывались у сказителя через музыковеда, кандидата искусствоведения В.С. Никифорову – куратора сказителей-участников фестиваля. Только благодаря этим консультациям мы смогли сделать перевод более точным.

На фестивале перед началом выступления олонхосутов всем слушателям раздали памфлет с переводом фрагмента на японском языке, кроме этого, на авансцене были установлены стенды, надписи на которых сменялись по ходу сказания. Тем самым японские зрители имели уникальную возможность одновременно следить и за развитием сюжета, и за живым традиционным исполнением олонхо. В памфлет, кроме перевода фрагмента олонхо «Уолан Дохсун», было включено краткое описание коллизий сюжета, предваряющих отрывок, с представлением главных героев олонхо, сам перевод был снабжен пояснениями и комментариями к этнокультурным реалиям, без ознакомления с которыми сложно понять содержание текста иноязычным слушателям.

При переводе мы использовали различные приемы, одним из которых была транслитерация. Лексику, подвергшуюся транслитерации, можно условно разделить на две основные группы.

В первую группу входят этнокультурные реалии, не имеющие эквивалентов в японском языке (ураһа, сэргэ, тымтык, чаппараах, көс, туомтуу, дүнүр, былаайах, кут и др.), а также имена героев, духов-покровителей, мифологических существ и слова, используемые при обращении (Үрүң Аар Тойон, Уолан Дохсун, Күн Куо, Дьылҕа Хаан, абааһы, хотун, тойон и др.). Главная цель транслитерации таких реалий – наиболее полная передача их значения, а в случае имен – близкое к оригиналу отображение их звучания. Несмотря на сравнительно небольшой объем, данный фрагмент олонхо изобилует такими этнокультурными реалиями, связанными с традиционным укладом жизни и мировоззрением народа саха. Большинство из них снабжены пояснениями или комментариями, как можно лаконичными, внизу страницы при их начальном появлении в тексте. Например, к слову «дүнүр» дается следующее пояснение: барабан шамана, обтянутый с одной стороны кожей. Редко прямо в тексте вслед за реалией пишется наиболее близкое по смыслу японское слово. Например:

Бөҕө-таҕа
Холумунан холумнаата,
Кычымынан кычымнаата,
Дьириминэн дьиримнээн дьэргэттэ,
Көмүс үүнүнэн үүннээтэ.

とても丈夫な
ホルム{腹帯}を締め、
クイチム（側革）を置き、
多彩の鞍の繩を締め、
銀のユーン（轡）をはめる

Крепчайшую
Подпругу затянув,
Тебеньки подложив,
Пеструю подпругу седла прикрепив,
Серебряную уздечку натянул.

Надо сказать, что пояснения давались не только к транслитерированным реалиям, но и к тем, которые были переведены в тексте дословно. Например:

Түүн түүхэн ат миинэр
Былыргыттан баччаанга диэри
Кбыс оёо сүктэрин төлкөтө диэн
Тойоннуур буолаллара.

夜の夢で馬に乗るのは
昔から今に至るまで
娘が馬に乗って行く運命にあるという
夢見がくだされている。

Во сне кататься на лошади -
Испокон веков до нынешнего дня
Означает, что девушке суждено
Выехать верхом на лошади.

Дается следующее пояснение: уезжать верхом на лошади к дому жена, выходить замуж.

Вторую группу транслитерированной нами в данном отрывке лексики составляют запев, некоторые восклицания и ономатопоэтические слова (дьээ-буо, дом-ини-дом, бачах, татахай, хап, лап, кус, пуус и др.).

Основная цель использования транслитерации в данном случае – подчеркнуть национальный колорит эпоса. Следует указать, что слово-запев «дьээ-буо» занимает особое место, служа индикатором начала песен главных положительных героев олонхо и, на наш взгляд, требует обязательной транслитерации. (К сожалению, в переведенном нами фрагменте нет песни главного отрицательного героя этого олонхо – Уот Урбалджына – с его запевом «ар-дьаалы»). Остальные транслитерированные слова этой группы представляют только некоторую часть всех встречаемых в отрывке восклицаний и звукоподражаний. Они выбраны нами как наиболее ярко передающие национальный колорит, к некоторым из них сложно подобрать точное стилистическое соответствие в японском, особенно это касается восклицаний. Например, поэтому восклицание «Оо, бачах, татахай эбит» передано через транслитерацию с пояснением.

При передаче ономатопоэтической лексики сопровождающий их служебный глагол «гын» дается словосочетанием という音とともに (дословно «со звуком»). Например:

Сыыдамнык ыстанан
Хап гына олоро түстэ,
Иэйэхситгээх илин халлаан
Алын кырыытын диэки
Салайа баттаан баран
Ахсым атын самыыга
Куус гына кымныылаан кэбистэ.

素早くしなやかに跨り
「ハプ」という音とともに座り、
イエイーエフスイット住む東の空の
下を目指して
馬の首を廻し
勇み立つ馬の尻に
「クース」という音とともに鞭を当てた。

Проворно вскочив,
Уселся со звуком «хап»,
Направив коня в сторону

Нижнего края
Восточного неба, где обитает Иейехсит,
Круп лошади ретивого
Ударил кнутом со звуком «куус».

При использовании в оригинале других глаголов в переводе старались использовать японский глагол, максимально близкий по смыслу. Например,

Лихир-лихир үктэнэн
「リヒルーリヒル」と足音をたて
Топая ногами «лихир-лихир».

При транслитерации мы старались как можно точнее передать якутское прочтение слов. Но в силу ощутимых различий графических систем обоих языков встретились с определенными трудностями. Особенностью современной японской письменности является смешанное использование иероглифов, двух слоговых азбук (хираганы и катаканы) и латинских букв ромадзи. Все заимствованные неиероглифические слова, иностранные имена и названия пишутся катаканой. Ономастопэтические слова часто (но не обязательно) также могут писаться катаканой. В тексте одно и то же слово можно отобразить различными графическими средствами, тем самым придать ему дополнительную стилистическую окраску. В нашем случае все транслитерированные слова написаны катаканой в соответствии с вышеуказанными требованиями японского языка, и поэтому японскому читателю сразу понятно их иноязычное происхождение.

Слог хираганы и катаканы состоит из согласного и гласного звуков, либо из гласного, либо из одного согласного *ん* (который не может стоять в начале слова). Гласных всего пять (*あ*а, *い*и, *う*у, *э*э, *お*о). Отсутствуют звуки, соответствующие якутским гласным *ө*, *ү*, *ы*, согласным *н*, *б*, *х*, нет различия между *л* и *р* (в японских слогах типа *ら* ра кончик языка касается альвеол один раз и в результате получается средний между *л* и *р* звук). Если согласный *т* стоит перед *у*, то слог читается *цу* (слог *ту* отсутствует), если *с* стоит перед *и*, то слог читается ближе к *ши*, чем к

си. Тем самым, транслитерация только некоторых якутских слов может передаваться без или с малой долей искажения (например, ураһа ウラハ ураһа, тойон トヨン тоён, абааһы Аバーヒ абааһи, сэргэ セルゲ сэругэ, Эрили Бэргэн エリリベルゲン Эрири Бэругэн). Во многих случаях приходилось выбирать наиболее оптимальный, на наш взгляд, вариант, желательно сочетающий близкое к оригиналу звучание и легкость для прочтения японским читателем. Так, для слова «кычым», ввиду отсутствия в японском звука ы, из трех возможных вариантов транслитерации (буквально キチム кичим, クイチユイム куичуим и クイチム куичим) был выбран последний. Имя божества Дьылҕа Хаан при отсутствии звуков ы, ь, х можно передать через варианты ジリガハーン Дьйрига Хаан, Чюилга Хаан Дьюируга Хаан, Чюлуга Хаан Дьюруга Хаан, Чюилга Хаан Дьюируга Хаан и выбранный нами вариант Жилга Хаан Дьйруга Хаан. Даже в передаче одинакового звука мы выбирали наиболее подходящий для каждого случая, по нашему мнению, вариант, учитывая конкретное место этого звука в слове.

Еще раз отметим, если транслитерация этнокультурных реалий, не имеющих эквивалентов в японском, была необходима в первую очередь для передачи их смысла точно и без искажений, то транслитерация восклицаний и звукоподражательных слов имела существенное значение для отражения и усиления национального колорита.

Выступление якутских сказителей Дарьи Томской и Афанасия Соловьева на фестивале в Токио вызвало огромный интерес у японской публики. Удивительно было наблюдать за реакцией зрителей: не зная якутского, они с неослабным вниманием слушали сказителей, следили за их жестами, мимикой и интонацией, с волнением следили за сюжетом олонхо, сопереживая и радуясь с его героями. Наши олонхосуты подарили японским зрителям редчайшую возможность соприкоснуться с миром живого эпоса.

СКАЗКИ НАРОДОВ СЕВЕРА КАК ХРАНИЛИЩЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

В.А. Разумовская

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
veronica_raz@hotmail.com

Аннотация. Сказки коренных и малочисленных народов Севера рассматриваются в работе как носители уникальных культурных кодов, а также как средства архивирования и генерирования культурной информации и памяти. Являясь традиционными объектами национальных культур, сказки выступают в роли регулярных объектов художественного перевода, а в ряде случаев и отдельных единиц перевода, относительно которых переводчик принимает решение на перевод. Культурные и семиотические особенности текстов сказок определяют необходимость применения культууроориентированных стратегий перевода, а также их эффективной комбинации.

Ключевые слова: циркумполярная цивилизация, сказка, культурная информация, культурная память, архивирование и генерирование культурных смыслов.

FAIRY TALES OF THE NORTH AS CULTURAL MEMORY STORAGE AND SUBJECT OF TRANSLATION

Abstract. In this paper, tales of indigenous peoples of the North are considered to be unique cultural codes, as well as a means of archiving and generating of cultural information and memory. As the traditional objects of national cultures, tales serve as a regular object of literary translation, and in some cases individual translation units, which the translator decides to translate. Cultural and semiotic features of the tales as text define the need for culture-oriented translation strategies, as well as their effective combination.

Keywords: circumpolar civilization, fairy tale, cultural information, cultural memory, archiving and generating cultural meanings.

Являясь бесспорным и, безусловно, важнейшим продуктом цивилизации, культура обладает обязательной упаковочной тарой, формальными средствами хранения культурной информации и культурной памяти – значимых культурных смыслов, выходящих за рамки культурного опыта отдельного индивида и отражающих наиболее значимое прошлое, общее для определенного народа, нации или даже для большинства человечества. Наиболее известной и, соответственно, изученной тарой культурной информации являются тексты, традиционно представленные в устной и письменной языковых формах. Текстовая функция архивирования культурной информации и памяти регулярно отмечается культурологами (А. Асманн, Я. Асман), социологами (Дж. Александер, М. Хальбвакс), философами (П. Рикёр, Г. Люббе), историками (П. Нора), антропологами (К. Леви-Стросс), семиотиками (Ю.М. Лотман), литературоведами (А.Н. Веселовский, О.А. Клинг, В.И. Тюпа, В.Е. Хализев), лингвистами (В.А. Болдычева, Н.Г. Брагина, И.Г. Тивьяева) и переводоведами (В.В. Кабакчи, В.А. Разумовская), а также представителями других областей гуманитарных знаний. С другой стороны, тексты и, прежде всего, тексты художественные рассматриваются в современном научном дискурсе не только как традиционные информационные хранилища, но и как регулярные генераторы культурной информации, культурных смыслов. Так, Ю.М. Лотман неоднократно отмечал, что тексты не выступают исключительно пассивными хранилищами: они являются не только складами информации, но и, что особенно важно, её активными генераторами. Связывая понятия культурной памяти (или «памяти культуры» у Ю.М. Лотмана), учёный подчеркивал, что, в свою очередь, память также не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет важную часть ее текстообразующего механизма [4; 5].

Среди многочисленных видов культууроориентированных и культурнозначимых художественных текстов особое место принадлежит сказкам. С точки зрения архивирования культурной информации, сказка может быть образно определена как некая информационная «капсула», существующая в многомерной пантопохронии мировой культуры. Именно сказка является одной из важнейших и традиционных форм (тарой) кодирования культурной информации и, соответственно, памяти. Сказка представляет одну из наиболее устойчивых форм культурной трансля-

ции. Будучи пересказом, неким внутриязыковым «переводом» прецедентных мифологических текстов, сказки обнаруживают тесную связь с исторически предшествующими им мифами. При этом крайне важно отметить, что в соответствии с концепцией А.Н. Веселовского, отмечающего обязательную генетическую связь между сказкой и мифом, а также несомненное единство их материала, приемов и схем, миф также является неосознанной формой памяти [1]. Являясь традиционными объектами культуры и произведениями искусства, сказки сохраняют исконную мифологичность и метафоричность в осмыслении окружающего мира, что неотделимо связывает их с культурой-источником. В данном контексте нельзя не согласиться с тем, что именно наличие мифологического мышления объединяет человека прошлого с человеком настоящего и будущего, а также объясняет неосознанное стремление человека к мифам и сказкам [9].

Отмечая наличие многочисленных и разнообразных классификаций и жанровых разновидностей сказок, прежде всего, необходимо выделить фольклорную и литературную сказки. Именно фольклорная сказка, создаваемая первоначально в устной форме, является наиболее распространенным жанром фольклора и, несомненно, несет в себе обязательную культурную информацию и память народа-носителя языка и культуры. Обязательной информационной характеристикой сказки является наличие в её информационном пространстве этнокультурного кода. При этом структурная простота сочетается в сказке со сложностью культурного кода, что обеспечивает неисчерпаемость ее информации при восприятии и дает возможность множественности интерпретаций ее информации. Также необходимо отметить, что, несмотря на «обязательность» и «постоянство» сказок среди текстов, формирующих культурный контекст народов современного мира, рецепция сказок в конкретных культурах обнаруживает определенную вариативность. Достаточно часто сказки могут восприниматься представителями различных возрастных групп как относительно архаичные, нереальные (наивные) модели реальной действительности, обнаруживающие значительный разрыв между «сейчас» и «тогда», «здесь» и «там». При этом крайне важно, что фольклор и мифология малочисленных народов Севера не воспринимаются как архаика и сохраняют свою актуальность и функциональность в современ-

ном культурном пространстве циркумполярной цивилизации [8. С. 143]. Одной из причин информационной устойчивости сказок в культурах народов Севера является многовековое существование текстов сказок исключительно в устной форме в силу отсутствия письменной формы языка. Сказки содержали наиболее значимую культурную информацию и память народов-носителей и передавались из поколения в поколение. Важной причиной «другого» отношения к сказкам и фольклору в культурном контексте отдельных народов может рассматриваться политика ряда субъектов Российской Федерации в области управления культурой, ярким примером которой является культурная политика Республики Саха (Якутия) [10].

Уникальная культура коренных народов Арктики имеет в своей основе объединяющее понятие циркумполярной цивилизации, предполагающее не противоборство с природой, а гармоническое соразвитие с ней, что дает человечеству возможность альтернативного способа существования [7]. Огромная территория арктической зоны (охватывающая несколько континентов), суровые климатические условия (вечная мерзлота), крайне низкая плотность населения, проживающего в компактных и разобщенных поселениях, сочетаются в пространстве арктической зоны с полиэтничным составом населения и культурным разнообразием. Все это позволяет исследователям арктической проблематики говорить о «музейном характере» циркумполярной цивилизации [2], обеспечивающем бережное сохранение объектов нематериального культурного наследия.

В проекции на фольклорные тексты сказок арктических народов культурная гетерогенность отражена в их классификации – сказки народов Севера, сказки народов Сибири, эвенкийские сказки, ненецкие сказки и т.д. Таким образом, в этнокультурном коде, реализуемом в текстах сказок народов Севера, функционирующих в поликультурном поле циркумполярной цивилизации, представлены различные культурные оппозиции, формируемые в терминах ценностных и смысловых понятий культур («универсальное – уникальное», «свое – чужое», «новое – старое», «хорошее – плохое») и дающие новые методологические возможности для исследований в области этнологии, культурологии и лингвокультурологии коренных и малочисленных народов Севера.

Применение метода культурных оппозиций к изучению культурной информации и памяти в текстах сказок народов Севера позволяет выявить мировоззренческие установки носителей отдельных циркумполярных культур, определить систему ценностных ориентиров и ее трансформацию в ходе исторического развития культур, а также диагностировать современное состояние культур.

Сказки арктических народов, проживающих в суровых климатических условиях, впрочем, как и сказки всех народов мира, выполняют по отношению к своим адресатам ряд важных функций, среди которых традиционно выделяется образовательная, воспитательная и развлекательная функции. Примечательно, что именно сказки выступают важнейшим средством нравственного воспитания, формирования и сохранения культурной идентичности молодого поколения народов Севера. Воспитательная функция, бесспорно, заключается в том, что сказка являлась неким мерилom готовности к инициации, своеобразным «профориентационным тестом», с помощью которого определялась возможная сфера будущей деятельности ребенка [6].

Как уже неоднократно отмечалось выше, по отношению к культурной информации и памяти сказки выполняют, прежде всего, архивирующую и генерирующую функции. Именно данные функции должны в первую очередь учитываться при обращении к текстам сказок как к объектам художественного перевода. Поскольку языки народов Севера России получили письменную форму сравнительно недавно, то данное обстоятельство объективно отразилось и в поздней записи текстов сказок данных народов (по отношению ко времени их создания) на языках оригиналов. Обзор работ, посвященных собиранию, описанию и изданию фольклора коренных народов Севера, свидетельствует о том, что фольклорные тексты, среди которых представлены и тексты сказок, фиксировались в первую очередь представителями «других» культур с помощью кириллицы и латиницы, а также записывались в русских переводах [3]. Таким образом, языком первых переводов северных сказок стал русский язык, что уже позволило накопить определенный опыт перевода сказок народов Севера как уникальных культурных объектов. История переводов сказок народов Севера России на иностранные языки начинается во второй половине XX в. и позволяет выделить несколько основных задач перевода. Первая задача может быть определена как культурно-просветительская

задача, позволяющая включить тексты сказок народов Севера в широкий контекст межкультурной коммуникации и межкультурного обмена, познакомить представителей других культур с уникальными культурными текстами циркумполярной цивилизации. Вторая задача состоит в предоставлении исследователям, не владеющим языками коренных народов Севера, ценного культурологического и этнографического материала, позволяющего изучать особенности культуры и менталитета представителей циркумполярной цивилизации. Третья задача является собственно переводоведческой задачей, которая в полной мере соответствует культурологическому направлению в современном переводоведении. Именно в рамках решения третьей задачи стало возможным накопить ценный материал перевода этнохудожественных текстов [11; 12]. В данном случае правомерно рассматривать сказки как особые этнохудожественные тексты, требующие специальных стратегий и приемов, а также предполагающих понимание текстов сказок как уникальных гиперединиц перевода, относительно которых переводчик принимает решение на перевод. Можно гипотетически предположить, что опыт перевода сказок народов Севера станет в будущем возможной основой этнохудожественного переводоведения – самостоятельного раздела художественного переводоведения.

Литература

1. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Москва : Высшая школа, 1989. – 404 с.
2. Кефели, И.Ф. Циркумполярная цивилизация в геодивизионной структуре глобального мира / И.Ф. Кефели // Партнерство цивилизаций. – 2013. – № 4. URL: <http://misk.inesnet.ru/izdaniya/zhurnal-partnerstvo-civilizacij/partnerstvo-civilizacij-4-2013/> (дата обращения 15.06.16).
3. Колесник, М.А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера / М.А. Колесник // Litera. – 2014. – № 3. URL:http://e-notabene.ru/ca/article_13998.html (дата обращения 28.06.16).
4. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. – Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992. – С. 129-132.
5. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 1998. – С. 14–285.

6. Наговицын, А.Е. Типология сказки / А.Е. Наговицын, В.И. Пономарева. – Москва : Генезис, 2011. – 336 с.

7. Николаев, М.Е. Циркумпольная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра / М.Е. Николаев. URL: <http://nlib.sakha.ru:83/index.php/ru/2008-11-03-08-01-16/411-300709> (дата обращения 15.06.16).

8. Хазанкович, Ю.Г. Культура и литература малочисленных народов Арктики: «власть традиции» / Ю.Г. Хазанкович // Вестник Северо-Восточного федерального университета им М.К. Аммосова. – 2014. – Т. 11, № 1. – С. 142-149.

9. Юнг, К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг. – Киев : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

10. Koptseva, N.P., Lusan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy // International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique, URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s11196-016-9479-4> (дата обращения 15.06.16).

11. Nakhodkina, A.A. Problems of (Un)translatibility of the Yakut Epic Text Olonkho / A.A. Nakhodkina // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2 (2014 7). – Pp. 273–286.

12. Razumovskaya, V.A. Translating Aboriginal Siberian and Circumpolar Cultures in Russia / V.A. Razumovskaya // Translators, Interpreters, and Cultural Negotiators Mediating and Communicating Power from the Middle Ages to the Modern Era / F.M. Federici & D. Tessicini (Eds.). – London: PALGRAVE MACMILLAN, 2014. – Pp. 190-212.

О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДА БУРЯТСКОГО ЭПОСА «ГЭСЭР» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Л.Ц. Санжеева

*Институт филологии и массовых коммуникаций БГУ,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия*

***Аннотация.** В статье изучен опубликованный вариант бурятского эпоса «Абай Гэсэр хубуун», переведенный с бурятского языка на английский. В центре внимания – трудности и способы перевода данного фольклорного произведения с учетом различий двух языков, а также этнокультурного содержания текста. Были выявлены семантические, морфологические, синтаксические, стилистические, смешанные переводческие трансформации и дана их интерпретация.*

***Ключевые слова:** эпос, переводческие приемы, этнокультурный характер, межъязыковое взаимодействие, адекватность перевода, языковое соответствие.*

THE PECULIARITIES OF BURYAT-ENGLISH TRANSLATION OF «GESER» EPIC

***Abstract.** A published variant of the Buryat epic of Geser, namely «Abai Geser khubuun» translated to the English language is considered in the article from the point of view of its translating peculiarities – problems and ways of translation. The considerable differences between the two languages and the ethnic cultural character of the text involve various transformations: semantic, morphological, syntactical, stylistic and mixed ones.*

***Keywords:** epic, translating methods, ethnic cultural character, cross-language interaction, adequacy of translation, language correspondences.*

Важность перевода как одного из основных механизмов межкультурной коммуникации очевидна. Цель переводчика - воссоздать текст, не

уступающий оригиналу по эстетическому и художественному воздействию на читателя.

Проблеме художественного перевода посвящено много исследований интралингвистической направленности: перевод рассматривается как деятельность по перекодированию текста, грамматическим трансформациям или поиску общих сем в содержании оригинального текста и переводного варианта; перевод рассматривается и как семантический процесс, опосредованный влиянием различных факторов как языкового, так и неязыкового свойства. Особое внимание уделяется культурной составляющей художественного перевода (его культурно-трансляционной функции). Перевод является элементом межкультурной коммуникации. Интересны исследования герменевтической направленности, где основную роль играет интерпретация, и прагматически ориентированные исследования, где доминантой переводческой деятельности является коммуникативная установка автора оригинала. Процесс перевода состоит из трёх основных этапов: понимание, интерпретация, воссоздание текста средствами другого языка [1].

Особый интерес и трудности вызывает перевод текста, при котором происходит взаимодействие между неродственными языками. В этом случае наблюдаются существенные различия в плане их языкового содержания, формы, перевода. К таковым относятся английский и бурятский языки. Последнему присущи черты, не типичные для английского языка. На грамматическом уровне это - опущение главных членов предложения: подлежащего, сказуемого, дополнения; более частая местоименная замена имен существительных, разнообразные функции частей речи, инвертированный порядок слов. Наиболее своеобразны парадигматико-синтагматические отношения, типичные для бурятского языка, но отсутствующие в других языках, включая английский. Среди других отличительных свойств можно назвать гипонимо-гиперонимические отношения, конверсивность понятий, разные виды причастий, многие из которых отсутствуют в английском языке, обилие текстосвязующих средств (наличие ярко выраженной логико-смысловой сетки). Все перечисленные явления вызывают трудности перевода, тем не менее, все это может быть транслировано на английский язык, хотя иногда требуются определенные усилия. Несмотря на различия, бурятский и английский языки обнаруживают сходные черты. Примером может служить грам-

матическое выражение завершенности (Perfect) и незавершенности действия (Non-Perfect или Progressive). Но в целом в процессе перевода текстов с одного из этих языков на другой необходимо использовать соответствующие преобразования для адекватной передачи смысловых отношений.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью освещения проблем межъязыкового взаимодействия. Любой профессионально выполненный перевод включает в себя целый комплекс переводческих трансформаций, тем более, когда речь идет о неполной общности исходного и переводящего языков. Бурятский улигер «Абай Гэсэр хүбүүн» и его переводной вариант «Abai Geser the Mighty» [2, 3, далее в скобках указаны номера строк из обоих вариантов текста] не становились предметом специального анализа, а именно с точки зрения переводческих трансформаций, использованных при передаче текста с бурятского на английский язык, интерпретации способов перевода. Методологической основой исследования послужили труды известных лингвистов А.Д. Швейцера, Я.И. Рецкера, В.Н. Комиссарова, А.В. Федорова, Л.С. Бархударова, Е.В. Бреуса, Т.А. Казаковой.

В статье рассмотрены переводческие преобразования, использованные при передаче на английский язык бурятского эпического произведения «Абай Гэсэр хүбүүн» (более 300 страниц), записанного от сказителя Маншуда Имегенова известным собирателем-фольклористом Ц.Ж. Жамцарано в 1906 г. и опубликованного в 1995 г. в Москве вместе с переводом на русский язык, комментарием и вводными статьями. В бурятско-английском переводе улигера «Абай Гэсэр хүбүүн» использованы лексические (транслитерация, смысловое уточнение, добавление, опущение и др.) и грамматические (восстановление отсутствующих элементов, чаще всего подлежащего, сказуемого, дополнения, изменение порядка слов в предложении) замены, также выявлены некоторые технические приемы перевода.

В теоретическом плане работа представляет типологический интерес, позволяя выявить и далее подробно рассмотреть общие для двух языков явления. Исследование показало, что применение различных видов преобразований (выявленных ранее при переводе с русского на английский и с английского на русский язык) вполне целесообразно при переводе эпических произведений с бурятского языка на английский. Вместе с

тем, подобный перевод имеет ряд специфических черт, учет которых достигается умением адекватно применять переводческие трансформации. Последнее во многом зависит от переводчика, который должен в равной степени владеть как исходной, так и переводящей культурами с тем, чтобы обеспечить правильное понимание текста воспринимающей стороной.

Особое место в эпическом ономастиконе занимают реалии-теонимы. Многочисленные имена небожителей эпического пантеона обычно транслитерируются. Приведем лишь несколько примеров: Атаа Улан – Ata Ulan, Заяан Саган – Zayan Sagan, Зарлиг Саган – Zarlig Sagan, Малзан Гурмэн – Malzan Gurmen и т.д. [2, 3].

В ходе анализа текста были выявлены случаи калькирования, сопровождающиеся определенными трансформациями: изменение суффиксов и окончаний, падежных форм. Русские кальки, появившиеся в бурятском языке в более позднее время вследствие установившихся контактов между двумя народами и изредка встречающиеся в бурятском эпосе, переведены на английский язык следующим образом:

урмахяар (строка 187) - в рубашке (с.187) - in a shirt (с.187), собор (с.1818) – собор (с.1819) – cathedral (1819), бүүд (2286) - нүд (2288) – rood (2288) (16.38 kg), сүүдхэ (3398) – сутки (3398) – day and night (3398), бээжшин (3563) - печь (3566) - stove (3566), шумдаан (4223) – чемодан, сундук (4223) - chest (4224), алаабхи (4840) - лавка (4840) – shop (4840), аряд (3705) - ряд (3705) – line (3705), үйлэнсүй (3705) – улица (3705) – street (3705) [2, 3].

Иногда при переводе приходится производить уточнения. Урда ехэ ашаагаа Урьягшин түлихэн унагаабал, урда уулайн барагтай Оглойжо хэбтэбэл. Хойто ехэ ашаагаа Хойшон түлихэн унагаабал, Хойто уулайн барагтай Оглойжо хэбтэбэл (4016-4023) - Передние большие вьюки столкнул и свалил впереди [коня], [свалившись], они возвышались, словно гора спереди; Задние вьюки большие столкнул и свалил позади [коня], [свалившись], они возвышались, словно гора сзади (4016-4023) - The big front pack-loads He pushed and damped them in front of the horse, Having been thrown down they were heaping up like the hill in front of him, The back pack-loads He pushed and dumped to the back of the horse, Having been thrown they were heaping up like the hill behind (4016-4023). Уточ-

нение при переводе данного отрывка обусловлено этноспецифическим содержанием текста. Буряты обычно соскакивают с коня с левой стороны. Поэтому передние вьюки были сброшены вправо от головы коня и лежали на земле где-то с передней (южной) стороны, задние вьюки были сброшены влево от головы коня и лежали с задней (северной) стороны.

Другой интересный пример с применением упомянутого приема: басагам (4226) - сынок (4226) - сонние (4226). Раньше буряты мальчиков иногда называли девочками – басаган в качестве оберега от злых сил, чтобы с ними ничего плохого не случилось. Сын почитался как будущий глава и защитник рода.

В следующем примере произведено добавление дополнения «обоих», «them both», которое зачастую отсутствует в бурятском высказывании: Гальалжа орхибол [3502] – И [обоих] сожгли [3502] – And burned [them both] (3502). В переводе показано, что сожгли их обоих, как Галхан Нурмана, так и его коня, согласно неписаной традиции, поскольку конь олицетворял мощь хозяина.

В английском языке часто в качестве сказуемого употребляются такие широкозначные глаголы, как *be, have, get, take, give, make, do, come, go*. При переводе на русский и бурятский языки предпочтительнее использовать глаголы с более узким конкретным значением. Английский широкозначный глагол (гипероним) *is* - быть, находиться переводится на русский и бурятский словами (гипонимами) *сидит, лежит* и *һууна, хэбтэнэ*, имеющими более узкое, но конкретизированное значение. В бурятском эпосе «Гэсэр» словам *гэшхүүлхэ* – заставлять идти, *галаюлха* – пускать лошадь медленным шагом при переводе на русский язык может соответствовать слово *направлять* (коня): *Гэрхэхэн тээшэ гэшхүүлбэ, газар тээшэ галаюлба*. – К своему дому направил коня, на родину свою направил коня.

Вообще, при переводе следует учитывать явление гипонимии, достаточно часто встречающееся в бурятском языке. Слова с видовым значением по отношению друг к другу можно назвать для краткости эквонимами. Так, «сын» и «дочь» по отношению к слову «ребенок» являются гипонимами, а «ребенок» по отношению к ним является их гиперонимом, «сын» и «дочь» по отношению друг к другу – эквонимы, или эквонимические слова. Наличие разных родовых наименований понятия «дети»

(үри, үхибүүд) говорит о важном значении, которое придавалось потомству, самопроизводству у бурят: басаган хүбүүн хоероо – своих дочку и сына (their own daughter and son); басаган хүн балшархаан, хүбүүн хүн хүбшэргэһөөү – хорошую девушку видно с младенчества, хорошего парня – с пуповины (силы) – one can tell a good girl from childhood, one can tell a good fellow from his navel.

В некоторых случаях при переводе использовано такое преобразование, как модуляция, которую иначе можно назвать смысловым развитием. Тэрэ хани дайхам – Тэрэ хани юумэмни Хайша ошхо бэлэй?(126-128) - Как же быть мне [теперь] с этой битвой моей – с этим делом моим? (126-127) – So what am I to do About the fight, About this affair of mine? (126-127). Выражение Хайша ошхо бэлэй? дословно означает «Куда идти теперь?», но фактически подразумевает «Что же теперь делать? Как быть с ...?». На английский язык оно переведено So what am I to do? (Что же мне делать? Что теперь я должен делать?), то есть преобразована внутренняя форма этого фрагмента, чтобы достичь смыслового соответствия.

хуран суран байбал даа (5082; 330) – Стал спрашивать – расспрашивать [Гэсэр] – (5082; 330) – kept asking [Geser] – (5082; 330). хуран суран – выражение, означающее повторяющееся, неоднократное действие, на английский язык оно передано герундиальным оборотом kept asking, которое также означает повторяющееся действие. Здесь также произведено смысловое развитие.

Исследование бурятского эпоса выявило применение смешанных переводческих трансформаций, например, лексико-семантических. Остановимся на некоторых их них.

Хүнжүл (113) - одеяло (113) - fur blanket (113). При переводе добавлено слово fur - меховое, чтобы не перепутать с шерстяным или стеганым одеялом. Такие одеяла шили из нежного меха соболя, из пушистой овчины, поэтому они назывались мягкими как печенье.

Үзүүрхээн үнхэжэ байнал даа, Захаһаан зальяжа байнал даа ... (169-170) - хватает подряд, глотает подряд (169-170) – Snaps and grabs, swallows in a row all that comes across (168-170).

Үзүүрхээн означает «с верхушки», захаһаан – «с краю; подряд; без разбора». Эти слова обусловили текст перевода, они помогли найти соответствующие смысловые аналоги.

Огторгой минган саган бурхан (274) – Тысяча светлых небесных бурханов (275) – The thousand fair celestial burkhans (275). Слово саган (белый) имеет значение светлый, чистый, ясный, то есть fair. Такой перевод соответствует смыслу этого слова в данном лексическом окружении.

Абай Гэсэр хүбүүн (3116) - Абай Гэсэр Могучий (3116) - Abai Geser the Mighty (3116). Слово “Абай” переводится как “батюшка, почтенный” и показывает уважительное отношение к человеку почтенного возраста. Слово “хүбүүн” имеет много значений: сын, мальчик, парень, храбрец, удалец, предводитель и др. Д.А. Бурчина и А.Б. Соктоев в “Комментариях” к переводу на русский язык эпоса “Абай Гэсэр хүбүүн” пишут: “В тех случаях, когда в эпосе речь идет о Гэсэре в младенческом возрасте, мы переводим слово “хүбүүн” как “дитя” или “малыш”. Когда он мужает и превращается в могучего исполина-богатыря (по народным представлениям, Гэсэр - сильнейший среди всех богатырей бурятского эпоса), слово “хүбүүн” обретает дополнительный смысловой оттенок, дающий право переводить его как “могучий”: “Абай Гэсэр Могучий”. Поскольку в публикуемом варианте М. Имененова главный герой Гэсэр - не хан и не тэнгри, а сын тэнгрия и не просто богатырь, но и единственный в своем роде могучий герой, то “хүбүүн” в составе имени определяет также превосходные качества героя” [2. С. 423-424]. Исходя из этого “хүбүүн” переведено на английский язык как “mighty” – “могучий”.

Юһүн сүүдхэй [4294) – девять суток [4297) – nine days and nights [4297). В оригинале сказителем использован русизм сүүдхэ (хотя в бурятском языке существует выражение үдэр һүни) – сутки, то есть день и ночь, которому соответствует английское day and night.

Халуу нугудаа ... (3340) – на родные луга (3341) – Into my native meadows (3341). Халуун переводится на русский язык «горячий, жаркий», но в данном случае оно имеет и переносное значение «родной, свой» («native») в противовес слову хуйтэн (холодный) с переносным значением «чужой» («alien»).

Дуурялсажа зугаалае даа (327) – Хором все давайте споем (327) – Let's join in and sing (327). Слово дуурялсаха переводится «подпевать, подражать»; зугаалха – «говорить, рассказывать, распевать». Это ситуативно означает поддержку сказителя, подпеть ему, чтобы он взял передышку, отдохнул. Поэтому добавлено сочетание join in – присоединяться, подпевать.

Интерес представляет перевод фразеологизмов в эпическом тексте.

Газар үрүүн ороhon (548) – [Как] сквозь землю провалился (548) – As if vanished into thin air (548). Английское as if vanished into thin air можно перевести «как будто исчез в тонком воздухе» или более образно «как будто испарился» или «как будто сквозь землю провалился». Поэтому перевод адекватен по смыслу и общему стилистическому звучанию.

Хара ехэ уһан дээрэ Урмэ байсан зугаалба (4679-4680) – На глади чистой воды Пена появилась – так долго беседовали (4679-4680) – On the surface of pure water Foam appeared. So long they were talking (4679-4680). Урмэ переводится как молочная пенка (milk skin). Переводчик это слово перевел foam (пена), как будто камень вспенился.

Приведем пример смыслового перевода. Абай Гэсэр хүбүүн танай Ойгоо ехээ эрьеэ лэ, Ооһороо ехэ наридаа ла – Галха Нурман хаатай Дайлалсаһаар болобо Тархин эрьюу болоол, Шуһаниин бэлинтэн ошоо (4473-4479) – У вашего Абай Гэсэра Могучего Разум совсем помутился, Совсем истончилась нить [жизни] его. Пока он сражался с Галха Нурман-ханом, В голове у него помутилось, И кровь его сгустилась (4473-4479) – Your Abai Geser the Mighty has gone quite dull, The thread of his life has become thin. While he was fighting With Galkha Nurman-khan, he felt dizzy, And his blood got thickened (4473-4479). В данном отрывке использован семантический эквивалент. Он вполне адекватен, так как смысл высказывания сохраняется. Дословный перевод во всех случаях не смог бы передать его смысл. Дословный перевод, или калькирование, может исказить смысл.

В ходе анализа было обнаружено множество преобразований на грамматическом уровне: синтаксическое уподобление, членение и объединение предложения, грамматические замены формы слова, части речи или члена предложения. В большинстве случаев трудности и способы перевода обусловлены различиями грамматических свойств языковых единиц в бурятском и английском языках.

Рассмотрим реализацию упомянутых грамматических преобразований. Минии хани болоо хадатнай (1926) – Если вы станете моими друзьями (1926) - If you become my friends (1926). Перевод осуществлен с помощью синтаксического уподобления, когда нет необходимости менять синтаксическую структуру и её лексическое наполнение.

Встречаются в переводе примеры реструктуризации или членения предложения. Например, Басаган мэни, далан долон таһалгаяа Саа биедэ ошожо Гагуурай Ногоон дүүхэйдэ Сай уһай бусалгуулжа Уужа ла унтыш таа... (5596 - 5600) – Сын мой, зайди в самую дальнюю Из семидесяти комнат, Гагурай Ногон-красавица Чаю тебе вскипятит. [Чаю] выпей и ложись поспи (5596 - 5600) – My son, go to the farthest of the seventy rooms. Gagurai Nogon-beauty will make you tea. Have tea and go to bed (5596 - 5600). Здесь одно довольно длинное предложение расчленено на три предложения. Такой перевод вполне уместен, он не искажает предметную ситуацию, которая весьма проста и не двусмысленна.

Также в переводе представлен прием объединения предложений: Уряаһаан саазгай ерээд лэ Унталгай мяхай абаадажа байбай ла. – Энэ саган түрэ лэ <...> Зугаалажа байтагай! Гэжэ Үрөөр хэлэжэ ябалдана бэлэй лэ (5748 - 5761) - Прилетала с юга сорока На ночь мясо к себе уносила. «Пусть эта светлая свадьба <...>. Так же гуляют, пируют, Пьют архи и курят табак!» - [Вот такой] юрол сказав, она улетела (5748 - 5761) – A magpie flew in from the South And took home meat Saying such a wish: "May this fair marriage party <...>. Let them feast and enjoy themselves, Let them drink arkhi and smoke tobacco!" thus having wished she flew away (5748 - 5761). Здесь три предложения объединены в два, смысл высказывания при этом не изменился, напротив, высказывание звучит более ритмично.

Остановимся на некоторых примерах грамматических замен: замена причастия именем существительным или глаголом. Хубилжа ебэлжэ гараһан юмэ (743) - Уродом родился (743) - He was born a charmed freak (743). Хубилжа елбэжэ можно перевести как “переродившись”. При переводе добавлено слово *charmed* - заговоренный к имени существительному *freak* – урод (появившийся как каприз или причуда природы), так как слово ебэлжэ входит в состав парного слова аб жэб - чары, магия.

Рассмотрим пример номинализации (замена имени прилагательного, причастия именем существительным). Үлгүн үндүр хоёри (383) - За высью [небесной] и ширью [земной] (386) - Both the [high] sky and the [wide] Earth [386]. Слова үлгүн (широкий) и үндүр (высокий) являются прилагательными, здесь они субстантивизированы и означают *земля* и *небо* соответственно, но все же они изначально являются именами прилагательными. При переводе они стали именами существительными:

sky и earth. При них есть эпитеты high (высокий) и wide (широкий). Такой прием не искажает смысла, тем более что данные слова обособлены квадратными скобками.

Хана байха байсаньейн Хараасааран уруугшан харуулан байбал даа, Ханааран өөдэн харуулан орхибол (3685-3687) - Все постройки со стенами [свалили] - Матицы их оказались внизу, а стены поверх них оказались (3685-3687) - All dwellings with walls [were dumped down], with the beams underneath, and the walls above them (3685-3687). Здесь видим технический прием добавления, в частности слов свалили, опрокинули. Параллельно произведена синтаксическая трансформация, т.е. простые предложения преобразованы так, что в них появляется абсолютный (независимый) причастный оборот: with the beams underneath, and the walls above them.

...гэжэ Табиһалан бизэбди (460-461) - С тем [ведь] и отправили, кажется (461) - With that we sent you down, didn't we? (461). Бизэбди (бизэ) - это частица, которая показывает подтверждение и переводится на русский язык “ведь, конечно”. На английский язык она справедливо переведена посредством расчлененного (разделительного) вопроса (a tag question): “With that we sent you down, didn't we?”

Шашхажа уйлажа ошобо (797) - Заплакал он, заревел (797) - He burst out crying and howling (797). Переход из одного состояния в другое в бурятском тексте осуществлен с помощью слова ошобо, в английском предложении это выражено словами burst out и герундием. В русском языке этот переход актуализируется с помощью приставки за- перед основной глагола.

Ара гэрэн баруун хани урайгша Хаана ханхан харгуяар Ханхилзаса дугшуулба (3250-3251) - На юго-запад от дома Рысцою пустился, [снаряженьем] звеня, По богатырской славной дороге (3250-3252) - To the south - west of his home He rode at a trot, with his weapons clinking, Along the bogatur good road (3250-3252). Выражение ханхилзаса дугшуулба - rode at a trot, with his weapons clinking переведено при использовании абсолютного (независимого) причастного оборота with his weapons clinking, а также проведена конкретизация, т.е. добавлено слово “доспехи”.

Хүлэгээ ундалаал үгэй... (3262) - Скакун свою жажду не утолял (3262) - No racer had ever drunk when thirsty (3262). Выражение “утолять жажду” переведено “drink when thirsty”. Это распространенный способ

перевода, когда на первое место выходит следствие, сопровождаемое причиной, или наоборот, то есть происходит смена отправной точки.

Амалша үгээ юмэй хая мүнөө амалба байна ла, Хэлши үгээ юүмэйи хая мүнөө хэлэбэ ла! (4748-4751) - Неизрекаемое только что Он изрек, Непроизносимое только что Он произнес (4748-4751) - What cannot be uttered He has just uttered, What cannot be pronounced He has just pronounced (4748-4751). Выражения “Амалша үгээ юмэй” и “Хэлши үгээ юмэй”, переданные посредством причастных оборотов, переведены номанативным придаточным предложением, сохраняющим смысл оригинальных текстовых фрагментов, а именно: What cannot be uttered (то, что нельзя изречь, или неизрекаемое) и What cannot be pronounced (то, что нельзя произнести, или произносимое).

В бурятском языке своеобразны парадигматико-синтагматические отношения. Так, в рассмотренном улигере встречаются отрезки высказываний, где нарушаются принципы парадигматики и синтагматики, ранее установившиеся в лингвистической науке. Встречаются конструкции, где группа словоформ одного слова, например, глагола ябаха (идти, ехать; go, walk) с разными категориальными значениями дается в синтагматической последовательности, что не характерно для европейских языков. Оборот Яба ябахаар ябажа, состоящий из глагола в повелительном наклонении яба, продолжительного деепричастия ябахаар, соединительного деепричастия ябажа, в плане содержания означает действие в процессе. Примыкающее к этому обороту на уровне синтаксического параллелизма выражение Ошо ошоһоор ошобо, также состоящее из глагола в повелительном наклонении ошо, продолжительного деепричастия ошоһоор, но глагола в прошедшем времени ошобо, передает завершившееся действие в процессе.

Мы наблюдаем здесь различные грамматические категории слова ябаха, разные его словоформы. Парадигматические отношения в большинстве языков означают отношения в плане или... или, т.е. не могут встречаться в рамках одного отрезка высказывания или синтагмы, т.е. в плане и... и. Здесь же переплетаются парадигматико-синтагматические связи, иными словами, мы наблюдаем определенный парадигматический ряд слова ябаха в одной синтагме, т.е. на синтагматическом уровне. То же самое справедливо для слова ошохо» [4. С. 62].

Попытаемся дать приблизительный перевод приведенных выше строк.

Яба ябаһаар ябажа,
 Ошо ошоһоор ошобо.
 Шагая - шагая [без остановки],
 Совсем ушёл [из виду].

Подобные лексико-синтаксические обороты или конструкции вследствие такой последовательности словоформ одного слова приобретают эмфатический характер, речь становится эмоционально окрашенной. Действие приобретает характер процессуальности, непрерывности, завершенности. Повествование выразительно, ритмично, мелодично. Выделено несколько групп, среди которых наиболее многочисленной является группа, скомпонованная по признаку интенсивности действия. Затем идет группа, в которой главным признаком является способ образования, а именно, сочетание «имя существительное + глагол». Третье место занимают фразы, в которых отражена настоятельность осуществления действия. Представлены выражения, обозначающие качество, степень и образ действия. Есть фразы, имеющие в своей основе звукоподражательные элементы. Встречаются словосочетания, показывающие длительность действия, а также материал, из которого сделан объект действия.

Существуют такие пары противоположностей, как конверсивы или реляционные противочлены, которые в отличие от антонимов обладают свойством обратимости по отношению друг к другу. Дж. Лайонз называет такое понятие конверсностью (converseness) [5]. Конверсивы в отличие от антонимов характеризуются симметричностью, транзитивностью и рефлексивностью. В улигерном контексте они способствуют раскрытию противоречивой сущности предметов, яркой экспрессии; усилению эмоциональности речи. Например, очень часто в бурятском эпосе можно встретить конверсивы, указывающие на положение в пространстве (вверх/вниз, вправо/влево, сзади/спереди). Они образно передают ощущение большого пространства, его всеохватности по горизонтали и по вертикали.

Баруун ташаа эрьюлжэ,	Повернул вправо,	Turned right and stroke
Баруунай тайга хабаба;	По тайге, что справа была, ударил,	On the trees to the right,

Зуун ташаа эрьюлжэ,	Повернул влево,	Rolled to the left and stroke
Зуунай тайга хабаба.	По тайге, что слева была, ударил.	On the trees to the left.

В целом применение антонимического перевода сочетается с использованием лексических и грамматических трансформаций [6]. Данное утверждение справедливо и в случае с конверсивами.

С целью подчеркнуть национально-культурное своеобразие способа выражения используется такой прием, как экспликация (описательный перевод). Яхан ухан хоёрын (3504) - Кости, не сгоревшие (3503) - The bones that had not been burned up (3503).

Яхан ухан - дословно: кости вода. Это – парные слова с обобщающим значением: кости и то, что остается от них после горения: пепел, зола. При переводе проведена конкретизация: that had not been burned up - не сгоревшие полностью. В английском языке отсутствуют парные или другие слова, полностью эквивалентные словам яхан ухан, которые имеют внутренний смысл независимо от внешней формы выражения. Носителю другой языковой культуры трудно понять смысл парных слов яхан ухан (кости вода), тем более что воды там нет, а есть то, что осталось после горения, но у бурят это не вызывает сомнения, так как именно так они «мыслят» и говорят (по В. Гумбольдту, «язык есть «дух» народа»).

Одним из распространенных видов лексико-грамматических трансформаций является компенсация. Встречаются компенсации семантического и стилистического характера.

Дархигтуйн далан улаан түгсэг гээшэ, Узуурааран булгараа, Үзүүрээрэн хухараа ... Яахуйн яахаар ядаабди! (3089-3092) - Семьдесят могучих пней в буреломном лесу С корнями выворотились, В верхней части своей обломились [Пробовали] и так и этак - не смогли! (3089-3092) - Seventy big stumps in the fallen wood Got wrenched out of their roots, Got broken in their upper part. We tried this way and the other - but failed! (3089-3092).

Выражение яахуйн яахаар ядаабди весьма своеобразно и характерно лишь для бурятского языка, поэтому осуществлена замена непередаваемого колорита подлинника соответствующими средствами английского языка, хотя переводческая потеря здесь невозможна в силу специфи-

ки бурятского языка, но можно минимизировать потерю соответствующей компенсацией и перевести это выражение следующим образом: We tried this way and the other - but failed. Возможно, вместо but failed можно было перевести in vain, хотя на смысловом уровне они равноценны. Улаан (красный) обладает также коннотативным значением - сильный, могучий. В отношении пня в лесу можно сказать большой, огромный (big, mighty).

Туулгаба (3671) – повелел гнать (3670) – told...to drive (3670). При переводе теряется оригинальное содержание бурятского глагола-сказуемого, которое компенсируется двумя словами, глаголом-сказуемым и дополнением, а именно told (ordered) to drive.

Кратко остановимся на технических приемах перевода в бурятском улигерном тексте. Прием перемещения лексических единиц: Гэгээ лабайн үүдэндэ аалами (1) – У дверей святого ламы (1) – At the door of the holy lama (1).

Возможны также перестановки. Табин табан тэнгэри (15) – Пятьдесят пять тенгэриев (15) - ... tengris five and fifty (15). Такая перестановка в английском предложении в рамках фольклорного произведения вполне допустима. Она использована с целью ритмизации и построения уподобления.

Бухала шэнээн бараатай Бутайн шэнээн залатай Булаган хиидхүүр малагая Орой дээрээ табибал даа (3225 - 3228) – Надел он на голову Соболий пушистый малгай, огромный, словно копна С кистью величиной с кочку (3225-3228) – He put on his head A sable fluffy hat as big as haycock with a tassel like a tussock (3225-3228). Наблюдается порядок слов в английской фразе, обратный по сравнению с таковым в оригинале. Вообще, инвертированный порядок слов вполне органичен, внутренне присущ бурятскому языку.

Прием лексических добавлений. Гэртэ лэ хэбтэнэ – Тэрээни лэ оруулагтуй! (181-182) – Дома лежит. Его посылайте (182-183). ... Is lying home [just in cradle]. Send him [and that's just it] (182-183). Добавлены уточняющие слова «just in cradle» – в колыбели, а также фраза «and that's just it!» - «и вот и все!», чтобы компенсировать пафосное «оруулагтуй».

Прием опущения элементов: Эхээ хоёр хүхэ хүхэшэ Унтана бэлэл даа. Үглөөни Үдэйн шарга нарани Үрөөлүөө үдүйдэ Бодон харан байба

ла (969-973) - Пососав материнскую грудь, Тут же малыш уснул. На-завтра, как только полуденно-яркое солнце наполовину взошло, а дру-гая половина еще не показалась, Быстро поднялся [малыш] (969-973) - Having sucked at the mother's breast [The child] fell fast asleep. The next morning when the bright sun showed its half but the other did not show itself as yet, Very quickly got up [the child] (969-973). Подлежащее (ребенок) отсутствует в двух случаях. В переводе подлежащее восстановлено (в квадратных скобках) в соответствии со структурными особенностями английского предложения.

Бүтүү мүнгэн ёлоо Бүүргэдээ хантарба (1323-1324) – Круговой по-вод серебряный Закинул за луку [седла](1322-1323) - A round rein that was silver-decorated [He] threw over the cantle (1323-1324). Отсутствующее подлежащее восстановлено, так как, согласно структуре англий-ского предложения, в данном отрезке высказывания оно необходимо, а специфический характер бурятского языка, его синтетическая, а не ана-литическая природа позволяют опускать подлежащее и дополнение.

В тексте Гэсэриады выявлены текстосвязующие средства, которые включают в себя лексические и грамматические единицы, обозначающие логико-смысловые повороты мысли. Это - слова-гиды, выраженные чаще всего служебно-строевыми словами и словосочетаниями, обозначающими: начало повествования, начало нового звена повествования; повтор; одновременность событий; концовку; образ действия; продол-жение действия [7. С. 110]. Совокупность таких слов-гидов показывает логико-смысловую сетку текста, играет общетекстовую, организующую роль в тексте. Например, Ai-dun, zai-yo (с. 4, 12); All after that (с. 3, 72); and then (с. 14, 40, 84, 92, 98); Meanwhile (с. 7); That's how it was, they say (с. 85); and instantly (с. 84).

Таким образом, в художественном переводе, а именно к таковым мы относим перевод эпического текста, доминантной является одна из ком-муникативных функций, а именно художественно-эстетическая, или по-этическая. Создается текст, который в функциональном, смысловом и структурном отношении должен представлять собой адекватную замену оригинала на языке перевода.

Проведенный переводческий анализ эпического текста позволяет сделать вывод о том, что несовпадения в строе двух языков, в нашем слу-

чае бурятского и английского языков, представляют большие трудности для перевода. Такие проблемы можно решить с помощью переводческих преобразований. Многое при этом зависит от языковой и переводческой компетенции переводчика. Иными словами, текст перевода – это речевое произведение на переводящем языке, и в нем должны соблюдаться правила нормы и узуса этого языка.

Литература

1. Neubert, A. Text and translation / A. Neubert. – Leipzig, 1985.
2. Абай Гэсэр хүбүүн. Үльгэр. Абай Гэсэр Могучий : бурятский героический эпос. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 526 с.
3. Abai Geser the Mighty. Translated from Buryat to English by Khundaev V.Yu. and Khundaeva Ye.O. 300с. - рукопись.
4. Хундаева, Е.О. Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика / Е.О. Хундаева. – Улан-Удэ, 1999.
5. Lyons, G. Structural semantics. – Oxford : Blackwell, 1963.
6. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. – Москва : Международные отношения, 1980. – 167 с.
7. Хундаев, В.Ю. Переводческие трансформации / В.Ю. Хундаев. – Улан-Удэ : Изд - во БНЦ СО РАН, 2008. – 122 с.
8. Бреус, Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский : учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.
9. Catford, J.C. A linguistic theory of translation / J.C. Catford. – London, 1965.
10. Фирсов, О.А. Перевод с английского языка на русский и его комментарий / О.А. Фирсов. – Москва, 2003. – 197 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК БУРЯТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ГЭСЭР»

Е.О. Хундаева

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия
hundaeva@mail.ru*

Аннотация. *Отсутствие полного совпадения между двумя языками и культурами вносит дополнительные трудности при переводе. Бурятский язык отличается следующими чертами: опущение главных членов предложения, частая замена существительных местоимениями, специфика гиперо-гипонимических отношений, каузативных глаголов, фоноэстетических слов; своеобразии парадигматико-синтагматических отношений, частотное использование причастий. Наблюдаются и сходные черты, например, грамматическое выражение завершенности / незавершенности действия. Для достижения эквивалентности можно использовать различные виды переводческих преобразований, например: лексико-грамматические замены, восстановление отсутствующих частей, изменение порядка слов, приемы конкретизации и генерализации, компенсации. Адекватными являются антонимические замены, синтаксическое уподобление, антонимический перевод, конверсивность, экспликация, компенсация, технические приемы перевода.*

Ключевые слова: *гипонимия, модуляция, уподобление, парадигматика / синтагматика, фоноэстетика, антонимический перевод, экспликация, компенсация.*

THE PECULIARITIES OF THE TRANSLATION TO ENGLISH OF THE BURYAT HEROIC EPIC “GESER”

Abstract. *Lack of full coincidence between the two languages and cultures made it quite hard to give an accurate translation of the epic. The Buryat language is noted for by the following features: omission of the main parts*

of the sentence: the subject, predicate, object. The nouns are too often substituted for by the pronouns. One can note a reverse order of words in Buryat sentences in contrast to English. Most peculiar are the paradigmatic and syntagmatic relations, phonoaesthetical words as well as the hyponymic relations, causation, the frequent use of the various kinds of particles. However there are some similar features that are lacking in the other languages. One could mention in this respect the grammar expression of completeness (Perfect) or incompleteness (Non-Perfect or Progressive) of the action which are typical of the two languages: Buryat and English. To achieve equivalence one might make use of some transformations like substitutions, addition of the lacking parts of speech, the change of the order of words, concretization and generalization, compensation. Sometimes of great use might be such transformations as antonymical substitution, conversives, syntactical likening.

Keywords: *hyponymy, modulation, likening, paradigmatic, syntagmatic, phonoaesthetic, antonymical, explication, compensation.*

Завершен перевод на английский язык бурятского эпоса о Гэсэре. Он выполнен по бурятско-русскому тексту варианта «Абай Гэсэр хубун», опубликованного в Москве в 1995 г. Он был осуществлен на основе рукописи, хранящейся в рукописном фонде ЦВРК ИМБТ, г. Улан-Удэ. Рукопись содержит эхирит-булагатский вариант бурятской версии эпоса «Гэсэр», записанного Ц. Жамцарано в 1906 году от бурятского сказителя Маншута Имегенова. Книга содержит бурятский текст, его перевод на русский язык, комментарии и научные статьи.

В настоящее время при изучении эпоса одним из наиболее приемлемых исследовательских методов может оказаться дискурсивный анализ. Дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает говорящего (автор или сказитель) и адресата (слушатель). Языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее акт создания определённого текста и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, образе жизни, установок и конкретных целей общающихся лиц. Эпос «Гэсэр» как особое дискурсивное явление отличается глубоким содержанием,

своеобразной композицией, колоритным языком, яркой образностью, богатством художественно-выразительных средств и чертами «высокого стиля». Первостепенную роль играют основополагающие идеи эпоса, иными словами, внелингвистический дискурс, раскрытию которого служат язык и стиль, образные средства, одним словом, лингвистический дискурс. В первую очередь, этно-исторический дискурсивный анализ помогает осмыслить истоки эпоса, вычленив те аспекты, которые играли наиболее существенную роль в возникновении и развитии произведения. В языковом дискурсе эпоса можно выделить литературоведческий аспект (тропы и фигуры), этнический аспект, представленный гипонимией, своеобразными связями парадигматики и синтагматики, историко-археологический аспект, выраженный в тюркско-тибетско-монгольско-бурятских связях. Идеино-содержательный, сюжетно-композиционный, эмоционально-образный дискурс эпоса представляет собой сложный конгломерат идей, содержания, мотивов и эпизодов, композиции, искусно воплощенных в языке, стиле, образных средствах. В числе традиционных семантических образных средств представлены тропы, которые являются частью речевых (коммуникативных) средств эпической образности, так как эпос представляет собой коммуникативное единство, как и любое другое художественное произведение. Очень значимым дискурсивным явлением в языке бурятского эпоса являются «общие места», которые переходят из одного сюжета в другой. Это - однотипные формулы-описания, которые обладают способностью изменяться, расширяться или сокращаться. Знания об окружающем мире актуализируются при помощи оперативной и долговременной памяти. При этом актуализация знаний носит избирательный характер, и, в конечном счете, активированная область знаний предстает как некий концепт, ментальный образ, отражающий процессы мыслительной деятельности, как квант знания, которым человек оперирует в процессе мышления. В основе современных исследований текста можно выделить функционально-семантический анализ как один из способов выяснения роли того или иного языкового средства в организации текста. Так, текст изучается как порождаемый и интерпретируемый языковой/речевой феномен, процесс/результат, обладающий свойствами коммуникативной системы высшего уровня. Здесь можно также упомянуть определение единиц (компонентов), составляющих текст, а также выявление, анализ и классификацию

основных текстовых категорий. При рассмотрении различных параметров как дифференциальных дискурсивных признаков появляется возможность охарактеризовать любой текст через различные наборы этих признаков. Адекватному пониманию текста помогает такой фактор, как объективное представление коммуникативного намерения адресанта. Не менее важен уровень способности у слушателей к распознаванию звуковых сигналов, поступающих от адресанта, а также мотивированность воспринимающей аудитории. Большое значение имеет способность слушателей интегрировать все виды информации, поступающие по различным каналам: ситуативную, эмоциональную, эстетическую и др.

Эпический текст конструируется на основе использования образно-ассоциативного дискурса, поэтому художественное слово оказывается понятийно чрезвычайно насыщенным и разветвленным. Это, естественно, создает некоторые трудности при переводе. При выполнении предпереводческого анализа была сделана попытка руководствоваться следующими правилами: большей степенью убедительности анализа; учетом национальных и историко-географических особенностей; необходимостью более или менее прозрачной трактовки понятий и образов. «Этого можно достичь, документируя сделанные интерпретации, а также предоставляя читателям доступ к эмпирическому материалу или, по крайней мере, воспроизводя длинные фрагменты при презентации анализа» [3. С. 282]. Пространство языковой деятельности перестает при этом восприниматься как некое целостное образование, семиотически локализуемое в системе трехмерных координат – «семантики, синтактики, прагматики» [5. С. 3]. Становится понятно, что это также и совокупность «альтернативных миров» и «языков в языке», «за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете, особый мир», в котором «действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет» [5. С. 44]. Язык является условием существования человеческого сознания. Чтобы дать адекватное описание речевой структуры текста, необходим учет разноаспектных критериев - экстра- и интралингвистических (дискурсивных) черт. Методы исследования ментальных миров, представленных различными видами дискурса, включают в себя также инструментарий лингвистического анализа.

При попытке осуществления адекватного перевода полезными могут оказаться переводческие трансформации [4]. В настоящей работе использованы следующие виды переводческих преобразований: лексические, лексико-семантические, грамматические, лексико-грамматические, синтактико-стилистические, а также технические приемы перевода. Остановимся на некоторых из них.

1. Лексические трансформации.

1.1. Транслитерация.

Транслитерированы имена собственные, например: Малзан Гурмэн – Malzan Gurmen; Дашин Шөөхөр – Dashin Shokhor; Заяан Саган - Zayan Sagan.

1.2. Калькирование.

Сажин – сажень – sazhen’; алаабхи - лавка – bench; Үйлэнсүй – улица – street.

2. Лексико-семантические трансформации.

2.1. Конкретизация и генерализация.

Орой дээрэм харыто - Сверху меня опекайте - From heavens take care of me. Орой дээрэм можно перевести «сверху», проведена смысловая конкретизация *from heavens* (с небес; волею божеств).

Урда ехэ ашаагаа Уряагшин түлхэн унагаабал, урда уулайн барагтай Оглойжо хэбтэбэл. Хойто ехэ ашаагаа Хойшон түлхэн унагаабал, Хойто уулайн барагтай Оглойжо хэбтэбэл - Передние вьюки большие Столкнул и свалил вправо [от коня], [свалившись], они возвышались, словно Южная гора; Задние вьюки большие Столкнул и свалил влево [от коня], [свалившись], они возвышались, словно Северная гора - The big front pack-loads He pushed and dumped them to the right of the horse, Having been thrown down they were heaping up like the southern hill, The back pack-loads He pushed and dumped to the left of the horse, Having been thrown they were heaping up like the northern hill. При переводе произведена конкретизация на основе дискурса содержания. Подчас вход в жилище располагался с южной стороны. Коновязь находилась перед жилищем, чуть в отдалении. Передние вьюки были сброшены вправо от головы коня и лежали на земле с южной стороны, задние вьюки были сброшены влево от хвоста коня и лежали с северной стороны. Вьюки были сброшены влево и вправо от коня. Можно было перевести и так: столкнул к югу, столкнул к северу, но вышеприведенный перевод, на наш взгляд, более релевантен.

Басагам – сынок - *sonnie*. В старые времена мальчиков иногда называли девочками – басаган, чтобы их по поверью не утащили злые духи, которые стремились расправиться с мальчиками как продолжателями рода и кормильцами семьи. Проведена смысловая конкретизация.

Уйхэн маһа ошоройш – Мимо лети – *Fly past [without hitting]*. Общезначный глагол ошохо (уйти, уехать) заменен глаголом с конкретным значением *fly* (лететь) (*fly past* – лететь мимо), то есть слово с родовым значением заменено словом с видовым значением.

Нажирай ехэ халуундал - Летом ... от сильного зноя - *From sultry summer heat*. Общезначное прилагательное ехэ (большой) переведено прилагательным с конкретным значением *sultry* (знойный), так как оно определяет слово “лето”.

Существуют лексические соответствия, такие как межъязыковая гипонимия (гипоним – от греч. *hupo* – под, внизу и *onoma* – имя) и гиперонимия (гипероним – от греч. *hyper* – над, сверх и *onoma* – имя). Это – термины для обозначения родо-видовых (видо-родовых) семантических отношений [8. С. 30-32]. Слово с родовым значением можно назвать гиперонимом, с видовым – гипонимом. Например, слово *һараана* - лилия представляет собой гипоним слова *сэсэг* - цветок. *Сэсэг* - цветок является гиперонимом таких слов, как *бадма сэсэг* - лотос, *линхобо сэсэг* - кувшинка и др. *Жэмэс* - ягода является гиперонимом по отношению к словам-гипонимам *алирһан* - брусника, *зэдэгэнэ* - земляника и др. *Ан амитан* (животные) – гипероним по отношению к словам-гипонимам *шоно* - волк, *хэрмэ(н)* - белка, *мори(н)* - конь и др. При переводе с одного языка на другой гипоним можно заменить гиперонимом. В бурятском языке распространены парные слова, образованные на основе гипонимии, например: *адуу мал* - домашний скот. Эти парные слова, образующие гипероним (домашний скот), объединены на основе гипонимических отношений, *адуу* означает кони, лошади; *мал* – крупный рогатый скот, то есть *адуу* и *мал* – это видовые обозначения. При их объединении в один комплекс получаем гипероним домашний скот (родовое обозначение).

Ан арата означает дикие звери. *Ан* – дикие животные, объекты охоты; *арата* – лисица, лиса, то есть, *ан* – это гипероним, иначе говоря, родовое обозначение, в то время как *арата* имеет видовое значение. Видо-родовой комплекс *ан арата* дает обобщенное значение дикие звери.

Слово *дэгэл* (*верхняя одежда*) соответствует приблизительно русскому *пальто*; *хубсага* – *одежда*. Сочетание их в рамках одной синтагмы *дэгэл хубсага* дает эффект собирательности, обобщения (разные виды одежды).

Үтэ шорголдон (*сэрэгудые*) – *множество (воинов)*. Видовые *үтэ* – *черви*, *шорголдон* – *муравьи* дают обобщающее собирательное значение множества, большого количества. Название видового понятия может быть заменено родовым именем или наоборот. Это обусловлено переводческой целесообразностью, направляемой предметной ситуацией, то есть гипо-гиперонимические соответствия характеризуются большой степенью сознательности выбора, осуществляемого переводчиком. Например, в английском языке более распространены родовые признаки, представленные словами с широким недифференцированным значением. Сравним английское и русское предложения: *Old birds are not to be caught with chaff.* – Старого воробья на мякине не проведешь. Здесь более широкое понятие *bird* передано частным, конкретным именем воробей.

В английском языке часто используются в качестве сказуемого такие широкозначные глаголы, как *be, have, get, take, give, make, do, come, go*. При переводе на русский язык и иногда на бурятский предпочтительнее использовать глаголы, обозначающие конкретные частные понятия: *There is a bird on the fence* – На заборе сидит птица – Хашаан дээрэ шбуун *һууна*. Английскому широкозначному глаголу *is* (находится) в русском и бурятском высказываниях соответствуют глаголы *сидит* и *һууна*, имеющие более узкое конкретное значение. В бурятском эпосе «Гэсэр» словам *гэшихүүлхэ* (заставлять идти), *галаюлха* (пускать лошадь медленным шагом) при переводе на русский язык может соответствовать слово направлять (коня): *Гэрхэхэн тээшэ гэшихүүлбэ, газар тээшэ галаюлба.* – К своему дому направил коня, на родину свою направил коня.

Итак, при переводе высказываний, в которых сказуемое выражено глаголом широкого значения, можно использовать прием конкретизации, то есть заменить понятие с расширенным значением понятием с более узким значением. Слова с видовым значением по отношению друг к другу можно назвать для краткости эквонимами. Например, «сын» и «дочь» по отношению к «ребенок» – это гипонимы. «Ребенок» по отношению к ним их гипероним. «Сын» и «дочь» по отношению друг к другу – это эквонимы или эквонимические слова. Приведем некоторые при-

меры гипонимов, гиперонимов и эквонимов. Гипонимы: Хадам хүрьгэн болобо. Тестем и зятем стали. Became a father-in-law and a son-in-law. Гиперонимы: Үри угы һууба. Не имел детей. Had no children. Үхибүү угы байба. Не было детей. Эквонимы: Басаган хүбүүн хоероо - Своих дочку и сына. Үбгэн һамган хоер - Муж и жена - The husband and the wife. Иногда гипоним и гипероним могут располагаться рядом. Хүбүүн түрэнэн үрье - Детей, рожденных мальчиками - The children born as boys. Здесь гипероним *үри* – ребенок, дитя употреблен в сочетании с гипонимами *хүбүүн* – мальчик, сын и *басаган* – девочка, дочь. Такое параллельное употребление разных слов с одним и тем же значением уточняет, усиливает смысл сказанного, а также подчеркивает отношение: родители-дети (parents-children). В противном случае можно было просто сказать *басагадуудые* (girls), *хүбүүдуудые* (boys) – девочек, мальчиков.

Во многих языках такие слова, как, например, внук, внучка, внуки в русском языке; grandson, granddaughter, grandchildren в английском языке, означают потомков как со стороны отца, так и матери. В бурятском языке обозначения таких родственников со стороны матери отличаются от таковых со стороны отца. Например, зээ – это внук, внучка (по материнской линии), зээ хүбүүн - внук от дочери, племянник по сестре. Аша – это внук, внучка (по отцовской линии), аша басаган - внучка (от сына), племянница (по брату). Аша хүбүүн – это внук (по мужской линии), племянник по брату. В бурятском языке отсутствует гипероним *родители*, выраженный одним словом, бытует собирательное понятие *аба эжи, эжы аба*, составленное из гипонимов *аба* – отец и *эжи* – мать, представителей двух отдельных родов. С гиперонимом *нагаса* связаны обозначения родственников по материнской линии: *нагаса аба* – дедушка (по матери), *нагаса ахай* – брат матери, дядя по материнской линии; *нагаса эжи* – бабушка по матери; *нагаса абгай* – сестра матери, тетя. По отцовской линии дедушка обозначается как *хүгшэн аба*, бабушка как *хүгшэн эжи*, дядя или брат отца *абга*, тетя по отцу как *абга эгшэ* (у восточных и унгинских бурят) или *абга эзы* (у западных и кабанских бурят).

2.2. Каузативы.

Понятие каузативности связано с причинно-следственными отношениями, а именно причиной, т. е. воздействием на определенный объект и следствием, т.е. ответным действием объекта. Приведем некоторые примеры дискурсивных свойств каузативных глаголов. Встречаются

глаголы со значением каузации изменения объектов, контакта субъектов, объектов, каузации движения и локализации объектов, отрицательного воздействия на объект. Каузативные глаголы могут выражать акциональное значение. Дискурсивной особенностью семантики глаголов волевого воздействия является обозначение желаемого, потенциального каузируемого действия, выраженного другой лексемой. Последняя может быть представлена в русском языке инфинитивом, а в бурятском – причастием, например: уговаривать выйти – *гарахыень аргадаха*. В бурятском языке есть специальные каузативные суффиксы, которых нет в большинстве других языков. Это следующие суффиксы – *-га (-го, -гэ)*, *-гаа (-гээ, -гоо, -гөө)* – *һэргээ, умтаргааха*; *-ха (-хэ, -хо)*, *-хаа (-хээ, -хоо)* – *үргэгдэхэ, -уул (-юул, -үүл)* – *оруулха, ойлгуулжа, бааюулжа, шэшэрүүлэн, шингишдүүлжэ, -лга (-лгэ, -лго)* – *хүүшэлгээжэ, һуулгаба, харайлгаба, байлгажа* [2]. Подобные специальные каузативные суффиксы в русском и английском языках отсутствуют, в них наличествуют каузативные слова

2.3. Модуляция.

Рассмотрим переводеское преобразование, известное как «модуляция», которое можно иначе назвать смысловым развитием или целостным преобразованием.

Мэдэн сайндаа мэдэбэ, Ухаан сайндаа ойлгобо – Ясным разумом понял, Острым умом распознал. - Got it clear in his mind and sensed it far too well. Был возможен и другой вариант перевода: «Understood it in his mind, Sensed it far too well». Можно было перевести и другим способом, например: Got it clear by his wits, чтобы передать смысловой уровень высказывания. Но вариант перевода, которому отдано предпочтение, ближе «духу» (В. Гумбольдт) английского языка. Он отражает тот факт, что герой «понял» ситуацию не благодаря визуальной картине, а своим «внутренним оком», так как он обладал сверхсенсорными способностями, даром «ясновидения».

2.4. Лексико-семантические соответствия.

Хүнжүл - одеяло - fur blanket При переводе добавлено слово fur - меховое, чтобы можно было отличить от тонкого суконного, шерстяного или стеганого одеяла. На это наводят слова *мягкое как печень*, такое одеяло шили из меха соболя, овчины.

Хаяха ла хөөхэн танай Энэ байна - Вот перед вами тот, кто сбросил (ту нечисть) - Here's the girl who threw down [that]. Слово *хүүхэн* (девочка, девушка) могло быть заменено неопределенно-личным местоимением *the one* (тот, кто) в функции заместителя имени существительного, что вполне допустимо. Но сохранение прямого значения слова *хүүхэн* (девочка, девушка) более адекватно, так как не изменяет сказительский текст. В старину мальчиков и юношей у бурят называли *хүүхэн*, *басаган* (девочка, девушка), чтобы сбить с толку злые силы, которые, по поверью, могли забрать души детей мужского пола, т.е. продолжателей рода.

Абай Гэсэр хүбүүн – Абай Гэсэр Могучий – Abai Geser the Mighty. *Абай* переводится как *батушка, матушка, милый, почтенный* [6. С. 19]. Это – уважительная форма обращения. Происхождение имени “Гэсэр” трактуется исследователями по-разному. Слово *хүбүүн* имеет много значений, например, *сын, мальчик, парень, молодой человек, храбрец, удалец, предводитель* и др. Д.А. Бурчина и А.Б. Соктоев в “Комментариях” к переводу эпоса “Абай Гэсэр Хүбүүн” на русский язык пишут: “В тех случаях, когда в эпосе речь идет о Гэсэре в младенческом возрасте, мы переводим слово *хүбүүн* как *дитя* или *малыш*. Когда он мужает и превращается в могучего исполина-богатыря (по народным представлениям, Гэсэр – сильнейший среди всех богатырей), слово *хүбүүн* обретает дополнительный смысловой оттенок, дающий право переводить его как *могучий*: *Абай Гэсэр Могучий*. Поскольку в публикуемом варианте М. Имегенова главный герой Гэсэр - не хан и не тэнгриий, а сын тэнгрия и не просто богатырь, но и единственный в своем роде могучий герой, то *хүбүүн* определяет также превосходные качества героя [1. С. 424]. Исходя из этого *хүбүүн* переведено на английский язык как *mighty* – *могучий*.

3. Грамматические трансформации.

3.1. Синтаксическое уподобление.

Харанһаан хальтаржи хүрээдэжэ байба ла, Алта мүнгүн хэрэнси лэн дээрээ Харанхалан унабал даа – Отпрянул [с испугу] И упал без чувств На крыльцо злато-серебряное – Having slipped at what he saw he recoiled back And on the golden and silver porch fell down unconscious. Здесь мы наблюдаем неполное синтаксическое уподобление, так как слова *харанһаан хальтаржи* означают *от увиденного поскользнувшись*. Мы перевели «Having slipped at what he saw...» – *Поскользнувшись, когда он увидел...»*.

3.2. Грамматические замены.

Замена причастия именем существительным или глаголом.

Хубилжа ебэлжэ гарахан юмэ - Уродом родился - He was born a charmed freak. *Хубилжа елбэжэ* означает *переродившись*, но поскольку здесь присутствует слово *ебэлжэ*, связанное с парным словом *аб жэб - чары, магическая сила, волшебство*, то при переводе добавлено слово *charmed* - зачарованный, заговоренный к имени существительному *freak* - урод (появившийся как каприз или причуда природы).

Рассмотрим другие виды грамматических замен. Гэрхэн дээрэ ерхэдэ - Когда [он] вернулся домой - He was back home. Ерхэдэ - причастие прошедшего времени (приехал). После него в переводе напрашивается уточнение: он увидел. Чтобы избежать этого, причастный оборот Гэрхэн дээрэ ерхэдэ заменяется простым нераспространенным предложением He was back home (он вернулся домой).

...гэжэ Табиһалан бизэбди - С тем [ведь] и отправили, кажется - With that we sent you down, didn't we?

Бизэбди (бизэ) - эта частица подтверждения в разговорном стиле, которая переводится на русский язык “ведь, конечно, не так ли”, а на английский язык можно перевести посредством расчлененного (разделительного) вопроса (tag question), поэтому перевод звучит следующим образом, “With that we sent you down, didn't we?”

һарадаа хүрэн һаглайба, Елдээ хүрэн ерхэйжэ ерэбэ - Наступил её месяц - пополнила она, наступил ее срок - округлилась она - Her month having approached, she became thick, Her time having approached, she became stout. Деепричастные обороты *һарадаа хүрэн* и *елдээ хүрэн* переведены абсолютным (независимым) причастным оборотом *her month having approached* и *her time having approached*. Таким образом, проведена структурная трансформация.

Шашхажа уйлажа ошобо - Заплакал он, заревел - He burst out crying and howling. Переход из одного состояния в другое в оригинале выражен словом *ошобо*, в английском эквиваленте это выражено посредством слова *burst* с послелогом *out* и последующим герундием. В русском языке этот переход осуществляется посредством постановки приставки *-за* перед основой глагола.

Худал андайн ороһо юмэ - Нас с тобой однажды сосватали - ... had us engaged one day. Выражение из оригинала *худал андайн ороһо юмэ*

переведено при использовании английского сложного подлежащего (Complex Subject или Nominative with the Infinitive). В этой синтаксической конструкции употреблен каузативный глагол *have* со значением в данном случае *сделать так, что; добиться того, чтобы ...* и инфинитива *to be engaged* (быть сосватанными), в котором опущен вспомогательный глагол *to be*.

Ара гэрэн баруун хани урайгша Хаана ханхан харгуяар Ханхилзаса дугшуулба - На юго-запад от дома Рысцою пустился, [снаряженьем] звеня, По богатырской славной дороге - To the south - west of his home He rode at a trot, his weapons clinking, Along the bogatur good road. Выражение ханхилзаса дугшуулба - *rode at a trot, his weapons clinking* переведено при использовании абсолютного (независимого) причастного оборота *his weapons clinking*, а также проведена конкретизация, т.е. добавлено слово “доспехи”. “Абархагуй яаха” можно перевести на английский язык: “We cannot but save him?!” - “Мы не можем не спасти его”. *Бэди абархуй яаха хэмди* можно перевести: “How can it be that we won't save him?!” - “Как же его не спасти” или “Как может случиться, что мы не спасем его”. В обоих случаях произведена грамматическая трансформация, т.е. проведена структурная замена.

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ Алдалажа унаба, Алхалажа хэбтэбэл - Абай Гэсэр Могучий Навзничь упал, Руки и ноги раскинув - Abai Geser the Mighty fell on his back, with his hands and legs to different sides. Выражение *алхалажа хэбтэбэл* переведено абсолютным причастным оборотом: *with his hands and legs to different sides* (а руки и ноги были раскинуты в стороны), обозначающим непреднамеренное попутное действие - состояние. В абсолютном причастном обороте опущены слова *being stretched* перед *to different sides*.

Амалша үгээ юмэй хая мүнөө амалба байна ла, Хэлши үгээ юүмэйи хая мүнөө хэлэбэ ла! - Неизрекаемое только что Он изрек, Непроизносимое только что Он произнес - What cannot be uttered He has just uttered, What cannot be pronounced He has just pronounced. Выражения *Амалша үгээ юмэй* и *Хэлши үгээ юмэй*, переданные посредством причастных оборотов, переведены придаточным предложением, сохраняющим смысл оригинальных текстовых фрагментов, а именно: *What cannot be uttered* (то, что нельзя изречь, или неизрекаемое) и *What cannot be pronounced* (то, что нельзя произнести, или произносимое).

Гуули шара собоорым голторуулан орхихонхьям! - Осквернят [ведь они] мой Бронзово-желтый собор - They'll desecrate the bronze-yellow cathedral of mine, won't they? Предложение переведено разъединительным (расчлененным) вопросом (a tail or a tag question), которое передает его смысл: Ведь они осквернят мой бронзово-желтый собор, не так ли?!

3.3. Номинализация.

Үлгүн үндүр хоёри - За высью [небесной] и ширью [земной] - Both the [high] sky and the [wide] Earth. В оригинале *үлгүн* (широкий) и *үндүр* (высокий) являются прилагательными, в данном конкретном случае они субстантивизированы и означают земля и небо соответственно, но все же они изначально являются именами прилагательными. На языке перевода они трансформированы в имена существительные: sky и earth с соответствующими определениями high (высокий) и wide (широкий), что не искажает смысла, тем более что они обособлены квадратными скобками.

Хүригэлхэжэ ерээлби - отсутствует - I came as a bridegroom. Хүригэлхэжэ (от хүргэ(н) - зять) означает “прибыть женихом”, так как сватовство уже состоялось, когда дети еще были маленькими.

4. Лексико-грамматические трансформации.

4.1. Антонимический перевод. Конверсивы.

Энэ хайхан хүүриимни Орхихогүй хадаа, переведенные на русский язык как «Если вы не отступитесь От моих заветных слов», где произведена перестановка строк, но сохранен смысл, на английский язык переведены следующим образом: If you follow These cherished words of mine, где осуществлен антонимический перевод, то есть вместо слова орхихогүй - буквально: не бросишь, употреблен его антоним follow – следовать, блюсти. Это вполне правомерно. Другие слова в отрицательной форме, например: throw – бросать; break – ломать, нарушать; leave- оставлять, покидать, уезжать; abandon – оставлять, забросить, отказываться (от идеи) не подходят по смыслу. Есть и другие глаголы, как, например, give up, но и он не передает соответствующий смысл, так как закрадывается совершенно иное понимание: переставать, прекращать, например: to give up smoking – бросать курить.

Ф.Р. Палмер [9. С. 55] пишет, что имеются пары глаголов, связанных друг с другом конверсивными (конверсивными) отношениями, например, продавать / покупать; давать займы / брать займы; брать в аренду /

отдавать в аренду; владеть / принадлежать; давать / получать. Имеются также подобные пары существительных, например, муж / жена; жених / невеста; родитель / ребенок; должник / кредитор. Сюда же можно отнести ряд слов, обозначающих взаиморасположение в пространстве: сверху / снизу; спереди / сзади; к северу от / к югу от и т.д. В грамматике также различается оппозиция в рамках активного и пассивного залога, так, если А ударил В, то В был ударен А. Такие отношения подчас рассматриваются в аспекте симметричности, переходности (транзитивности) и возвратности (рефлексивности). Отношения являются симметрическими, если симметрия взаимонаправлена. Если мы имеем а и b и отношение между ними R, тогда а R b подразумевает b R а, например, слово *кузен*: если Билл кузен Фреда, то Фред - кузен Билла. Также можно говорить о переходности, иными словами, если а R b и b R с, то это подразумевает, что а R с. Таким образом, многие слова, обозначающие пространственные отношения, являются переходными, или транзитивными: если Джон находится перед Гарри, а Гарри находится перед Биллом, то Джон также находится перед Биллом. То же самое справедливо для слов *позади, сверху, снизу, к северу от, к югу от, внутри*. Это не относится к слову *напротив*, которое является симметрическим, то есть если А находится напротив В, то В находится напротив А, но не транзитивно. Далее, отношение является рефлексивным (возвратным), если оно соотносит нечто с самим собой, то есть а R а. Это можно рассмотреть на примере слов *равный* и *быть похожим на (напоминать)*: 4 равно 4 или Джон похож на себя. Эти слова являются симметрическими и транзитивными.

При рассмотрении реляционных противочленов Ф.Р. Палмер уделяет особое внимание терминам родства. Многие из них указывают не только на родство, но и пол человека. Так, отец – это родитель мужского рода, дочь – ребенок женского рода и т. д. Это делает невозможным отношение возвратности, поскольку, если сказать, что Джон является отцом Сэма, то это не значит, что Сэм является сыном Джона, так как Сэм может быть его дочерью. Следовательно, мы имеем пары, указывающие на родство, но разный пол: отец/мать, сын/дочь, дядя/тетя, племянник/племянница. Есть также пары слов, которые были бы симметрическими, если бы не указание на их пол. Иллюстрацией этому являются слова брат и сестра. Если Джон является братом Сэма, то это не значит, что Сэм является братом Джона, так как она может быть его сестрой.

Лишь небольшое количество терминов родства не указывает на пол, например, *родитель* и *ребенок* или термины родства в бурятском языке *аша* (внук, внучка по отцовской линии), *зээ* (внук, внучка по материнской линии). В этом плане русский и бурятский языки демонстрируют большую языковую дискретность по сравнению с английским. Например, в английском языке слово *spouse* обозначает и жену, и мужа, которые являются симметрическими (*husband / wife*). Слово *sibling* обозначает и брата, и сестру, которые являются симметрическими (*brother / sister*), то есть они не указывают на половую принадлежность. Термины *spouse*, *sibling* употребляются в более выраженном социально-антропологическом аспекте. Подобное не наблюдается в русском языке, в котором есть указание на различие: *супруг/супруга*, *брат/сестра*.

В английском языке нет обобщающего термина для *uncle/aunt* (дядя/тетя), *nephew/niece* (племянник/племянница). Понятие жениться/выходить замуж может быть обозначено одним словом *гэрлэхэ* в бурятском языке (хотя есть и отдельные выражения). В английском языке это понятие выражается с помощью активного и пассивного залога глагола *marry* (жениться, выходить замуж): *John marries Mary*, но *Mary is married to John*. Во многих языках отсутствует аналог английскому симметрическому термину *cousin*, который означает как двоюродный брат, так и двоюродная сестра, поскольку в них отсутствует указание на половую принадлежность или линию родства, а это имело определенное значение в свое время в родственных отношениях у некоторых народов, как, например, у бурятского.

Наблюдаются также и другие особенности, например, отношение *брат / сестра* в некоторых языках различается не только по половому признаку, но и по степени старшинства в семье: *elder sister / younger sister*, *elder brother / younger brother*, старшая сестра / младшая сестра, старший брат / младший брат, *аха / дуу хубуун*, *эгшэ / дуу басаган*. Имеются также некоторые другие термины, которые нельзя назвать реляционными противочленами в строгом смысле этого слова, но которые, тем не менее, различаются в пространственном отношении.

Наиболее интересная пара с точки зрения английского языка – это глаголы *come* (приходить, подходить) и *go* (ходить, уходить). Глагол *come* более ограничен, чем *go* в том смысле, что он обозначает движение по направлению к говорящему или слушающему. Во-первых, он обозначает

движение по направлению к говорящему или слушающему, как, например, в таких высказываниях: *Come to me* [Подойди (приходи) ко мне], *I'll come to you* [Я приду (приеду) к тебе]. Во-вторых, он также употребляется для обозначения движения к говорящему или слушающему в момент действия либо в прошлом, либо в будущем (так же, как и в настоящем): *He came to me in London* (Он пришел ко мне в Лондоне), *I'll come to see you in Paris (when you get there)* [Я приду навестить тебя в Париже (когда ты будешь там)]. В-третьих, он используется для обозначения движения по направлению к месту, где обычно находится говорящий или слушающий, даже если он сам не находится там в данный момент, например: *Come to my office (though I shan't be there)* [Приходи ко мне в офис (хотя меня там не будет)], *I came to your house (but you were out)* [Я приходил к тебе домой (но тебя не было)]. В этом третьем случае *go* также возможно: *Go to my office* (Иди ко мне в офис), *I went to your house* (Я ходил к тебе домой). Более того, если имеется в виду движение от места нахождения, то *go* будет звучать более естественно. Вряд ли можно сказать: *Come to my office immediately*, если человек, к которому я обращаюсь, находится вместе со мной в другом месте, а не в моем офисе, поскольку движение направлено явно от меня, а не ко мне. Подобным же образом нельзя сказать: *He left you at his house and came to you* (Он оставил вас у себя и пришел к вам), поскольку движение направлено от соответствующего человека. Если отсутствует указание на местонахождение в данный момент говорящего или слушающего, то можно употребить глагол *go* (идти). *Come* и *go* не единственная пара глаголов с такими характеристиками. Глаголы *bring* (приносить) и *take* (брать, взять) функционируют точно так же.

Есть и другие пары слов, которые связаны друг с другом подобными отношениями. Так, глагол *ask* (спрашивать, задавать вопрос) связан с глаголом *reply* (отвечать), а глагол *offer* (предлагать) с глаголом *accept* (принимать). Они не являются реляционными противочленами, они показывают временные отношения. Более того, отношение между членами каждой пары неодинаково. *Ask* и *offer* могут “ожидать” *reply* и *accept*, но “ожидание” может не реализоваться, можно не получить ответа или согласия принять предложение [хотя слово *offer* (предложение, предлагать) может предполагать ответную реакцию в виде *refuse* (отказ, отказываться)]. Но, с другой стороны, *reply* и *accept* также могут пред-

полагать, что предварительно был факт наличия вопроса (asking) или предложения (giving, offering), это – естественный результат временных отношений. Истинные градуируемые антонимы можно рассматривать в контексте реляционных оппозиций, в частности, например, wide (широкий) можно рассматривать как wider (шире), и если а шире, чем b, то b уже, чем а. Формы сравнительной степени wider и narrower (явно градуируемые формы) являются реляционными противочленами, более того, они транзитивны (если а шире, чем b, а b шире, чем с, то а шире, чем с), но они не симметричны или рефлексивны. Отметим, однако, что такой же широкий как, такой же узкий как являются симметрическими, транзитивными и рефлексивными.

В языке бурятского эпоса о Гэсэре прослеживается ряд слов, связанных с положением в пространстве. Они демонстрируют реляционную оппозицию: вверх (дээшэ) / вниз (доошо); вверх(у) (оодо) / внизу (урууга); спереди (урдань) / сзади (хойнонь); нижний (додан) / верхний (дээдын); к северу (ара) / к югу (убэр); влево (зүүн тэшээ) / вправо (баруун ташаа); внутри (дотор) / снаружи (гадар) и т.д. Представлены также такие оппозиции, как родитель (аба) / ребенок (ухибуун); бабушка (убгэн,баабай) / внук (аша) по мужской линии; дядя (абга) / племянник (аша (по брату); уходить (уезжать) (ошохо) / приходиться (приезжать) (ерэхэ); давать (угэхэ) / брать (абаха). Реляционные противочлены, или конверсивы, в бурятском языке также характеризуются в отличие от антонимов симметричностью, транзитивностью (переходностью) и рефлексивностью (возвратностью). Они способствуют раскрытию противоречивой сущности предметов; яркой экспрессии; усиливают эмоциональность речи. Ниже приведены примеры с конверсивами: вправо / влево, сзади / спереди, вверх / вниз, которые образно передают ощущение большого пространства, всеохватности его по горизонтали и по вертикали. Баруун ташаа эрьюлжэ, Баруунай тайга хабаба; Зуун ташаа эрьюлжэ, Зуунай тайга хабаба. - Повернул вправо, По тайге, что справа была, ударил, Крутанул влево, По тайге, что слева была, ударил. - Turned right and stroke On the trees to the right, Rolled to the left and stroke On the trees to the left.

Речевая избыточность выполняет конструктивную функцию - служит средством актуализации понятия, на которое автор хотел бы обратить особое внимание, показывают полноту охвата явлений, вовлеченность многих явлений, порой сложность осуществления действия.

4.2. Экспликация.

Яхан ухан хоёрын - Кости (вода), не сгоревшие - The bones that had not been burnt up. Яхан ухан - дословно: кости вода. Это - парные слова с обобщающим значением кости и тем, что остается от них после горения: пепел, зола. При переводе проведена конкретизация: that had not been burned up - не сгоревшие полностью. В английском языке отсутствуют парные или другие слова, полностью эквивалентные словам *яхан ухан*, которые имеют внутренний смысл независимо от внешней формы словосочетания. Здесь можно вспомнить слова В. Гумбольдта о том, что язык есть “дух” народа. Действительно, носителю другой языковой культуры трудно сразу понять (без объяснения) смысл парных слов яхан ухан (кости вода), ведь воды там нет, а есть то, что осталось после горения, но у бурята это не вызывает ни малейшей доли сомнения, он так “мыслит” и говорит.

4.3. Компенсация.

Дархигтуйн далан улаан түгсэг гээшэ, Узуурааран булгараа, Үзүүрээрэн хухараа ... Яахуйн яахаар ядаабди! - Семьдесят могучих пней в буреломном лесу С корнями выворотились, В верхней части своей обломились [Пробовали] и так и этак - не смогли! - Seventy big stumps in the fallen wood Got wrenched out of their roots, Got broken in their upper part. We tried this way and the other - but failed! Выражение яахуйн яахаар ядаабди очень своеобразно и характерно лишь для бурятского языка, поэтому осуществлена замена непередаваемого колорита подлинника соответствующими средствами английского языка, хотя переводческая потеря здесь невозможна в силу специфики бурятского языка, но можно минимизировать потерю соответствующей компенсацией и перевести это выражение следующим образом: We tried this way and the other - but failed. Улаан (красный) обладает в определенных предметных ситуациях коннотативным значением - сильный, здоровый, могучий. Здесь в отношении пня в лесу, далее развив значение этого слова, можно сказать *большой, огромный (big)*.

Баян хүйхэр; үнур хүйхэр - [еще] богаче, еще больше - far more rich, far more numerous. Здесь в оригинале представлены элементы, которые трудно передать на английском языке без изменений. Баян хүйхэр и үнур хүйхэр - образные устойчивые сочетания, присущие бурятскому языку. При переводе неизбежны потери, которые можно частично компенсиро-

вать и сохранить общий смысл, как это и сделано: добавлены слова *far more* (гораздо более), усиливающие значение определений.

Тэрэ гэлэй – Так, говорят, это было – That’s how it was, they say. *Тэрэ* переводится *то, гэлэй* - говорят. Смысл передается с помощью компенсации в виде добавления дополнительных элементов: how it was – как это было.

5. Синтактико-стилистические средства.

5.1. Парадигматико-синтагматические отношения в языке эпоса.

Парадигматические отношения подразумевают отношения противопоставленности языковых элементов по принципу «ИЛИ – ИЛИ». Синтагматические отношения – это отношения сочетаемости элементов одного уровня в речевой цепи. Логической формулой синтагматических отношений является формула «И - И», т.е. и один элемент, и другой элемент следуют один за другим, образуя цепь элементов. Синтагматика представляет собой последовательность единиц уровня в речи, парадигматика – группировку единиц уровня в классы на основе оппозиции единиц по дифференциальным признакам. Это типично для большинства европейских языков.

Например, в предложении «Мы идем в институт» наблюдается синтагматическая последовательность, т.е. одно слово следует за другим в рамках одной синтагмы, наблюдается горизонтальная протяженность единиц речи. Мы не можем сказать: «Я, ты, он, мы иду в институт». Здесь в синтагматической последовательности возможно лишь одно, а именно: Мы идем в институт. В парадигматической последовательности слова выстраиваются вертикально:

Я (иду в институт).

Ты (идешь в институт).

Это явление по-иному представлено в синтактико-стилистическом дискурсе бурятского языка. Речь идет о таких конструкциях, где группа словоформ одного слова, например, глагола *ябаха* (ходить, идти, ехать) с разными категориальными значениями дана в синтагматической последовательности, что противоречит устоявшейся в европейских языках традиционной модели. Оборот *Яба ябаһаар ябажа*, состоящий из глагола в повелительном наклонении *яба* (иди), продолжительного деепричастия *ябаһаар* (*идя, шагая*), глагола в настоящем времени *ябажа* означает действие в процессе. Здесь мы видим в рамках одной синтагмы

один глагол «ябаха» с его словоформами «яба», «ябаһаар», «ябажа». Но исходный глагол – один и тот же. Парадигматические последовательности в большинстве языков означают отношения в плане или...или, т.е. не могут встречаться в рамках одного отрезка высказывания или синтагмы, т.е. в плане и...и. В приведенном выше примере из текста бурятского эпоса переплетаются парадигматико-синтагматические связи, мы наблюдаем определенный парадигматический ряд слова ябаха в пределах одной синтагмы, что совершенно уникально. Такое расположение разных словоформ одного слова придает высказыванию эмоциональную окрашенность: Здесь дан приблизительный перевод, передающий смысл, но не форму высказывания, так как близкий к оригиналу перевод на русский язык будет представлять бессмысленный набор слов. Соположение различных словоформ одного и того же глагола в синтагматической последовательности (в пределах одной синтагмы, в горизонтальной плоскости) в других мировых языках не встречается [8]. Исходя из вышеизложенного раздел о парадигматико-синтагматических отношениях в общем языкознании должен быть изложен по-новому, т.е. с учетом того, как представлен этот феномен в монгольских языках.

Мы наблюдаем также и синтаксический параллелизм, соположение одинаково оформленных в синтаксическом плане фраз. Подобные словосочетания типичны для бурятского языка. Именно наличие таких рекуррентных формул, речевых образцов, по подобию которых можно конструировать бесконечное множество строф с использованием словоформ слов или категориальных единиц парадигматического ряда в синтагматической последовательности, делает фольклорные произведения монгольских народов мнемонически обусловленными, они действительно легко запоминаются или легко замещаются соответствующими субститутами. Это - одна из причин больших размеров эпических произведений и условие сохранения их в народной памяти, их преемственность. Тщательное знакомство с подобными лексико-синтаксическими конструкциями позволяет сделать вывод о том, что они могут включать в себя две или три словоформы одного слова. В эпосе представлены двучленные и трехчленные синтагмы.

Подобные выражения можно объединить в группы по смыслу и форме образования. Выделено несколько подобных групп, среди которых наиболее многочисленной или продуктивной является группа, ском-

понованная по признаку интенсивности действия. Затем идет группа, в которой главным признаком является способ образования, а именно, сочетание «имя существительное + глагол». Третье место занимают фразы, в которых отражена целенаправленность, настоятельность осуществления действия. Многочисленны выражения, обозначающие качество, степень и образ действия. Своеобразны модели, построенные на идиоматической основе, а также таковые, отмечающие определение действия, уточнение его характера. Очень эффектна группа, объединяющая фразы, имеющие в своей основе звукоподражательный комплекс, повтор, парные слова. Менее редки синтагмы, а также таковые, содержащие комплексы с отрицательной формой глагола. Изредка встречаются словосочетания, показывающие длительность действия, его непрекращающийся характер, постепенность или материал, из которого сделан объект действия. В группе, отражающей интенсивность действия, употребляется лексико-синтаксическая конструкция, состоящая главным образом из причастия в родительном падеже, наречия, глагола в прошедшем времени или соединительного деепричастия. Фразы, построенные по приведенным выше моделям, делают речь более эмоционально окрашенной и выразительной. В группе, скомпонованной по способу образования, объединены фразы, состоящие из сочетания «существительное + глагол», например: *хайн ханаа ханаалжа, хайхан зугаа зугаалжа* - хорошие думы думая, дружелюбно беседуя. В бурятском языке функция подобных словосочетаний - ритмико-синтаксическая и усилительная. В эпосе встречаются фразы, отражающие целенаправленность, настоятельность осуществления действия, его ритмичность. К выражениям, обозначающим интенсивность действия, тесно примыкают выражения, обозначающие качество, степень и образ действия. Особое место занимают тавтологизированные сочетания на идиоматической основе. Нередки синтагмы, состоящие из словоформ одного слова, в которых одна из словоформ является определением другой, например: *ябаһан ябадал* - прожитая жизнь, приключившиеся дела. Также встречаются словосочетания, составленные на звукоизобразительной основе: *хэб-хэб* - звук, который напоминает дуновение ветра. Парадигматико-синтагматические отношения в большинстве языков не допускают расположения рядом разных словоформ одного и того же глагола, то есть соположение однокоренных слов в пределах одной синтагмы или тесно связанных между

собой строк. Бурятский язык едва не единственный, который не подчиняется этому правилу. Как показывает Гэсэриада, две, три словоформы одного корня могут быть расположены в близком соседстве, в пределах одной синтагмы. Можно отметить, что творчество возникает подчас вне логического рационального начала. Оно может возникать на уровне правополушарного эмоционально-чувственного начала, которое вступает в противоречие с установившимися логическими моделями.

6. Фоноэстетика и фоноэстетические слова.

В бурятском эпосе обнаружено явление фоноэстетики и фоноэстетических слов. С помощью фоноэстетических слов в бурятском эпосе создаются картины яркой образности. В английском языке также встречаются фонэстетические (phonaesthetic) слова, в которых определенное сочетание согласных даёт представление о его значении. Например, слова, начинающиеся с «sl» - slippery, slide, slip, slither, slush, sludge (скользкий, скольжение, скользить, слякоть, грязь, плавающий лед) можно объединить в группу с одним значением «скользкий» [9. С. 31]. В бурятском языке наблюдается подобное явление [8], например: *Ута һайхан жологоо Хүбэ татан абажа*. В бурятском языке есть глагол *хүбэлзэхэ* – колыхаться, а также прилагательное *хүбэдзэмэ* – колыхающийся. *Хүбэ* можно перевести в зависимости от контекста как «всколыхнув, тряхнув, дернув». Вышеприведенные строки можно перевести следующим образом: Свои длинные славные вожжи Дернув вверх и вниз.

В следующем выражении обрисованы вороны, которые представлены отрицательными персонажами. *Түмэр хушуу хушуулжа, Түмэр һабар һабарлажа* – Вытянув свой железный клюв, Поцарапывая железными когтями. Здесь слоги *тү, хү, һа* и звуки *т, х, һ, р*, много раз повторенные на протяжении небольшого отрезка высказывания, помогают созданию агрессивного образа атакующего врага. Перечисленные звуки в контексте данного отрезка высказывания относятся к разряду явно неприятных. Сюда примыкает сочетание звуков *һ-х-р*, создающее аналогичный эффект неприятных обстоятельств.

Звук *ш*, в основном, передает шумовой эффект: *Шууясар яасар һорожо*. С шумом-свистом Втягивая в себя дым Из трубки. Шурхирса ласа үлежэ. С шумом-свистом Выдыхал дым. В эпосе встречаются звукоизобразительные слова: *баг-баг, татаг-татаг, ян-хан, яб-хан*.

Алаг эрээн зүрхэнийнх Баг-баг гэбэ. Его пестрое [т.е. злое] сердце Быстро-быстро застучало. Борьбынь сагаан шандааһан Тагаг-татаг гэбэ. Мышцы его голени Судорожно дернулись. Булад түмэрэй барагтай Янхан гэлдэжэ байба, Буха шулуунай барагтай Яб-хаб гэлдэжэ байба. Как сталь Зазвенели, Как валуны Загрохотали гулко.

Так, в эпосе нередко используются фоноэстетические слова и выражения. Сочетания определенных звуков помогают понять общий дискурсивный элемент смысла слов с определенной последовательностью фоном. Явление фоноэстетики помогает иногда догадаться о значении тех или иных слов или словосочетаний без помощи словаря.

7. Технические приемы перевода.

7.1. Прием перемещения лексических единиц.

Табин табан тэнгэри – Пятьдесят пять тенгэриев - *tengris five and fifty*. В английском языке допустима такая перестановка, здесь она использована также и с целью ритмизации и построения уподобления.

Гарахаһан урид ла Юһэ хоног урид лэ Гараһанаа яахамним гэжэ, Дайлал-дахаһаа урид ла Арабан найман хоног Гараһанаа яахамним! - Что поделаешь, если я появился [на свет] раньше [срока] на девять суток, Раньше [срока] родился я? Что поделаешь, если я появился [на свет] Раньше [намеченного срока] сражения На восемнадцать суток? – *Nothing to do for I was born Nine days earlier than I was to, I was born earlier than it was my time. Nothing to do for I was born Eighteen days earlier than the time of the battle.*

Фраза «Гараһанаа яахамним» (что поделаешь, если родился...) вынесена дважды в начальное положение. Во втором периоде также вперед вынесены слова «дайлалдахаһаа урид ла» (раньше срока битвы). Эти перестановки фраз произведены в соответствии с фиксированным порядком слов в языке перевода.

Эритэйхэн юмэдэ Даагдахагүй үдэхэ, Эрэхитэй юмэндэ Диилүүлэхэгүй үдэхэ, Эрэхитэй юмэндэ Диилүүлэхэгүй түрэхэл даа! – Пусть растет – имеющие острое Его не победят, Пусть растет – имеющие лук Его не сразят! – *He will grow up, With those having the sharp Not winning him over, He will be born, With those having an arrow Not hitting him ever!* Произведена внутрисконструктурная перестановка, а именно, на первое место вынесены подлежащее и сказуемое в соответствии

со строим английского предложения. Более или менее пословный перевод звучал бы так: *By those having the sharp being not won over [he] will grow up? By those having a skilful thumb being not hit ever [he will be born].* Но вряд ли можно сказать с полной уверенностью, что этот вариант лучше в стилистическом отношении, а также с точки зрения порядка слов в английском предложении. Рассмотрим некоторые примеры инверсии, т.е. перемещения элементов предложения в рамках актуального членения предложения, иначе говоря, рематематических отношений. Минии гуурхайе барижа Зураха тэрэ амида шини Хэзээнээ шэнээтээ болооб? - Когда же поднабрался силенок Тот бедняга, чтоб мое маховое перо Держать и писать им? - *When has that creature got strength enough My fly -feather to hold and write with?* В этом разделе мы не рассматриваем обычный порядок слов, характерный для бурятского языка и отличающийся в этом аспекте от русского и английского. Мы анализируем лишь те случаи, когда в рамках английского предложения используется инвертированный порядок слов с целью ритмизации, уподобления. В переводном языке в данном случае использована инверсия, то есть дополнение “*my fly-feather*” находится перед глаголом, к которому относится, то есть перед “*got strength enough*”, что делает речь плавной и ритмически организованной.

7.2. Прием лексических добавлений.

Уттэр түргэн арилгыш! – Поскорее очисти [землю] – *Be quick and clean [the Earth].* Добавлено уточняющее слово *the Earth* (земля), выполняющее функцию дополнения. Гэртэ лэ хэбтэнэ – Тэрээни лэ оруулагтуй! – Дома лежит. Его посылайте! - *Is lying home [just in cradle]. Send him [and that’s just it].* Добавлены уточняющие слова «*just in cradle*» – в колыбели, а также фраза «*and that’s just it!*» - «и вот и все!», чтобы компенсировать пафосное «оруюлагтуй».

7.3. Прием опущения элементов.

Эхээ хоёр хүхэ хүхэшэ Унтана бэлэл даа. Углөөни Үдэйн шарга нарани Үрөөлүөө үдүйдэ Бодон харан байба ла - Пососав материнскую грудь, Тут же малыш уснул. Назавтра, как только полуденно-яркое солнце наполовину взошло, а другая половина еще не показалась, Быстро поднялся [малыш] - *Having sucked at the mother’s breast [The child] fell fast asleep. The next morning when the bright sun showed its half but the other did not show itself as yet, Very quickly got up [the child].*

Подлежащее (ребенок) отсутствует в двух случаях. В переводе подлежащее приведено (в квадратных скобках).

8. Текстосвязующие средства.

В тексте Гэсэриады выявлены текстосвязующие средства, которые можно разделить на две группы по их функциям в тексте. Первая группа включает в себя лексические и грамматические единицы, обозначающие логико-смысловые повороты мысли. Это слова-гиды, выраженные чаще всего служебно-строевыми словами и словосочетаниями, обозначающими: начало повествования (Ai-dun zai-yo) [1. С. 4], - начало нового звена повествования, включающего очередной эпический мотив; повтор, одновременность событий; концовку; образ действия; продолжение действия. Совокупность таких слов-гидов составляет логико-смысловую сетку текста. Данный лексический слой играет общетекстовую, организующую роль, что немаловажно. Особую роль играют вставки – сэг даралга [1. С. 517]. Приведем некоторые примеры таких вставок в переводе на английский язык: In our house with [light] windows A good story we are telling. And to buryats who are here to listen to it Let's sing a song together [1. С. 8].

Итак, язык фольклорных произведений бурятского народа весьма специфичен. Это объясняется лексико-синтаксическими особенностями языка, которые в большей степени обусловлены психологическими дискурсивными чертами эмоционально-образного, интуитивно-созерцательного, правополушарного мышления бурят. Можно согласиться с тем, что творчество возникает подчас вне привычной логики, вне логического левополушарного мышления, оно часто возникает в плоскости правополушарного эмпатического мышления. Многие типы трансформаций были использованы в бурятско-английском переводе. Можно говорить о лексических (транслитерация, калькирование), лексико-семантических преобразованиях (конкретизация, гипонимия и генерализация, гиперонимия; каузация; модуляция; лексико-семантические соответствия). Следует также упомянуть грамматические преобразования (синтаксическое уподобление, грамматические замены, номинализация). Лексико-грамматические трансформации включают антонимический перевод, конверсивность, экспликацию, компенсацию. Большой интерес представляют синтактико-стилистические (синтагматико-парадигматические отношения), фоноэстетические особенности бурятского языка.

Многие конструкции в бурятском эпосе трудно переводимы на другие языки. Но они очень выразительны и совершенно неотделимы от характера и экологии души своего носителя. Можно сделать вывод о том, что переводческие трансформации весьма эффективны при переводе текстов с бурятского языка на английский.

Литература

1. Абай Гэсэр хүбүүн. Абай Гэсэр Могучий : бурятский героический эпос. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 526 с. – Эпос народов Евразии.
2. Дадужева, Е.А. Каузативные отношения в глагольной лексике бурятского языка в сопоставлении с русским языком : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Дадужева. – Улан-Удэ, 2008. – 24 с.
3. Йоргенсен, М.Й. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. – 2-е изд., испр. / М.Й. Йоргенсен, Л.Дж. Филипс. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 285 с.
4. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – Москва, 1990. – 253 с.
5. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. статей. – Москва : РГГУ, 1995; Степанов, Ю.С. Париж – Москва, весной и утром... / Ю.С. Степанов // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ., общ. ред. и вступ. ст. П. Серьо; предисл. Ю.С. Степанова. – Москва : ОАО ИГ «Прогресс», 1999.
6. Черемисов, К.М. Бурятско-русский словарь = Буряад-ород словарь / К.М.Черемисов. – Москва : Сов. энцикл., 1973. – 803 с.
7. Хундаева, Е.О. Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика / Е.О. Хундаева ; ред. М.И. Тулохонов ; РАН. Сиб. отд-ние, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999б. – 165 с.
8. Хундаева, Е.О. Бурятский эпос о Гэсэре: символы и традиции / Е.О. Хундаева ; ред. М.И. Тулохонов ; РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999а. 96 с.
9. Palmer, F.K. Semantics: A New Outline / F.K. Palmer. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. – 164 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И СПЕЦИФИКИ ОБРАЗА МИРА В СЛОВАРЯХ

УДК 81'374.81

К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ И РАЗРАБОТКЕ ЭВЕНКИЙСКО-АНГЛИЙСКОГО СЛОВАРЯ

А.Б. Анисимов

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
anis_and@mail.ru*

***Аннотация.** Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о составлении эвенкийско-английского словаря. Подобный словарь еще не составлялся в современной лексикографии. В начале статьи определяются актуальность исследуемой проблемы, материал и методика исследования. В статье рассматриваются два основных этапа работы над эвенкийско-английским словарем. Первый этап работы над словарем носит аналитико-теоретический характер. Проведено исследование потребностей адресата – конечного пользователя словаря. Второй этап данного проекта представляет собой практический этап лексикографической работы, то есть работу непосредственно со словником.*

***Ключевые слова:** эвенки, эвенкийский язык, словарь, эвенкийско-английский словарь.*

THE ISSUE OF COMPILING AN EVENK-ENGLISH DICTIONARY

***Abstract.** This article deals with the issue of compiling an Evenk-English dictionary. An Evenk-English dictionary has not yet been compiled in modern lexicography. At the beginning of this article we specify the thematic justification for the issue being investigated, the data and methodology for the*

study. This article discusses the two basic work stages of the Evenk-English dictionary. The first stage is analytical and theoretical. We have also specified the final user of the dictionary. The second stage of this project is a practical lexicographical work, i.e. the work with the vocabulary.

Keywords: *the Evenkis, the Evenk language, dictionary, Evenk-English dictionary.*

В эпоху глобализации мир становится все более связанным и взаимозависимым. Благодаря интенсивным контактам и взаимодействиям между различными культурами и языками стираются политические и идеологические границы. В настоящее время проблема социально-экономической маргинализации малочисленных народов Севера стоит довольно остро и может быть уменьшена посредством повышения статуса языков этих народов. Таким образом, создание эвенкийско-английского словаря может быть одной из форм сохранения эвенкийского языка и способствовать повышению самосознания эвенкийского народа и стимуляции его социально-экономической активности.

Данный словарь составлен в рамках проекта №14-14-14005 «Составление эвенкийско-английского словаря», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ).

Работа над эвенкийско-английским словарем имеет два основных этапа.

Первый этап работы над созданием эвенкийско-английского словаря носит аналитико-теоретический характер. Хотя следует отметить, что само разделение на этапы условно, ведь в действительности труд лексикографа имеет творческий характер.

На этом этапе работы были проанализированы русско-эвенкийские и эвенкийско-русские словари, труды отечественных лингвистов по исследованию фонетики, орфографии и морфологии эвенкийского языка. Следует отметить, что нормы литературного языка до сих пор окончательно не сформированы, сохраняется значительная диалектная раздробленность. Но, несмотря на значительную разобщённость говоров, диалектные различия не столь велики и не препятствуют общению эвенков между собой.

Нами также проведено исследование потребностей адресата – конечного пользователя словаря. В нашем случае конечным пользователем

разработанного словаря является, в первую очередь, либо зарубежный специалист-филолог, занимающийся изучением эвенкийского языка, либо отечественный исследователь, владеющий английским языком. Словарь ориентирован на специалистов-филологов, тунгусо-маньчжуроведов и окажет неоценимую помощь в исследовании эвенкийского языка. Процесс интеграции локальных традиций и современного мира предполагает, что зарубежные исследователи тунгусо-маньчжурских народов будут стремиться овладеть эвенкийским языком, в частности. Этнический изоляционизм – это проблема, часто встречающаяся именно у малочисленных народов. Ошибочно предполагается, что этнический язык должен изучаться только членами данной этнической группы. Мы считаем, что языки малочисленных народов должны быть доступны всем, кто хочет их изучать.

Второй этап данного проекта представляет собой практический этап лексикографической работы, то есть работу непосредственно со словарем. Что касается словаря, его состав определяется потребностями пользователей и включает наиболее распространенные эвенкийские слова.

Необходимость кириллического написания эвенкийских лексем объясняется тем, что современный эвенкийский алфавит основан на кириллице. Поскольку мы разработали эвенкийско-английский словарь, нам представляется целесообразным сохранение кириллической графики при написании эвенкийских лексем. Тем более в начале словаря прилагаются эвенкийский алфавит и руководство по произношению эвенкийских гласных, согласных и дифтонгов.

Эвенкийские слова в словаре имеют английскую транскрипцию:

абдукан [abduˈka: n] (*acc* абдуканмэ [abduˈka:nme]) *n* toy

илтэнмэк [iltənˈmek] *prep* past, *adv* incidentally

камая! [kaˈmaja] *excl* hurry! be quick!

ливгэми [livgeˈmi:] *v* snow

мёву [ˈme:vu] *adj* angry

Практически во всех языках мира обнаруживается явление лакунарности. При изучении словарного состава эвенкийского языка неизбежно возникает проблема передачи языковых лакун и безэквивалентной лексики. Мы исходим из лингвострановедческой позиции, ориентированной на понимание специфики эвенкийской культуры, отраженной

в языке. Так, в данном словаре отражены слова-понятия, отражающие специфику языковой картины мира эвенкийского народа, например, дэ-тулэ [detu'le] – high moss cover in the woods, мушу [mu'ʃu] – a puddle in the meadow, хукэлки [hu'kelki] – low spot on the road. Этот пласт лексики передается в словаре посредством описательного перевода.

К словарю также прилагается список наиболее часто используемых эвенкийских словообразовательных суффиксов. Это должно облегчить восприятие словаря зарубежными специалистами.

Несомненно, настоящей проверкой будет непосредственное использование данного словаря реальными пользователями, которые смогут вносить свои предложения по устранению недостатков и усовершенствованию словаря. Так как словарь электронный, то его обновление и внесение исправлений не составит большого труда.

Настоящий словарь содержит около 2500 слов. Слова расположены в алфавитном порядке. По целевой установке данный словарь не имеет аналогов как по своему построению, так и назначению и может послужить образцом при создании подобных словарей для других языков малочисленных народов Севера.

Литература

1. Афанасьева, Е.Ф. Эвенки: язык, фольклор, литература, этнография / Е.Ф. Афанасьева. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1998. – 144 с.
2. Болдырев, Б.В. Эвенкийско-русский словарь (Эвэды-лучадытурэрүк) / Б.В. Болдырев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. – Ч. 2: Р-Я. – 484 с.
3. Василевич, Г.М. Русско-эвенкийский словарь : в 2 ч. Ч. 2. – 2-е изд., перераб. / Г.М. Василевич. – Санкт-Петербург : филиал изд-ва «Просвещение», 2005. – 240 с.
4. Мыреева, А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Около 30 000 слов / А.Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2004. – 798 с. – Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 3.

ЗНАЧЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АССОЦИАТИВНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

О.В. Балясникова, Н.В. Уфимцева

Институт языкознания РАН, г. Москва

bn.post@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена особенностям представления значения в ассоциативных словарях. Последние содержат репрезентативный материал для изучения языкового сознания носителей национально-го языка в социокультурном контексте.*

***Ключевые слова:** ассоциативная лексикография, ассоциативные словари, языковое сознание, значение, ассоциативный эксперимент.*

MEANING AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON AND ITS REPRESENTATION IN THE ASSOCIATIVE LEXICOGRAPHY

***Abstract.** This article is devoted to the peculiarities of representing meanings in associative dictionaries. The latter contain representative material for the study of language consciousness of the national language speakers in a social and cultural context.*

***Keywords:** associative lexicography, associative dictionaries, language consciousness, meaning, associative experiment.*

Психолингвистическое определение национального языка как системы ориентирующего поведения личности (А.А. Леонтьев) способствовало появлению тенденции «расширить» традиционное понятие значения, найти новые трактовки получаемых данных о слове, предложить для обсуждения значения широкий интерпретационный контекст. Постепенно в психолингвистике утвердился приоритет комплексного анализа значения как знания, стоящего за словом национального языка.

¹Исследование выполнено при поддержке РГНФ №15-34-14007а(ц) и №15-04-00378а.

С начала 90-х гг. в Московской психолингвистической школе формируется новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований. Центральной проблемой становится изучение этнокультурной специфики языкового сознания. Последнее *трактруется как* связь образов сознания с интерсубъектными формами их существования: предикатами, действиями, словами (Е.Ф. Тарасов), а термин «образ языкового сознания» *употребляется вместо традиционного понятия «значение»*. Иными словами, образ сознания – это совокупность знаний, ассоциированных со словом, его психологическое представление. Фиксация и описание этих знаний возможно как в интра-, так и в интеръязыковых сопоставлениях при создании условий для выражения этих знаний средствами языка.

Онтологией анализа языкового сознания стало межкультурное общение. Было признано, что знания, которыми оперируют в своем взаимодействии коммуниканты-носители разных культур, могут не совпадать в силу различного социокультурного опыта участников общения. Несовпадение знаний, стоящих за знаками языка, может быть причиной коммуникативного конфликта. Переводные словари не всегда учитывают такое несовпадение знаний, представляя прямой перевод слова на другой язык.

Сравнение ассоциативных значений слов-(квази)эквивалентов в сопоставляемых языках позволяет установить общее и различное в структуре и содержании знаний. Такие сопоставления возможны с опорой на обширную ресурсную базу в виде ассоциативных словарей, создаваемых по результатам ассоциативных экспериментов, которые проводятся с большим количеством респондентов – носителей национального языка.

Вербальный ассоциативный эксперимент – традиционный метод, имеющий давнюю историю. Использованный впервые для изучения психических процессов, он впоследствии стал применяться и для исследования семантики. Первым опытом создания таких ассоциативных словарей в России можно считать Словарь ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева [5], положивший начало развитию отечественной ассоциативной лексикографии. «Русский ассоциативный словарь» (РАС) в 6 книгах (1994-98) и в 2 томах [3] включал уже 8 тыс.

словоупотреблений. Появление этого словаря инициировало множество исследований отдельных фрагментов ассоциативно-вербальной сети.

РАС имел ряд существенных отличий от традиционных лексикографических источников; его особенности заключались как в способе сбора данных, так и в принципах организации словарной статьи.

Во-первых, ассоциативный эксперимент проводился в три этапа с разным набором стимулов (стимулами для второго и третьего этапов послужили слова-реакции, полученные, соответственно, на первом и втором этапах эксперимента) и с разными социальными группами респондентов.

Во-вторых, был создан как Прямой (от стимула к реакции), так и Обратный ассоциативный словарь (от реакции к стимулу).

В-третьих, в каждой словарной статье были представлены: число совпадающих реакций, число разнообразных реакций, наконец, число уникальных (единичных) реакций. Таким образом, каждое ассоциативное поле имеет ядро – самые частотные реакции. Именно ядро ассоциативного поля содержит устойчивую во времени часть, отражающую общераспространенные в данный момент знания носителей языка, связанные с данным словом. Единичные реакции, полученные от отдельных испытуемых, образуют периферию ассоциативного поля, которая наиболее подвержена изменению во времени. Материалы ассоциативных экспериментов, проведенных через определенные временные промежутки, позволяют описывать изменения в структуре и содержании знаний носителей языка, обусловленные социальными процессами.

Наконец, в отличие от традиционных лексикографических источников, ассоциативные словари обращены к обыденному языковому сознанию. Поскольку слово-стимул предъявляется вне связи с контекстом, респондент, по сути, сам «выбирает», в какие связи включать это слово.

Различие в представлении значений в толковом и ассоциативном словарях видно ниже на примере слова «бабушка»:

БАБУШКА, -и; *мн. род.* -шек, *дат.* -шкам; *ж.* 1. Мать отца или матери (по отношению к детям своих детей – внукам). *Отправить сына на лето к бабушке. Стать бабушкой* (о появлении внуков у кого-л.). *Это твоя б.?* | О пожилой родственнице. 2. *Ласк.* Старая, пожилая женщина. *Садитесь, б. *Бабушка надвое сказала* (погов.: еще неизвестно, что и

как будет, сложится). *Вот тебе, бабушка, (и) Юрьев день* (погов.: о несбывшихся надеждах). ♦ К чертовой бабушке (послать, отправить и т.п.). Пожелание избавиться от кого-, чего-л. неприятного, надоевшего. < Бабушкин, -а, -о. *Б. платок* [1. С. 54].

БАБУШКА: дедушка **90**; старая **40**; добрая **25**; любимая **23**; моя **19**; родная, старушка **16**; деревня **14**; старость **12**; доброта **11**; родственник **9**; тепло **8**; Яга **7**; пирожки, платок **6**; добро, забота, старенькая **5**; пироги, семья **4**; бабушка, блины, внучка, возраст, дед, люблю, очки, родня, умерла **3**; баба, блинчики, вязание, далеко, детство, дом, дома, заботливая, злая, и дедушка, любовь, мать матери, молодая, мудрая, мудрость, носки, платочек, рева, родное, с дедушкой, спицы, спит, старуха, уважение, уют **2**; ... *522+167+7+113* [2].

В ассоциативном значении слова не нашли отражения прецедентные тексты, представленные в иллюстративном материале словарной дефиниции в БТС (за исключением «Яга», отсутствующее, в свою очередь, в рабочей версии ЕВРАС). Значительный процент всех реакций составляют мелиоративно-оценочные слова (*любимая / любовь, родная, тепло* и т.д.) и эгоцентрики (*моя, люблю*). Реакции т.н. тематического типа (*деревня, пирожки/пироги, блинчики, платок/платочек, спицы* и т.п.) указывают именно на социокультурный контекст, в который включаются соответствующие знания об объекте.

По результатам трех этапов эксперимента была построена ассоциативно-вербальная сеть, рассматриваемая авторами РАС как модель внутреннего лексикона человека. Представленный в виде многомерной ассоциативной сети, ассоциативный тезаурус дал представление об устройстве и функционировании языкового сознания «усредненного» носителя языка. В практике построения ассоциативного тезауруса было признано существенным то, что получаемые в эксперименте ассоциации в ответах испытуемых обозначаются именно словом национального языка.

Своеобразным продолжением Русского ассоциативного словаря стала работа в 1998-2000 гг. над проектом по созданию Славянского ассоциативного словаря (САС) [4] на материале русского, белорусского, украинского и болгарского языков. Впоследствии создаются ассоциативные словари якутского, татарского, хакасского, казахского и других языков.

Примечательно, что в словарях национальных языков зафиксированы и лакуны, содержащие уникальные культурные знания и тем самым предоставляющие интересный материал для сопоставления. Таким образом, для выявления межъязыковой лакунарности – абсолютной и относительной – ассоциативная лексикография имеет большое значение.

Структура родного языка формирует языковую картину мира, на которую при этнокультурных контактах могут накладываться новые элементы. Способы адаптации и трансформации культурно обусловленных знаний (выражаемых материально в ассоциативном значении слов) представляют научный интерес с учетом двух выделенных критериев: территории и родного языка. Каждый из данных критериев обуславливает направление и характер изменений, поддающихся рефлексии при межкультурном контакте (для обыденного сознания) и выявляемых в психолингвистическом эксперименте содержательно и статистически (для лингвиста).

В процессе исследования региональной специфики языкового сознания носителей национальных языков может быть выявлено влияние фактора территории и родного языка (а также фактора билингвальности) на содержание и структуру образов языкового сознания.

Полученный в 2015 г. материал пилотажного эксперимента (в рамках исследовательского проекта РГНФ) продемонстрировал различия в содержании и структуре ассоциативных значений слова родного и неродного языков в языковом сознании билингов – носителей татарского языка.

Ниже представлена семантическая зона «локус», выделенная по материалам пилотажного эксперимента со стимулами *власть* и *хакимият* 'власть'. В эксперименте, проводившемся на татарском языке, участвовали татары-билингвы, проживающие в Республике Татарстан (г. Казань).

На стимул *власть* были получены реакции: дәүләт 'государство', 'страна', 'Россия', дөнья 'мир, вселенная', урам 'улица' (всего 7,2% от числа всех реакций). На стимул *хакимият* 'власть' даны реакции: дәүләт 'государство', ил 'страна', башкала 'столица', бина 'здание', йорты 'дом', Казан шәһәренә 'города Казани', РТ 'Республика Татарстан', Татарстан, урыны 'место', шәһәр 'город', жирле 'местный' (всего 20,2% от

числа всех реакций). Очевидно, что во втором случае локус осознается как «свое» пространство – место проживания респондентов.

Сопоставление образов сознания носителей разных культур дает возможность экспериментально подтвердить различия в видении/восприятии мира, поддающиеся вербальному выражению. Описание ассоциативного значения слов, репрезентирующих ключевые образы национальной культуры, в частности ценностей, актуальных для современности социальных понятий, позволяет не просто фиксировать несоответствия ассоциативных значений, но и различие знаний, стоящих за словами-эквивалентами в сопоставляемых языках, и тем самым прогнозировать и в определенной степени предотвращать конфликты непонимания.

Литература

1. БТС: Большой толковый словарь русского языка / Ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – С. 54.
2. ЕВРАС: Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь [рукопись].
3. РАС: Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – Москва : Астрель ; АСТ, 2002.
4. САС: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – Москва, 2004. – 792 с.
5. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – Москва : МГУ, 1977. – 192 с.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СВОДНОГО КОРПУСА ЛЕКСИКИ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ЯКУТИИ

Т.А. Бердникова

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск
berrdnikovata@mail.ru*

Аннотация. В статье высказывается идея о создании сводного корпуса лексических единиц русских старожильческих говоров Якутии на основе как уже имеющихся региональных диалектных словарей, так и архивных и других данных, собранных в различное время исследователями русского населения Северо-Востока России. В качестве источников приводятся опубликованные работы филологов, фольклористов, этнографов, краеведов, записи живой разговорной речи диалектоносителей и еще не введенные в научный оборот архивные данные. Создание сводного корпуса может послужить основой для дальнейших изысканий как в области лексикографии, так и исторической лексикологии, сравнительно-типологического исследования, межпредметных исследований.

Ключевые слова: старожильческие говоры Якутии, диалектная лексикография, общерусская лексика, общесибирская лексика, региональные особенности лексикографического описания диалектного слова.

ON THE ISSUE OF CREATING AN GENERAL VOCABULARY CORPUS OF THE RUSSIAN LONG-TIME RESIDENTS OF YAKUTIA

Abstract. This article explores the idea of creating a consolidated corpus of lexical units of Russian dialects of Yakutia based on regional dialect dictionaries, as well as archival and other data collected at different times by the researchers of the Russian population of the North-East of Russia. The sources cited include published works of philologists, folklorists,

anthropologists, ethnographers, records of live conversation of dialect speakers and historical data that has not yet been used by scientists. Creating a general corpus can serve as a basis for further research in lexicography and historical lexicology, comparative and typological study and interdisciplinary studies.

Keywords: *Russian dialects of Yakutia, dialect lexicography, all-Russian vocabulary, common Siberian vocabulary, regional features of the lexicographic description of dialect words.*

Диалектная лексикография стала полноправной отраслью отечественной лингвистики в 50-60-е гг. прошлого столетия. Многолетние изыскания в этой области привели к установлению общих принципов описания диалектного слова. К числу обязательных относятся, например, место фиксирования единицы или ее варианта, в большинстве словарей можно наблюдать богатую иллюстративную часть, которая может содержать этимологические и этнографические элементы описания.

В диалектный словарь включаются по общей традиции только те слова и выражения, которые отсутствуют в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Словаре русского языка» АН СССР (МАС, в 4 т.), «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР (БАС, в 17 т.), «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова или имеют иное значение, чем в литературном языке. С 1965 года до сих пор продолжает выходить «Словарь русских народных говоров», последний, вып. 43, был издан в 2010г. (Сухлость – Телепа). Создание такого сводного словаря было продиктовано необходимостью привлечения новых данных для исторической лексикологии и фразеологии русского языка, для сравнительно-исторического изучения славянских языков и их связей с неславянскими языками, для демонстрации лексического богатства совокупности русских говоров – диалектного языка.

Таким образом, авторы современных диалектных словарей в какой-то мере лишены возможности посмотреть на «соседние» говоры, провести этимологические параллели, найти общее в функционировании единицы и т.д., что объясняется, в первую очередь, многообразием лексических средств народного языка и практически невозможностью «объять необъятное». Однако на уровне региона, как нам кажется, попытка создать хотя бы словник всех диалектных единиц, возможно.

На сегодняшний день существует всего 2 словаря, представляющих собой примеры академического описания лексики русских старожилов Якутии.

Во-первых, это труд Марии Федоровны Дружининой «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии» (1997-2008 г.) в 4 томах и логическое продолжение к нему «Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии: материалы для фразеологического словаря русских говоров» (2013 г.). Более четверти века (с 1958 по 1986 г.) диалектологические экспедиции под руководством доц. Дружининой М.Ф., доц. Самсонова Н.Г., ст. преп. Поповой Г.И. выезжали в различные районы республики по нижним течениям рек Индигирки, Колымы, Алазеи, Яны, по реке Лене и её притоку Киренге на территории Иркутской области. По замечанию самой М.Ф. Дружининой, изучение диалектов и сбор материалов проводились и ею самостоятельно в пп. Черский, Походск, Чокурдах, Ойотунг, в с. Покровск Хангаласского улуса, в пригородных населенных пунктах г. Якутска. Также в г. Якутске были неоднократные беседы с информантами-старожилами и информантами из Амгинского, Алданского и других улусов Республики Саха (Якутия), где проживает старожильческое русское население [1. С. 4]. Изучалась не только лексика и фразеология, но и фонетика, морфология русских арктических говоров. В итоге многолетняя работа вылилась в уникальный труд: богатый иллюстративный материал словарей М.Ф. Дружининой отражает всю жизнь и деятельность русского старожильческого населения, его историю, культуру, быт, нравы, обычаи, миропонимание, верования, взаимоотношения с другими народами Сибири.

В 2005 г. известным ученым-краеведом А.Г. Чикачевым в г. Новосибирске был издан «Диалектный словарь Русского Устья», состоящий из более 2 тыс. слов и фразеологических выражений. Этот словарь справочного типа, но таких монодиалектных словарей в отечественной лексикографической диалектной практике чрезвычайно мало, буквально единицы (например, «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» под ред. И.А. Оссовецкого, 1969 г.). Другой особенностью этого словаря является то, что составитель словаря является носителем диалекта и, вероятнее всего, отразил в своих наблюдениях наиболее активно функционирующие слова, лексическое ядро диалекта.

Что же можно использовать для составления полного корпуса лексики старожильческих говоров? Стоит отметить, что традиционные промыслы, быт и фольклор русских старожилов Арктики и Приленья, их взаимодействие с коренными народами не раз становились предметом научного изучения. Работы И.А. Худякова, Ф.П. Врангеля, Г.Ю. Мандела, В.М. Зензинова, В.Г. Богораза, А.Л. Биркенгофа и М.А. Кротова, Т.А. Шуба и Н.А. Габышева и др., экспедиция братьев Н.Д. и Д.Д. Травиных в 1928 г., проф. С.Н. Азбелева в середине 1980-х гг., экспедиция В.И. Зоркиной и В.Д. Осиповой, современных исследователей тому подтверждение. Однако относительно языка русских старожилов в большинстве случаев сохранились лишь попутные замечания. Например, в книге В.М. Зензинова «Старинные люди у холодного океана» мы находим слова и выражения, зафиксированные в с. Русское Устье; Д.Д. Травин в качестве приложения к фольклорному материалу также приводит словарь русскоустынского говора, передавая его фонетические особенности; таким же образом поступает и А.Л. Биркенгоф.

Собственно исследования в области языка отражены в работе В.Г. Богораза («Областной словарь колымского русского наречия», 1901 г.), который не доступен широкому читателю, поскольку не переиздается.

Понимая всю ценность зафиксированного материала, все же следует отметить, что они сделаны не диалектологами, в ряде случаев - непрофессиональными филологами, иногда, как, например, в случае В.М. Зензинова и В.Г. Богораза, на фоне других этнографических записей). Сами по себе лексические и фразеологические единицы записывались мало, в большинстве случаев они представлены в большом массиве фольклорного материала. Диалектологическое исследование в качестве объекта описания не отрицает фольклорные записи, однако следует учитывать устную традицию передачи различных жанров, строго следящую за сохранностью текста, а живая диалектная речь отражает в себе как пассивный запас, возможно, сохраняющийся в фольклорных текстах, так и активный, характерный только для обиходного общения. Поэтому мы не исключаем в качестве лексикографического источника уникальное издание «Фольклор Русского Устья» (1986 г.).

Из последних изданий отметим «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» (2010 г.) Г.В. Зотова, исследования которого проводились в местах компактного проживания русского ста-

рожилычского населения и на территории нашей республики: Нижне-колымск, Походск, Черский, Зырянка, Русское Устье и др. Продолжая традиции словаря В.Г. Богораза, автор включает в свое исследование единицы, извлекаемые из работ других исследователей, и дополняет их самостоятельно собранным материалом, что позволяет проследить динамику функционирования некоторых единиц в рамках 20 в.

В октябре 2014 г. нами была совершена научная экспедиция в п. Чокурдах Аллаиховского улуса для проведения диалектологического исследования языковой и этнокультурной ситуации русских старожилов устья р. Индигирка в рамках выполнения мероприятий ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция «Русские старожилы РС(Я): опыт созидательного освоения Арктики». Нами было опрошено более 40 носителей диалекта из числа взрослых и детей жителей п. Чокурдах, которые сохраняют постоянную, прежде всего родственную, связь с носителями диалекта п. Русское Устье. В ходе бесед с информантами были сделаны записи от руки (общим объемом 88 страниц) и аудиозаписи (общей продолжительностью 13 ч. 30 мин.). Также при сборе диалектного материала учитывались печатные материалы и видеозаписи из фондов Музея природы тундры и охотничьего промысла им. Д.А. Лебедева, архива телестудии «Розовая чайка» филиала НВК «Саха» (переведено в цифровой формат около 1 часа записи телепрограммы с носителем диалекта). Уже в самом начале экспедиции стало ясно, что в повседневной речевой практике диалектоносителей присутствуют единицы, не зафиксированные в словарях М.Ф. Дружининой и А.Г. Чикачева или зафиксированные только в одном из них.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в современных региональных словарях отражены не все единицы. В то же самое время мы обладаем достаточно большим количеством источников, включая записи живой разговорной речи современных диалектоносителей, для восстановления полной лексической системы русских старожильческих говоров Якутии.

Создание полного свода лексики русских старожильческих говоров Якутии может стать основой для различного рода лингвистических изысканий. Перспективным нам кажется на основе свода составить идеографический словарь, каждая часть которого будет состоять из модели-эталона по определенной тематике, например, ‘название человека’, ‘топонимы’, ‘название орудий труда (рыболовства, охоты, др)’, ‘эле-

менты народного костюма’, ‘прозвища’, ‘уменьшительно-ласкательные слова’ и др. Условия постоянного билингвизма дают право на существование большой группы ‘заимствованная лексика (из якутского (юкагирского, эвенского, эвенкийского, чукотского) языков)’.

Думается, что, находя лексические лакуны в современных русских старожильческих говорах в сравнении с записями конца 19 - нач. и сер. 20 в., можно сделать предположение об устаревшем и архаическом пласте диалектной лексики. Сравнивая эту часть свода с другими старожильческими диалектами, можно делать вывод о составе собственно сибирской диалектной лексики. Новые научные данные уровня исторической лексикологии, сравнительно-типологического изучения лексики старожильческих русских говоров можно использовать также в различных межпредметных исследованиях.

Литература

1. Дружинина, М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. А – В / М.Ф. Дружинина. – Якутск, 1997. – 137 с.
2. Дружинина, М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Г – И / М.Ф. Дружинина. – Якутск, 2002. – 117 с.
3. Дружинина, М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. К-П / М.Ф. Дружинина. – Якутск, 2007. – 245 с.
4. Дружинина, М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Р-Я / М.Ф. Дружинина. – Якутск, 2007. – 190 с.
5. Дружинина, М.Ф. Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии: материалы для фразеологического словаря русских говоров / М.Ф. Дружинина ; науч. ред. Н.Г. Самсонов. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 280 с.
6. Зензинов, В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа / В.М. Зензинов ; сост. : Е.Н. Аммосова, И.А. Чикачев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Якутск, 2013. – 140 с.
7. Зотов, Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Г.В. Зотов. – Магадан, 2010. – 539 с.
8. Фольклор Русского Устья. – Ленинград : Наука, 1986. – 384 с.
9. Чикачев, А.Г. Диалектный словарь Русского Устья / А.Г. Чикачев. – Новосибирск : Наука, 2005. – 75 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ОБРАБОТКИ ЯЗЫКА В ИССЛЕДОВАНИИ ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В.В. Васильев

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск
immrtls@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи является лексикографическое исследование, в ходе которого будут выделены наиболее частотные словосочетания в эпическом тексте и будет предпринята попытка разграничения семантических полей с помощью средств обработки текста. Вторичной целью, сопровождающей исследование, является демонстрация путей использования современных средств обработки естественного языка и возможности их использования в исследовании эпических текстов. Полученные результаты предоставят практические данные в виде статистической информации для последующего их использования в лингвистических исследованиях и покажут применимость таких методов в исследовании эпических текстов.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, текст, обработка текста, статистика, регекспы, частотность, конкорданс.

THE USE OF THE LANGUAGE PROCESSING TOOLS IN EPIC TEXTS INVESTIGATION

Abstract. The aim of the paper is to conduct a lexicographic research, in which the most frequent collocations in an epic text will be detected and to attempt a division of the semantically related words via text processing tools based on their collocations and associations to words in a certain context. The secondary aim, underlying below the investigation process, is to present the modern natural language processing tools and their use in epic texts investigation. The results given will provide the practical and statistical information for the subsequent linguistic research and show the applicability of such methods of research to the epic texts.

Keywords: language technology, text, text processing, statistics, regex, frequency, concordance.

За последние десятилетия область компьютерной лингвистики и обработки естественного языка обрела большую популярность во всем мире. В настоящее время эта область выступает основой, посредником во взаимодействии человека с машиной, будь это машинный перевод, распознавание речи или даже средство проверки правописания в настоящем документе. Мировые, популярные языки, имеющие большое количество говорящего на них населения, хорошо исследуются и поддерживаются в данной области, так же как и отдельные языки малых народностей, снискавшие интерес у лингвистов и инженеров. В то же время другие языки малых народностей не в достаточной степени исследованы в области программной обработки языка. К вопросу об интегрированности средств обработки естественного языка в исследования якутского языка справедливым будет отметить, что на данном этапе якутский язык находит все больший интерес в данной области, а именно: имеются уже разработанная система синтеза речи (преобразования текста в речь) [1; 2; 3], исследования по корпусу языка, исследования частотности слов с использованием n-грам и др.

Для исследования в качестве корпуса был использован текстовый файл с текстом олонхо «Модун Эр Соѳотох» (свободный доступ) на якутском языке [4], содержащий 19 133 ед. слов. Хотя данный материал не является столь объемным и исключительно обширным, чтобы быть корпусом для исследования комбинаторной выборочности частотности словоупотребления в эпических текстах, все же в масштабах статьи, в силу репрезентативности и в целях простоты наглядности, он будет подходящим и доступным. В целях упрощения и сокращения материала в данной статье будут рассматриваться словоупотребления в пределах двусложных фраз (лексических биграмм) с право-, левонаправленной ориентацией в зависимости от определяющего слова, так как данный объем видится достаточным для семантической дефиниции и дифференциации.

При существующей теоретической разработанности в области темы программной обработки якутского языка, в широком доступе, все еще наблюдается нехватка (возможно, и отсутствие) практического про-

граммного инструментария, разработанного и ориентированного исключительно на якутский язык с его морфологией, синтаксисом и лексикой. В подобного рода исследованиях на помощь приходят универсальные средства анализа естественного языка, функционирующие вне зависимости от языка, при присутствии его знаковой системы в одной из поддерживаемых кодировок. В исследовании была использована популярная в среде лексикографического анализа программа-конкордансер AntConc 3.4.3m для MacOS [5]. Методы, используемые в данном исследовании при помощи AntConc, – сплошная выборка, статистический и дедуктивный. Для начала текст из ресурса свободного доступа был сохранен в формате txt в кодировке Юникод UTF-8, поддерживаемом и хорошо считываемом используемой программой. Далее после подгрузки файла в программу автоматически высчитывается и результируется таблица рейтинга частотности употребления отдельных слов в биграммах. При желании из существующих биграмм можно избрать интересующее слово/слова и исследовать и селективную частотность в конкордансах. Нежелательные служебные слова исключаются методом применения ‘regex’ (regular expressions) - формального языка, основанного на использовании метасимволов. Таким образом, подобные манипуляции позволяют автоматически фильтровать и получить данные для последующего словарного и семантического анализа.

Результаты (вычисления). Вводные данные насчитывают 19 133 ед. слов, представленных в виде 12 165 уникальных биграмм, из которых частотность случаев от двух и более – 2734. В таблице представлен список 30 наиболее частотных биграмм:

№	F	Дальность n-грамм	Слсч	№	F	Дальность n-грамм	Слсч
1	69	1	курдук диэн	16	32	1	харыадылаан бэргэн
2	60	1	субу курдук	17	31	1	биһиги киһибит
3	48	1	ол кэнниттэн	18	31	1	босхо хара
4	48	1	турбута ноо	19	30	1	үһү ноо
5	48	1	эр соҕотох	20	29	1	баһынан куотар
6	44	1	сити курдук	21	29	1	куотар моҕул

7	43	1	эбит ноо	22	28	1	дии турбута
8	40	1	модун эр	23	28	1	хара тыаны
9	37	1	ноо ол	24	28	1	эбитэ үһү
10	36	1	моҕул кугас	25	27	1	диэн тойуктаах
11	33	1	диэн кэпсэллээх	26	27	1	көмүс кыырыктай
12	32	1	аттаах модун	27	26	1	буола турбута
13	32	1	кугас аттаах	28	26	1	дара буурай
14	32	1	кэпсэллээх буола	29	25	1	дьяантаар дара
15	32	1	ол курдук	30	25	1	дэь хэ

Исключение с помощью stoplist & regex. Как видно из рейтинга частотности, в списке встречаются служебные слова и составные слова, для объективности исследования на данном этапе следует исключить подобные слова. Это реализуемо при включении определенного списка слов в стоплист, либо при использовании в строке поиска параметра `^[^СЛОВО1$|^СЛОВО2$]`, исключающего определенные слова, заданные в группе. Но в данном инструменте стоплист функционирует только при создании списка частотности отдельных слов и не функционирует в остальных вкладках.

Также в среде, не чувствительной к морфологии и вообще к видоизменению слов, поиск конкордансов также прост, т.к. при введении корневого слова поиск покажет все словоформы, содержащие введенную последовательность символов. В отдельных ситуациях может и потребоваться помощь регекспов, н-р:

халлаан[ы|^ым\$|^нар\$].

Также при наличии pos-таггера, можно было бы сузить набор словосочетаний, центрируясь на словосочетаниях определённой синтаксической последовательности. Например, в английском тексте, имеющем богатые/обширные базы разметки частей речи, это можно сделать путем разметки списка частотности биграмм в одном из многочисленных pos-таггеров, например, <http://nlpdotnet.com/>, затем загрузить размеченный файл обратно в конкордансер и искать комбинации слова, например с существительным - поиск с применением регекспа `(NN|NNP|NNS|NNPS)`.

Для наглядности возьмем на вооружение слова, обозначающие цвет: хара, манган/үрүн, күөх, кыһыл. Путем подсчета биграмм получаем следующую статистику :

хара – 98;
манган – 19;
үрүн – 24;
күөх – 16;
кыһыл – 12.

А для каждого цвета получаем следующие биграммы со следующими частотами:

1	28	1	хара тыаны	1	9	1	манган халлаан	1	5	1	күөх муора
2	18	1	хара тыа	2	3	1	манан буолуо	2	2	1	күөх кырыс
3	7	1	хара улардааҕар	3	2	1	манган халлааным	3	1	1	күөх иннэни
4	5	1	хара тыатын	4	1	1	манан саайталан	4	1	1	күөх ирингэнэн
5	4	1	хара тыалаах	5	1	1	манган хонуулардаах	5	1	1	күөх муораны
6	4	1	хара тыалар	6	1	1	манган ата	6	1	1	күөх отун
7	4	1	хара түөкүн	7	1	1	манган толооннорун	7	1	1	күөх уот
8	3	1	хара хапсыыр	8	1	1	манган халлаанынан	8	1	1	күөх уотугар
9	2	1	хара буорум	1	6	1	үрүн сүннүүн	9	1	1	күөх уотун
10	2	1	хара күлүккэр	2	4	1	үрүн буруо	10	1	1	күөх хаймыатын
11	2	1	хара тыалааннар	3	3	1	үрүн айыы	11	1	1	күөх чалахай
12	2	1	хара хамсык	4	3	1	үрүн көмүс				
13	1	1	хара баранаагый	5	2	1	үрүн тыыным				
14	1	1	хара буорбун	6	1	1	үрүн дууһатын				
15	1	1	хара буорданыгым	7	1	1	үрүн күнэ				
16	1	1	хара дабыдалыгар	8	1	1	үрүн тыыммын				
17	1	1	хара дабыдалын	9	1	1	үрүн тыынгар				

18	1	1	хара дьүһүннээх	10	1	1	үрүҥ тыһыннын
19	1	1	хара манаас	11	1	1	үрүҥ өндүрүүт
20	1	1	хара онгороо- ругутуу	1	4	1	кыһыл эбир
21	1	1	хара суордар	2	2	1	кыһыл этинэн
22	1	1	хара тириилэрин	3	1	1	кыһыл кытарбыт
23	1	1	хара тыабын	4	1	1	кыһыл оҕо
24	1	1	хара тыакаллабын	5	1	1	кыһыл төбө
25	1	1	хара тыакалланы	6	1	1	кыһыл экин
26	1	1	хара улар	7	1	1	кыһыл этин
27	1	1	хара хааммыттан	8	1	1	кыһыл эттэринэн
28	1	1	хара харахтаах				
29	1	1	хара харахтаахтар				

Из статистического анализа видно, что слово «хара» превалирует в произведении – 58% в данном наборе слов. В меньшей степени - оттенки белого цвета (43 упоминания, то есть 25,4%). «Күөх» – 9,5%, «кыһыл» - 7,1%. По лексической ассоциативности хара чаще всего связано со словом «тыа» и его формами.

Что касается «үрүҥ» и «манан», то мы видим заметно выраженное использование «манан» с физическими объектами мира, объектами природы, в то время как с «үрүҥ» – результаты двойки - если во внимание брать частотность токенов, то превалируют опять же реальные физические объекты – «сүннү», «буруо»; но если оперировать соотношением отдельных (типов, характеристик) словосочетаний вне зависимости от частотности той или иной биграмм, то мы видим, что связи с физическими объектами выравниваются по количеству с абстрактными. Кыһыл связан с концептом «плоть», «күөх» – объекты, природа.

Таким образом, средства обработки текста могут показаться весьма сложными и нагроможденными рядом действий, для не очень требовательного к подобного рода ресурсам объекта изучения, но в сравнении с

ручным, самостоятельным способом поиска, подсчета и сравнений все же намного упростят процесс исследования.

Касательно применимости инструментария к тексту на якутском языке следует отметить, что использование универсальных конкордансеров в целом возможно и удобно, без создания автоматического конкордансера со словарем и морфологией языка, однако создание такого конкордансера во многом упростило бы работу, процент лишних слов и процент ошибок. Также необходимо создание программы разметки частей речи.

Литература

1. Заморщикова, Л.С. Ассоциативно-вербальная сеть и системность образа мира / Л.С. Заморщикова // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/03/6130> (дата обращения: 30.06.2016).

2. Леонтьев, Н.А. Словарное определение якутского языка в текстовом сообщении / Н.А. Леонтьев // Научная перспектива. – 2014. – № 2(48). – С. 97-98.

3. Леонтьев, Н.А. Распознавание языка текстовых сообщений с помощью биграмм на материалах якутского языка / Н.А. Леонтьев // Современное состояние естественных и технических наук. – Москва : Спутник+, 2014. – XIV. – С. 88—91.

4. Могучий Эр Соготох : якутский героический эпос. – Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 440 с. – Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.

5. Anthony, L. AntConc (Version 3.4.3) [Computer Software]. – Tokyo, Japan: Waseda University, 2014. Available from <http://www.laurenceanthony.net/>

**АССОЦИАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ
НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА:
ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Л.С. Замощицова

*Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск*

***Аннотация.** Ассоциативные словари представляют собой особый тип словаря, который открывает доступ к информационной основе языковой коммуникации. Данные ассоциативного словаря предоставляют материал для широкого круга лингвистических исследований, таких как семантическая структура словарного состава языка, синтагматические и парадигматические связи, динамика речевых процессов в процессе коммуникации и т.д. Ассоциативная лексикография на материале якутского языка представляет особый интерес не только с точки зрения исследования языковых процессов, происходящих в современном якутском языке в условиях интенсивных языковых контактов, но и изучения особенностей протекания ассоциативного процесса в условиях национально-русского и русско-национального билингвизма и многоязычия.*

***Ключевые слова:** ассоциативные словари, языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть, якутский язык.*

**ASSOCIATIVE LEXICOGRAPHY: PERSPECTIVES IN LINGUISTIC
STUDIES (YAKUT LANGUAGE AS A CASE-STUDY)**

***Abstract.** Associative dictionaries are special types of dictionaries, which gives access to the information basis of language communication. The associative dictionary data gives a large scope of material for linguistic research, such as semantic structure of the language vocabulary, syntagmatic and paradigmatic connections, the dynamics of the speech processes in communication, etc. Associative lexicography based on the Yakut language*

data presents a special interest not only from the point of view of languages processes study taking place in the modern Yakut language given the intensive language contacts, but also the study of the peculiarities of the associative process duration in the national Russian and Russian national bilingual and multi-lingual environment.

Keywords: *associative dictionaries, language consciousness, associative and verbal network, Yakut language.*

Ассоциативная лексикография, наряду с ассоциативной лексикологией и ассоциативной грамматикой, представляет собой ассоциативную лингвистику, отдельное направление в психолингвистике. Язык может быть представлен не только в виде системы отношений, не только как большая совокупность текстов, но и в виде ассоциативно-вербальной сети, соотносимой с языковой способностью носителя языка. Данная ассоциативно-вербальная сеть состоит из последовательно усложняющихся и иерархически подчиненных уровней: слово или словосочетание - ассоциативное поле - совокупность ассоциативных полей. На фоне такого представления языка выстраивается изоморфное ему ассоциативное пространство текстов в рамках ассоциативной лингвистики [1. С. 8].

Ассоциативный словарь представляет материал для широкого круга лингвистических исследований, таких как семантическая структура словарного состава языка, синтагматические и парадигматические связи. Как отмечает Н.В.Уфимцева, одно из преимуществ изучения ассоциативных реакций заключается в том, что «эти материалы можно рассматривать как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания. Они интегрируют умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [11]. Формирование ассоциативных словарей-тезаурусов базируется на использовании специально разработанной информационной технологии, что позволяет автоматизировать процесс создания, исследования и издания их в печатной и/или электронной формах. Это одно из направлений компьютерной лексикографии для проведения прикладных научных исследований языкового сознания носителей русского языка-культуры и других языков [9. С. 194].

Существенным отличием ассоциативных словарей от традиционных является то, что это один из возможных способов описания «коллек-

тивного обыденного» языкового сознания «наивных» носителей языка. Следовательно, ассоциативный словарь более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии [9. С. 197].

В.Е.Гольдин отмечает, что развитие ассоциативной лексикографии делает все более актуальным рассмотрение проблемы соотношения материала ассоциативных и толковых словарей. Ряд характеристик слова, выявляемых на ассоциативном материале, вступает в явное противоречие с показаниями толковых словарей [3].

На необходимость психолингвистического толкового словаря указывает И.А.Стернин, аргументируя наличием в современном русском языке большого пласта лексических единиц, нуждающихся:

- в частом объяснении их значений и правил употребления при отсутствии достаточно полного отражения их семантики в имеющихся толковых словарях; это новые *употребительные слова* (блог, форум, инновация, гламур, глянецовый, креативный) и *переосмысленные старые* (агрессивный, амбициозный, большевизм, олигарх, элита);

- в дифференциации их значений от сходных по семантике слов (прежде всего это касается синонимов, толкуемых в словарях друг через друга - вежливый, культурный, тактичный; метель, пурга, вьюга; врач, доктор).

Психолингвистический словарь описывает обыденное языковое сознание, то есть реально сложившееся массовое употребление слов в современном языке, выявляя состояние, проблемы и тенденции развития семантики коммуникативной активной части лексики русского языка [8. С. 213-214].

Психолингвистический словарь адресован, в первую очередь, пользователям, интересующимся современной и сложной в смысловом отношении лексикой, не описанной в традиционных толковых словарях; составителям традиционных толковых словарей и словарей новых слов; специалистам, занимающимся интерпретацией современных текстов; создателям и аналитикам рекламных текстов и др.

Одним из способов изучения языкового сознания является форма его овнешнения посредством ассоциативного эксперимента. Ассоциативные поля, формируемые из реакций респондентов, носителей определенной культуры и языка, представляют нам материал для исследования их образа мира или языкового сознания, Кроме того, исследование языкового

сознания по материалам ассоциативных экспериментов - ассоциативно-вербальных полей, позволяет выявить как системность содержания образа сознания, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывает уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры [10].

В Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова исследования языкового сознания народов республики (на материале якутского, эвенкийского, эвенского, юкагирского языков) ведутся с 2005 г. Реализовано четыре проекта РГНФ, в рамках которых была изучена теоретическая база и собран материал по результатам проведенных ассоциативных экспериментов. В настоящее время завершена обработка данных по якутскому и эвенкийскому языкам, ассоциативные словари на этих языках размещены на сайте НИИУ по адресу <http://adictsakha.nsu.ru> [6].

Суть ассоциативного эксперимента состоит в том, что респондентам дается список стимулов из 140 слов на якутском языке, на которые они должны были дать реакции первым приходящим в голову словом. На анкетирование отводилось примерно 15 минут.

Список стимулов нами был позаимствован из Славянского ассоциативного словаря на материале русского, белорусского, болгарского, украинского языков. Словник данного словаря включает 112 стимулов, которые были отобраны из ядра русского языкового сознания. Список слов был переведен на якутский, эвенский, эвенкийский и юкагирский языки. Кроме того, список был расширен словами «северной» тематики, релевантными для культуры северных народов, например, снег, олень, лошадь, корова, молоко, тундра, море, алаас, ворон, ысыах (национальный праздник), названия этносов, проживающих в республике, слова, относящиеся к традиционным верованиям, и др.

Что касается якутского ассоциативного словаря, массовый свободный ассоциативный эксперимент проводился с 2005 по 2010 г. среди студентов СВФУ (бывший ЯГУ), включая его филиалы в промышленных городах Мирный и Нерюнгри. В качестве респондентов в эксперименте приняли участие около 2000 студентов, носителей якутского языка, примерно одинаковое количество мужчин и женщин.

В результате отбора материала был составлен якутский ассоциативный словарь, включающий ответы 1220 респондентов на 140 стимулов.

Словарь состоит из двух частей – Прямой и Обратной. Прямой ассоциативный словарь содержит информацию о словах-стимулах и словах-реакциях, которые были даны как первые ассоциации в ходе ассоциативного эксперимента. *Обратный словарь* позволяет получить информацию об ассоциативных доминантах (словах, имеющих наибольшее число ассоциативных связей) в языковом сознании респондентов. Он содержит информацию от реакции к стимулу и показывает, реакцией для каких стимулов и в каком количестве выступило то или иное слово.

Как отмечает Е.И. Горошко, во второй половине XX столетия изучение ассоциаций приобрело несколько иной вид. Этому способствовали появление и развитие структурализма, опыт лингвистического описания значительного количества национальных и редких языков; проявление интереса к национально-культурной специфике языковых фактов и возникновение новых научных дисциплин (психолингвистики, семиотики, культурологии и др.). Наиболее существенный толчок в разработке ассоциативной проблематики был вызван, по мнению Е.И. Горошко, чисто практическими нуждами как психологии, так и лингвистики: практикой психоанализа, потребностями психиатрии, разработкой новых методик преподавания иностранных языков, созданием машинных языков, моделированием процессов порождения и восприятия речи, интересом к анализу языкового сознания и построению моделей картин мира представителей различных культур и социальных групп и пр. [5].

В результате анализа работ за последние 30-40 лет Е.И. Горошко выделяет целый ряд направлений, по которым развивались и развиваются эти исследования сегодня: изучение ассоциативного значения слова; измерение семантической близости между словами и степени вхождения этих слов в единое семантическое поле; исследования ассоциативной памяти и организации внутреннего лексикона человека; исследования ассоциативного процесса в связи с процессами порождения и восприятия речи; изучение влияния различных факторов на ассоциативное поведение испытуемых (профессиональные характеристики, возраст, пол) и, в частности, работы на ассоциативном материале онтогенеза; изучение особенностей протекания ассоциативного процесса в условиях билингвизма и трилингвизма и приложение полученных результатов к методологической сфере преподавания иностранного языка; использование

ассоциативных методик в пато- и психодиагностике при выявлении патологических психических состояний, функциональной асимметрии мозга, аффективных состояний и пр.; ассоциативная лексикография; ассоциативная грамматика и исследования ассоциативно-вербальной сети; исследование овнешнения образов языкового сознания в рамках теории межкультурного общения.

В основе фиксируемых ассоциациями связей лежат не только и не столько родо-видовые отношения, хотя они также представлены ассоциациями, сколько знания о «ситуациях-событиях» как типизируемых сознанием фрагментах действительности: без выделения таких фрагментов, без осознания их «участников» и системных связей невозможна эффективная ориентация в мире.

По сравнению с частотными, толковыми, семантическими и другими словарями ассоциативные словари обладают значительным своеобразием, ими открываются особые эвристические возможности, безусловно, требующие своего использования не только в теоретических, но и в прикладных работах, поскольку ассоциативными словарями открывается доступ к информационной основе языковой коммуникации [4].

Ассоциативная лексикография на материале якутского языка представляет особый интерес не только с точки зрения исследования языковых процессов, происходящих в современном якутском языке в условиях интенсивных языковых контактов, но и изучения особенностей протекания ассоциативного процесса в условиях национально-русского и русско-национального билингвизма, многоязычия, а также возможности практического применения полученных результатов к методологической сфере преподавания языков (родного якутского, русского и иностранных).

Литература

1. Архипова, С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике / С.В. Архипова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – №11. – С. 6-9.
2. Бутакова, Л.О. Ассоциативно-семантический словарь как форма фиксации ценностных составляющих сознания носителей языка / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц // Proceeding of 10th International Congress of the International Society of applied psycholinguistics. – Moscow, 2013. – P. 200-201.

3. Гольдин, В.Е. О значении русской ассоциативной лексикографии как совокупного научного источника / В.Е. Гольдин // *Proceeding of 10th International Congress of the International Society of applied psycholinguistics*. – Moscow, 2013. – P. 202-203.

4. Гольдин, В.Е. Ассоциативный словарь как особый источник данных внутренней семантической сети / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова // *Вопросы искусственного интеллекта (Вестник НСММИ РАН)*. – 2010. – №2. – С. 89-97.

5. Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – Москва, 2001. <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=92>

6. Заморщикова, Л.С. Ассоциативный тезаурус якутского языка / Л.С. Заморщикова // *Гуманитарные научные исследования*. – 2014. – №2.<http://human.snauka.ru/2014/02/6027> (дата обращения: 21.10.2016).\

7. Караулов, Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности / Ю.Н. Караулов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.Филология. Журналистика*. – 1994. – №1.

8. Стернин, И.А. Проблемы разработки психолингвистического толкового словаря / И.А. Стернин // *Proceeding of 10th International Congress of the International Society of applied psycholinguistics*. – Moscow, 2013. – P. 213-214.

9. Уфимцева, Н.В. Ассоциативная лексикография и исследование языкового сознания / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова // *Филология и культура*. – 2014. – № 4 (38).

10. Уфимцева, Н.В. Сознание, слово, культура / Н.В. Уфимцева // *Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам. Памяти Геннадия Владимировича Колшанского*. – Москва, 2000. – С. 44-55.

11. Уфимцева, Н.В. Ассоциативный тезаурус как модель языкового сознания носителя языка / Н.В. Уфимцева // *Языковое сознание: динамика и вариативность*. – Москва ; Калуга : Институт языкознания РАН, 2011. – С. 228-240.

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ИСЧЕЗАЮЩЕГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СААМСКОГО ЯЗЫКА)²

О.Н. Иванищева

Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск

Аннотация. В статье представлена специфика словарей исчезающих языков с точки зрения его пользователя. На материале словарей саамского языка – языка коренного малочисленного народа Севера — описан антропоцентрический и когнитивно-прагматический подход к лексикографированию культуры. Показано, что ориентация на пользователя словаря является особенно актуальной, когда речь идет об исчезающих языках. Доказано, что назначение такого словаря не только сохранить то, что еще осталось в памяти носителей исчезающего языка и культуры, но и ревитализировать эти знания. Утверждается, что в современной лексикографии необходим учет нескольких факторов при создании словаря исчезающего языка: актуальное состояние языка в языковом сообществе и объем фоновых знаний носителя языка, представляющих обыденный уровень познания окружающего мира коренным малочисленным народом. Определено, что для исчезающих языков наиболее актуальным является такой тип словарей, как учебный и лингвокультурологический (словарь активного типа).

Ключевые слова: словарь, исчезающий язык, саамский язык, лексикография.

THE PRINCIPLES OF CREATING A DICTIONARY OF A LANGUAGE UNDER EXTINCTION (LAPPISH AS A CASE-STUDY)

Abstract. The article describes specific features of dictionaries of endangered languages from the perspective of their user: Dictionaries of the

²Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Гезаурис кольско-саамского языка: сохранение лексического фонда в условиях русскоязычного окружения»), проект № 16-14-51001.

Saami language – the language of the indigenous minority of the North – are used to describe the anthropocentric and cognitive-and-pragmatic approach to lexicographical description of culture. The article shows that the focus on the dictionary user becomes especially critical for the endangered languages. It proves that the purpose of such dictionaries is not only to preserve the knowledge that the speakers of the endangered language and bearers of the culture still keep, but also to revitalize this knowledge. The article states that contemporary lexicography must consider several factors for making an endangered language dictionary: the present state of the language in the language community and the scope of background knowledge of a language speaker that represents everyday level of the world cognition by indigenous minority. The article determines that the most relevant for the endangered languages is learner's and linguoculturological dictionary (active type).

Keywords: *dictionary, endangered language, Saami language, lexicography.*

Цель статьи – показать необходимость учета специфики пользователя словаря исчезающих языков с позиции антропоцентрического и когнитивно-прагматического подходов. Нам представляется принципиальным то положение, что ориентация на пользователя словаря является особенно актуальной, когда речь идет об исчезающих языках. При этом необходимо учитывать, что пользователь словаря, являясь представителем этноса, заявляя свою национальную принадлежность, соблюдая традиции своего народа и сохраняя свою культуру, часто не владеет родным языком или владеет им в ограниченных рамках. Такой носитель знает некоторую терминологическую базу, необходимую для владения промыслами, а также использует разговорный язык с ограниченным лексиконом. Назначение словаря в этой ситуации не только сохранить то, что еще осталось в памяти носителей исчезающего языка и культуры, но и ревитализировать эти знания. В современной лексикографии, с нашей точки зрения, необходим учет нескольких факторов при создании словаря: для кого создается словарь (антропоцентрический аспект), каковы цели использования такого словаря (прагматический аспект) и какие навыки нужны пользователю словаря для его использования (когнитивный аспект). Эти факторы, выделяемые для лексикографии любого языка,

имеют свою специфику, когда речь идет об исчезающих языках. Необходимо отметить, что для исчезающих языков наиболее актуальным в связи с этим является такой тип словарей, как учебный и лингвокультурологический (словарь активного типа).

Проблемы лексикографирования исчезающих языков поднимаются в работах лингвистов с нескольких позиций. Так, У. Мозель описывает особенности документирования умирающих языков Папуа Новой Гвинеи (самоанский язык) и проблемы, связанные с этим процессом. Главное отличие между составлением словаря для языка большинства (major language) и исчезающего языка (endangered language), по мнению исследователя, состоит в том, что процесс документирования умирающих языков не коммерческое предприятие и составитель базы данных не является носителем этого языка. Словарь умирающего языка составляет в основном учитель или миссионер, который имеет регулярные контакты с носителями языка и живет в их среде или часто их посещает. Чаще всего словарь – это вторичный продукт его научного исследования. У. Мозель отмечает, что цель словаря исчезающего языка – не перевод или изучение языка, а его описание с целью ревитализации и научного исследования. Но в любом случае составлению словаря должно предшествовать осмысление, кто и для какой цели будет использовать этот словарь. То есть словарь должен удовлетворять интересам и носителей языка, и исследователей. При этом идеальным вариантом является создание двух словарей: один – удовлетворяющий потребностям носителей языка, а другой – удовлетворяющий потребностям исследователя и его научной работы. Но если нет возможности создать два словаря, то первый вариант приоритетен. Составление словаря исчезающего языка связано с решением нескольких принципиальных вопросов для исследователя, таких, например, как выбор диалекта, который будет основным в словаре, определение типа словаря, выбор орфографического варианта для слова. Так, решение о том, какой диалект данного языка будет выбран ведущим для представления в словаре, должны принимать носители языка, но если это право предоставлено исследователю, то он должен принимать решение в зависимости от того, каково количество носителей того или иного диалекта, возраст носителей диалекта, использование диалекта в разных функциях. Если в умирающем языке нет стандартизированной орфографии, то следует обратиться к языковому сообществу. При этом надо пом-

нить, что часто это вопрос политический. Но, несмотря на то, что различные орфографические варианты могут сделать словарь громоздким, иногда не удается избежать фиксирования таких вариантов [4].

При этом, с нашей точки зрения, исследователями упускаются некоторые аспекты словаря исчезающих языков, связанного с его пользователем.

Язык саамов Кольского полуострова – коренного малочисленного народа Севера – относится к вымирающим языкам (*critically endangered*), что связано с отходом саамов от традиционных промыслов и традиционного образа жизни, дисперсностью их проживания, отсутствием образовательной среды, невостребованностью саамского языка в среде российских саамов, длительностью воздействия на саамский язык русского языка. В связи с этим особое значение приобретает сбор и описание лексики кольско-саамских языков (кильдинского саамского языка в частности) с представлением широкого культурологического фона, в котором аккумулируется многовековой опыт народа.

Работа над созданием словарей саамского языка – словаря лексики духовной культуры саамов, словаря лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов, а также зоонимикона кильдинского диалекта саамского языка (Словарь лексики духовной культуры кольских саамов, 2013; Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов, 2014; Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка, 2015) позволил нам сделать некоторые выводы о специфике потенциального пользователя этих словарей.

Указанные словари саамской лексики реализуют главную задачу наших исследований – фиксацию актуального состояния саамского языка в языковом сообществе. Словарь при этом выполняет очень важную функцию – сохранение компонентов традиционного мировоззрения, которое включает в себе главные жизненные смыслы северного этноса. Образ жизни коренных малочисленных народов определяется в основном тремя факторами: природными условиями, типом расселения и типом хозяйства, два последних при этом определяют тип культуры. Эти знания отражают более архаичное, фундаментальное отношение человека к миру с точки зрения смысла, утилитарные ценности народной культуры.

Как показал опыт создания словарей саамского языка, словари исчезающего языка имеют свою специфику, которая заключается в его пользователе, словнике и дефиниции.

Специфика потенциального пользователя наших словарей лексики саамского языка состоит в том, что его знание родного языка проблематично, а если считать, что словарь двуязычный, то его пользователь должен владеть хотя бы одним из языков — русским или кольско-саамским. Абсолютное большинство кольских саамов владеют русским языком, и лишь часть из них владеет родным саамским.

По своей сути наши словари являются переводными (двуязычными) словарями, т.е. содержат исходное слово на саамском языке и словарную статью с переводным эквивалентом чаще всего в виде описания. Кроме лексики саамского языка, эквиваленты, комментарии и пояснения в словаре даются на русском языке. Но основное внимание уделено в словарях не грамматическим признакам слова, а культурологическому комментарию, который отражает фоновые знания носителя языка. См. примеры из словарей лексики саамского языка: *вўнхэй* – *сват, сватающий*. *Сваты бывали обыкновенно из числа близких родственников, но иногда они выбирались и из лиц посторонних, сверстников, приятелей. В Пазрецьком погосте свата называли «ниточная прядея», иногда – «кучер». Первое название происходило из того, что сват всё распраскивал у невесты, всё расхваливал, всё налаживал, кучером – потому что ходил созывать родственников на свадьбу, подносил им всем вино. Сваху тоже называли «ниточная прядея», так как она у невесты всё восхваляла и невесту готовила к венцу. Присутствие их в церкви не являлось необходимым, так как там у них не было никаких обязанностей. По предположению Н.Н. Харузина, название «ниточная прядея» получено свахами из-за того, что при сватовстве они начинали пряхть нитки перед тем, как свататься. Сватами считалась и вся родня молодой или жениха друг для друга. Сватом мог быть как мужчина, так и женщина среднего возраста [2. С. 69]; *ледник* – *ледник для хранения рыбы, естественная расселина или сооружение, заглубленное в землю, куда привозили и забивали весной много льда. Лед кололи на озерах пешнями и привозили. Все лето, с мая по июль, лед оставался, таял медленно и очень хорошо он сохранял рыбу [3. С. 159]; *пальтэсь* – *волк*. *Саамы-охотники, увидев волка, старались его замучить, гоняя на лыжах по глубокому снегу и били колями. Если волк был еще способен сопротивляться и, пытаясь скрыться, оставлял следы, то охотники добывали его из самострелов, рогатиной или дротиком. Еще одним вариантом охоты на вол-***

ков является сооружение волчьей ямы. Волков загоняли в волчьи ямы и убивали свинцовыми пулями из пицали. С волками саамам постоянно приходилось вести упорную борьбу, так как громадные волчьи стаи причиняют немалый ущерб их стадам. Олаф Магнус говорит о капканах, раздробляющих волкам лапы в тот момент, когда они набрасываются на положенную около них пищу. Волчьи шкуры составляли предмет меновой торговли саамов со шведами. Саамы обменивали волчьи шкуры на медную посуду, дешевые полотна, вытканые шведскими крестьянами. Иногда из волчьего меха изготовлялись рукавицы. Рукавицы шились мехом наружу [1. С. 56].

Как видно из примеров, дефиниции наших словарей представляют собой вариант двуязычного слова с культурологическим комментарием к переводному эквиваленту. Основное назначение наших словарей видится в сохранении уникальных фактов культуры и языка как части культуры коренного малочисленного народа. Поэтому исходным пунктом в словаре было для нас понятие (концепт), а не слово.

В содержании дефиниции таких словарей коренного малочисленного народа, как наши, отражен обыденный уровень познания. Основой обыденного познания является непосредственный личный опыт каждого, поэтому это познание носит более субъективный по сравнению с научным познанием, более индивидуализированный характер. Но в таком подходе есть и преимущества – это богатство решений и широта поиска. В словаре лексики саамского языка как раз и отражен такой опыт: в ситуации отсутствия живой разговорной среды, условий для использования языка в личной и общественной жизни, преклонный возраст активных носителей языка, отрыв носителей языка от среды обитания языка – материальной и духовной культуры естественно обращение к когнитивной, а не коммуникативной сущности фоновых знаний. Поэтому типичные способы выявления фоновых знаний носителя языка (опрос носителей, анализ словарных статей разных типов словарей и текстов художественной и публицистической литературы) не могут быть использованы в полной мере. В такой ситуации исследователю следует фиксировать все знания носителя языка, не различая личное и социальное. Носитель языка, который может быть информантом, рассказывая о своем личном опыте, представляет типичное и обычное, потому что социальная среда, в которой информант вырос, фиксировал только такое знание.

Исходя из вышеизложенного тип словарей лексики духовной и материальной культуры саамов можно назвать смешанным – учебным и лингвокультурологическим. С одной стороны, словари описывают чужую для русскоязычного пользователя культуру, но чаще всего представляют сведения, которые незнакомы даже носителю саамской культуры. С другой стороны, словари предназначены, в том числе, для саамского пользователя, который не владеет языком своего этноса. В этом и состоит специфика словарей коренных малочисленных народов, язык которых относится к группе *critically endangered*.

Таким образом, словарь лексики исчезающего словаря – уникальный лексикографический продукт. При его составлении необходимо учитывать многие факторы (назначение словаря, грамматические особенности языка, орфографические варианты при отсутствии нормы и т.д.), но особое внимание необходимо, на наш взгляд, обратить на пользователя словаря – носителя данной культуры и языка – на его опыт, знание/незнание элементов собственной культуры и языка, мотивы использования словаря. При этом словарь обретает вид одновременно и учебного, и лингвокультурологического словаря: основную часть словаря, наряду с переводом, занимает культурологический комментарий, отражающий в наиболее полной степени фоновые знания носителя языка, почерпнутые из интервью с оставшимися в живых носителями языка, этнографических источников, текстов художественной литературы и фольклора. Такой словарь служит одновременно и учебником родного языка и культуры, и энциклопедией народных знаний, реализуя таким образом антропоцентрический и когнитивно-прагматический подход к лексикографированию культуры.

Литература

1. Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка : учебный культурологический словарь / авт.-сост. : О.Н. Иванищева, Ю.С. Митина. – Мурманск : МГГУ, 2015. – 108 с.
2. Словарь лексики духовной культуры кольских саамов / авт.-сост. : О.Н. Иванищева, В.Б. Бакула. – Мурманск: МГГУ, 2013. – 222 с.
3. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка)

ка)/ авт-сост. : О.Н. Иванишева, А.М. Эрштадт. – Мурманск : МГГУ, 2014.
– 249 с.

4. Mosel, U. Lexicography in endangered language communities, 2011
[Электронный ресурс]. URL: http://www.linguistik.uni-kiel.de/sldr/stuff/CUP_Mosel_Lexicography140809.pdf (дата обращения: 03.04.2015).

**МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ «SakhaSpellerMobile»
ДЛЯ ПРОВЕРКИ ОРФОГРАФИИ ТЕКСТОВ
НА ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ**

К.Р. Малышев, В.В. Мигалкин

ООО «Многомерные технологии», г. Якутск
mal_kos@list.ru, vmigalkin1952@mail.ru

***Аннотация.** В данной статье кратко описывается мобильное приложение «SakhaSpellerMobile», предназначенное для проверки орфографии текстов на якутском языке, которое позволяет не только определить, правильно ли написано то или иное слово, но и в случае обнаружения ошибки предлагает наиболее похожие по написанию слова.*

***Ключевые слова:** саха, якутский язык, проверка, орфография, sakhaspeller, speller, sakha, мобильное устройство, android, распространение, поправка, выбор, подсказка.*

**SakhaSpellerMobile APPLICATION FOR SPELLCHECKING
YAKUT TEXTS**

***Abstract.** This article gives a brief description of a mobile application - SakhaSpellerMobile. This application is designed to check the spelling in Yakut texts. The application allows not only to identify whether the word was spelled correctly, but also offers a range of other words with similar spelling in case a spelling mistake was found.*

***Keywords:** Sakha, Yakut language, check, spelling, Sakhaspeller, speller, sakha, mobile device, android, distribution, correction, chose, prompts.*

Мобильное приложение «SakhaSpeller Mobile» является продолжением работы над программой «SakhaSpeller» [1], которая позволяет проверять орфографию не только отдельных слов на якутском языке, но и целые тексты. Она была выполнена в виде надстройки на текстовый редактор MicrosoftWord. Работа этой программы основывалась на прин-

ципе составления, в соответствии со специально разработанными машинными правилами, слова-«образца» и проверяемого слова. На основе этого определялся результат проверки слова, правильно оно написано или нет. Разработанная Мигалкиным В.В. еще в начале 2000-х гг. программа «SakhaSpeller» до сих пор является единственной в своем роде [2].

Мобильная версия программы воплотила в себе все возможности десктоп-версии. Но теперь она «научилась» не только определять, правильно ли написано то или иное слово, но и находить ошибки в самом слове, а также, при обнаружении ошибок, предлагать наиболее близкие по написанию варианты якутских слов. Дело в том, что мы позиционируем свое приложение как подспорье для обучения якутскому языку. Основной аудиторией нашего продукта мы видим людей, изучающих якутский язык, естественно, это могут быть люди с разными уровнями подготовки, например: школьники, студенты или просто решившие самостоятельно заниматься изучением якутского языка. В таком случае было бы крайне полезным показывать в приложении не только то, правильно ли написано то или иное слово, но и то, где в слове находится ошибка. Или, в случае обнаружения ошибки, показать список правильных слов, наиболее подходящих по написанию введенному, что, по нашему убеждению, будет гораздо удобным предложением для конечного пользователя. Здесь стоит оговориться, что программа ищет наиболее похожие слова именно по написанию, но не по смыслу.

Взявшись за реализацию этой идеи, мы сразу же столкнулись с первой проблемой. Старый алгоритм проверки не подходил, так как работал опираясь на то, что проверяемое слово изначально написано верно, а в нынешней задаче необходимо предполагать, что введенное слово изначально написано неправильно и нам необходимо найти наиболее похожие с ним слова.

В базе данных нашей программы около 50000 различных лексем. В якутском языке существует 6 правил спряжения лексем по содержащимся в них гласным, кроме того, для каждого правила имеется по 584 аффикса глаголов из-за развитой системы модальности (от обязательно должного до обязательно не должного (12 форм)) с учетом личности действующего (надо отметить, что в якутском языке глаголы неопределенной формы не существуют), а также 114 окончаний (аффиксов) имен

существительных, прилагательных, а также причастия из-за безличного и лично-притяжательного склонения (с учетом вопросительного падежа) [3-6]. Понятное дело, что при таком объеме данных нельзя решить дело простым перебором и подбором наиболее подходящего слова.

Также надо учитывать и то, что ошибка в слове может находиться в любой её части: неправильно прописанный символ может находиться в конце, в начале, в середине слова или же какого-то символа может не хватать. А может быть наоборот – какой-то символ будет лишним. Ошибок может быть несколько или только одна. Вариантов может быть масса, и делать некоторые допущения, на которые можно было бы опираться при анализе, вроде «первый символ всегда верный», тоже не представляется возможным, так как они накладывают некоторые ограничения на поиск ошибки в слове.

В целом работа сводится к решению задачи нечеткого поиска, для решения которой уже существуют многие методы [7]. Мы использовали следующие, как наиболее подходящие нам: вычисление расстояния Дамерау-Левенштейна и метод N-грамм.

Краткий алгоритм работы: для поиска лексемы – «корня» словоформы мы используем метод N-грамм, т.е. разбиваем таблицу лексем на граммы по 3 буквы – триграммы и ищем слова по совпадению. Опираясь на список выданных лексем и специальные машинные правила спряжения аффиксов, мы можем выводить список различных комбинаций словоформ и проверять их метрику по отношению к проверяемым словам. Словоформы с наиболее маленьким значением расстояния редактирования и будут являться результатом и включаются в список наиболее похожих слов.

В 2015 г. мы завершили работу над первой версией мобильного приложения под платформу Android, о чем имеется авторское свидетельство [8], приложение «SakhaSpellerMobile» (тестовая версия) доступно для свободного скачивания в магазине GooglePlay.

Естественно, у нашего подхода есть свои недочеты, но мы уже знаем, как их решить.

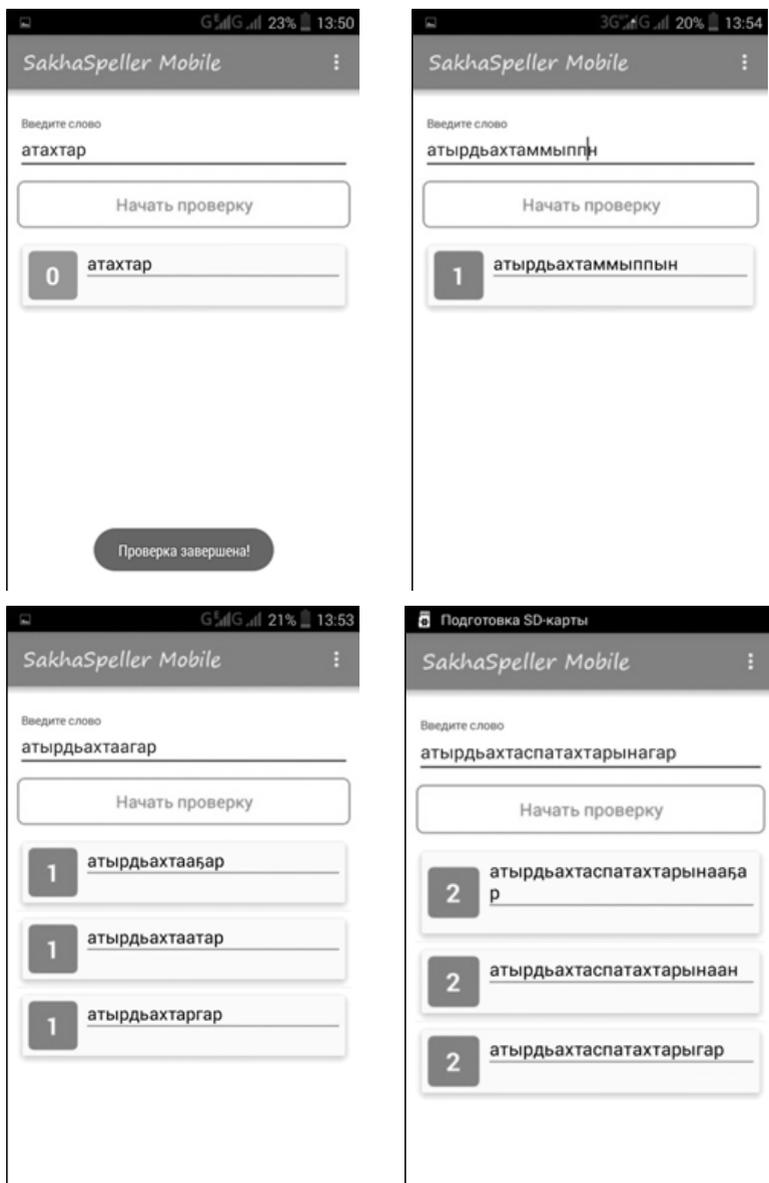

Рис. 1. Примеры работы приложения (скриншоты) в разных режимах

Литература

1. Мигалкин, В.В. Моделирование орфографии якутского языка и разработка комплекса программ для проверки правописания якутских текстов в среде WINDOWS : автореф. дис. ... канд. техн. наук / В.В. Мигалкин. – Якутск, 2005. – 18 с.
2. Sakha : свидетельство об офиц. регистрации программы для ЭВМ № 2001611636 Рос. Федерация / В.В. Мигалкин; зарегистрировано в реестре программ для ЭВМ 3.12.2001.
3. Коркина, Е.И. Наклонение глагола в якутском языке / Е.И. Коркина. – Москва : Наука, 1970. – 307 с.
4. Петров, Н.Е. Модальные сочетания в якутском языке / Н.Е. Петров. – Москва : Наука, 1988. – 208 с.
5. Убрятова, Е.И. Историческая грамматика якутского языка / Е.И. Убрятова. – Якутск: ЯГУ, 1985. – 60 с.
6. Убрятова, Е.И. Исследование по синтаксису якутского языка / Е.И. Убрятова. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.
7. Мосалев, П.М. Обзор методов нечеткого поиска текстовой информации / П.М. Мосалев // Вестник Московского государственного университета печати. – 2013. – № 2. – С. 87-91.
8. SakhaSpeller for Smartphone: свидетельство об офиц. регистрации программы для ЭВМ № 2015660551 Рос. Федерация / К.Р. Малышев, В.В. Мигалкин; зарегистрировано в реестре программ для ЭВМ от 25.08.2015.

К ЗАДАЧЕ СОЗДАНИЯ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА³

Ф.И. Салимов, Ф.С. Баязитова, Р.Ф. Салимов

*Казанский федеральный университет,
Институт прикладной семиотики АН Республики Татарстан,
Институт языка, литературы и искусства
АН Республики Татарстан, г. Казань
farid.salimov@kpfu.ru*

Аннотация. *Рассматривается задача создания этнолингвистического электронного терминологического словаря. Электронный ресурс включает в себя коллекцию образцов живой диалектной речи, собранную в полевых экспедициях. Ресурс привязан к электронному атласу татарских народных говоров.*

Ключевые слова: *Этнолингвистика, термин, словарь, татарские диалекты, татарский язык.*

ON THE PROBLEM OF CREATING AN ETHNO-LINGUISTIC DICTIONARY OF THE TATAR LANGUAGE

Abstract. *The paper considers the problem of creating an ethnolinguistic electronic terminological dictionary. The electronic resource includes a collection of live samples of dialectal speech, collected in field expeditions. Resource is linked to the electronic atlas of Tatar folk dialects.*

Keywords: *Ethnolinguistics, a term, dictionary, Tatar dialects, Tatar language.*

Проблема сохранения и изучения дошедшего из глубины веков культурного наследия является одной из важнейших задач современной науки. При этом большое значение имеет задача изучения языковых особенностей народов, населявших ту или иную территорию, реконструкции

³Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-12024)

и восстановления древнейших обрядов, обычаев и верований [1]. В последние десятилетия татарскими диалектологами разрабатывается культурно-языковая и обрядовая терминология, сохранившаяся в диалектах татарского языка. Решение этой задачи требует сбора и систематизации очень объемного полевого материала, сохранившегося в коллективной народной памяти.

К настоящему времени усилиями группы ученых Института языка, литературы и искусства АН Республики Татарстан (ИЯЛИ АН РТ) собран богатый этнолингвистический материал, относящийся к традиционным обрядам и обычаям татарского населения. Материал собирался на обширной географической территории, включающей в себя более 25 регионов Российской Федерации, в течение более чем полувекового интервала времени. Результаты исследований были систематизированы и опубликованы в трудах татарских диалектологов в виде монографий и многочисленных журнальных статей. При этом особая роль отводилась обрядовой терминологии, которая рассматривалась в контексте собранных в полевых экспедициях материалов, воспроизводивших своеобразие и богатую колоритность живой народной речи. В этом направлении можно отметить многочисленные труды Ф.С. Баязитовой, которые характеризуются анализом и систематизацией обширного этнолингвистического материала, связанного с различными событиями жизни человека, описанием обрядовой лексики, мифологии, календарных обычаев. Большинство книг Баязитовой построено по тематически-гнездовому принципу, в основе которого лежит разбиение собранного фольклорного и диалектного материала по тематическим группам с выделением терминов, относящихся к определенному разделу, и описания их семантики. Особенно ценным в публикациях являются многочисленные иллюстративные примеры, показывающие употребление терминов в различных диалектах татарского языка. Однако книжная форма представления информации затрудняет цельное восприятие приведенного материала, прежде всего, ввиду его значительного объема и специфики бумажного изложения. Кроме того, все книги Баязитовой написаны исключительно на татарском языке, что значительно сужает круг возможных исследователей и затрудняет изучение взаимовлияния различных языковых культур, сосуществующих в рамках одной географической территории.

При поддержке фонда РГНФ решалась задача создания электронного этнолингвистического словаря татарского языка, основанного на материале книг, связанных с различными этапами жизни человека (рождением, свадебными церемониями, смертью) [2; 3; 4]. Создаваемый ресурс представляет собой базу данных, включающую в себя терминологический словарь, описание семантики включенных в словарь терминов, а также коллекцию образцов практического использования включенных в словарь терминов в диалектной речи татар. Кроме того, предполагалось связать термины словаря с базой данных электронного атласа татарских народных говоров с целью визуализации на картах атласа географии распространения терминов в рамках диалектов, в которых они употребляются.

Поскольку основным источником для создания базы данных выступали книги, то прежде всего необходимо было решить задачу сегментации изложенного в них материала выделением самого термина, его семантического описания, диалектов, в которых термин употребляется, а также примеров его употребления в живой диалектной речи. При решении этой задачи возникли определенные трудности. Книги Баязитовой в большей степени ориентированы на их чтение человеком. При написании книг изначально не предполагалась их обработка в автоматическом режиме. В текстах книг перемешаны как сами термины, так и примеры их употребления в различных диалектах, их семантическое толкование и другая информация. В книгах не поддерживается единый язык разметки одинаковых по структурному назначению частей текста, многие одинаковые в семантическом отношении фрагменты оформлены различным образом, в выделенных терминах не везде проставлены ссылки на диалекты и говоры, где они встречаются.

Был проведен тщательный анализ оформления фрагментов текста книг. Основная задача состояла в описании системы признаков, характеризующих различные фрагменты текста: термины, ссылки на диалекты и говоры, в которых они употребляются, их семантическое описание, а также примеров, которые служат для иллюстрации употребления соответствующих терминов в различных диалектах и говорах. Далее на базе проведенного анализа была создана специальная процедура сегментации, которая сканировала текст книги и, с учетом правил оформления абзацев, разбивала анализируемый фрагмент на составные части. К со-

жалению, подобный подход не гарантировал точности разбиения. По этой причине результаты работы процедуры сегментации сбрасывались в специальные таблицы и далее обрабатывались вручную. Точность определения границ выделяемых сегментов определялась лингвистом, при обнаружении ошибок производилась их ручная корректировка. Эта работа была достаточно трудоемкой и потребовала просмотра большого по объему материала.

В создаваемый словарь была включена информация по фонетической транскрипции терминов. В книгах Баязитовой используется предложенная автором облегченная транскрипция. Для возможности использования терминов и примеров в диалектических корпусах была предложена транслитерация терминов на письменные формы татарского языка с использованием символов Международного фонетического алфавита (МФА)[5].

Кроме того, был осуществлен перевод семантического описания части терминов на русский язык. Работа по переводу была вызвана стремлением создать доступ к базе данных более широкому кругу пользователей (в частности, и тем, кто плохо владеет татарским языком) для различных сопоставительных исследований обрядовой терминологии. Эта задача оказалась достаточно сложной даже для опытных лингвистов. Описание каждого термина, с одной стороны, должно быть предельно точным (отражать характерные особенности связанных с термином обрядов, их специфику, национальный колорит, историю, этнографию), с другой стороны – быть достаточно кратким. Эти условия, являясь достаточно противоречивыми, серьезно осложнили работу в этом направлении. За два года работы над проектом удалось обработать только словарь свадебных терминов (около 6000 наименований), отложив подобную работу для описания родильных терминов на третий год.

В создаваемую базу данных была включена обширная коллекция диалектных текстов, собранных Ф.С.Баязитовой в этнолингвистических экспедициях. Включенные в словарь термины и примеры из этой коллекции связаны между собой определенными отношениями, которые позволяют для различных диалектов татарского языка демонстрировать примеры употребления термина в живой речи татар. Была разработана специальная программа согласованной загрузки данных из обработанных текстовых фрагментов. В состав базы данных были включены

дополнительные словари по диалектизмам татарского языка, которые играют вспомогательную роль, но встречаются в текстах книг и расшифровываются в виде сносок. Дополнительно в базу данных включена информация по информантам, по населенным пунктам, а также библиография по научным источникам, которые были использованы при создании книг. При анализе списка населенных пунктов добавлена информация по диалектам и говорам, характеризующим данный населенный пункт, эта информация сравнивалась с подобной информацией для населенных пунктов, описанных в составе атласа татарских говоров. Следует отметить, что из более чем 200 населенных пунктов, где собиралась информация по свадебной лексике, только лишь половина описана в составе атласа. Это объясняется тем, что информация по этнолингвистическим материалам в основном собиралась в отдаленных, малонаселенных селах, в которых в силу их удаленности от “цивилизации” сохранились сведения о первобытном языке и культуре. Однако это обстоятельство создало определенные сложности при определении географических координат соответствующих населенных пунктов. Со времени проведения экспедиций многие населенные пункты прекратили свое существование, и в ряде случаев было довольно трудно найти по ним необходимую информацию.

Одним из основных отличий электронной реализации словаря от книжной является возможность выбора различных форм представления информации в зависимости от вида решаемых задач. Как уже упоминалось, словарь построен на базе трех книг, отличающихся тематикой. Пользователь имеет возможность выбирать источник информации и тем самым расширять или сужать объем набора терминов базового словаря. Доступ к словарю осуществляется в двух вариантах: тематическом и алфавитном.

Первый способ предоставляет иерархический доступ к терминам, разбитым по предметным областям, который в целом соответствует способу представления информации, изложенной в книжной версии.

В правой части экрана для каждого выбранного термина появляется набор примеров употребления этого термина в диалектной речи с указанием диалектов, которые представляют гиперссылку и выделены синим цветом. При необходимости пользователь может перейти по ссылке на карты электронного атласа татарских народных говоров [6; 7], на кото-

на появляется дополнительная информация (фонетическая транскрипция термина, семантическое описание на татарском и русском языках).

Описанные выше варианты доступа реализуются через специально построенную систему запросов. Система программно поддерживает стек запросов: пользователь имеет возможность возвращаться на предыдущие шаги, перемещаясь по клавишам-стрелкам в верхнем углу активного окна.

Программа создается как интернет-ресурс. Доступ к словарю можно получить по адресу ethnoling.antat.ru. Материалы словаря могут быть использованы в этнолингвистических исследованиях, при создании диалектологических корпусов для татарского языка, а также при обучении татарскому языку.

Литература

1. Толстой, Н.И. Язык и народная культура (очерки по славянской мифологии и этнолингвистике) / Н.И. Толстой. – Москва, 1995. – 509 с.
2. Баязитова, Ф.С. Туй йолалары лексикасы (жирле сөйләш һәм фольклор текстлары яссылыгында) / Ф.С. Баязитова. – Казан : Паравитта, 2011. – 976 б.
3. Баязитова, Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: бишек туге (йола һәм фольклор текстлары яссылыгында) / Ф.С. Баязитова. – Казан: Алма-Лит., 2012. – 331 б.
4. Баязитова, Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: соңгы туй (дини фольклор һәм жирле сөйләш текстлары яссылыгында) / Ф.С. Баязитова. – Казан, 2015. – 711 б.
5. Байчура, У.Ш. Звуковой строй татарского языка / У.Ш. Бачуйра. – Казань : Изд-во КГУ, 1959.
6. Салимов, Ф.И. Электронная версия атласа татарских народных говоров / Ф.И. Салимов, Д.Б. Рамазанова, А.Г. Пилюгин, Р.Ф. Салимов // Вестник Татарского государственного гуманитарного педагогического университета. – Казань, 2012. – С.205-210.
7. Салимов, Ф.И. Электронный атлас татарских народных говоров как инструмент исследования / Ф.И. Салимов, Г.А. Пилюшин, С.А. Ершов // Труды татарской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике, TEL-2012, ФЭН, АН РТ. – Казань, 2012. – С.48-54.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСИКИ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

И.И. Санникова

*Арктический государственный институт культуры и искусств,
г. Якутск
naminna@yandex.ru*

Аннотация. *Статья посвящена раскрытию особенностей преподавания этнолингвистики как учебного предмета в национальном вузе культуры и искусства. При этом одним из главных приемов выступает сопоставление лексики разных языков: родных языков обучающихся (якутского, эвенского, эвенкийского), русского и иностранного языков.*

Ключевые слова: *якутский язык, языки народов Севера, русский язык, иностранный язык, языковая картина мира, лексика, этнолингвистика.*

METHOD OF COMPARING DIFFERENT LANGUAGES VOCABULARY IN THE PROCESS OF TEACHING ETHNOLINGUISTICS

Abstract. *The paper is devoted to the peculiarities of teaching ethnolinguistics as a school subject in a national institution of culture and art. At the same time one of the main methods is comparison of the vocabulary of different languages: the students' native languages (Yakut, Even, Evenk), Russian and foreign languages.*

Keywords: *Yakut language, the languages of the peoples of the north, Russian language, foreign languages, linguistic worldview, vocabulary, ethnolinguistics.*

Этнолингвистика как учебный предмет преподается в Арктическом государственном институте культуры и искусств на отделении «Народная художественная культура», профильный модуль «Теория и исто-

рия народной художественной культуры». По мнению Н.Д. Булатовой, «специфика содержания этнолингвистической подготовки будущих специалистов по народной художественной культуре, отраженная в программе курса «Этнолингвистика», заключается в том, что язык народа выступает как код культуры и изучается в его взаимосвязи с различными другими компонентами традиционной культуры как целостная семиотическая система» [1. С. 14]. В данном контексте очень важным является обращение к языку как составной части культуры того или иного народа. Как справедливо утверждает С.Г. Тер-Минасова, «язык - зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [5. С. 14].

На отделении «Народная художественная культура» учатся студенты разных национальностей, представители народов Севера, специализирующиеся на этнокультуре народов Арктического региона. Многие из них владеют родным языком. Что касается лингвистических компетенций учащихся, то они изучают русский, иностранный (английский или французский), якутский, эвенский, эвенкийский языки. Дисциплина «Этнолингвистика» преподается после изучения всех этих языков. Думаем, что неправомерно было бы не использовать весь этот багаж знаний в изучении этнолингвистики.

В процессе преподавания данной дисциплины часто обращаемся к сопоставлению лексики разных языков. Этот прием позволяет увидеть специфику того или иного языка, различие представлений того или иного народа о мире, отличие языковых картин разных народов друг от друга.

Например, по теме «Язык и культура» можно в качестве практического задания проанализировать цветообозначения народов Севера с точки зрения теории стадийного возникновения базовых цветообозначений Д. Берлина и П. Кея. Рассмотрев цветообозначения в якутском, эвенском и эвенкийском языках по словарям («Якутско-русский словарь» под редакцией П.А. Слепцова [7], «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек [6], «Русско-эвенкийский словарь» Б.В. Болдырева [4]), студенты приходят к выводу, что цвета первых двух стадий – белый, черный, красный – есть во всех трех языках. Цвета третьей и четвертой

стадии – синий и зеленый – часто смешиваются, используются одни и те же обозначения. Цвета 5–7-й стадий (желтый, коричневый, розовый, оранжевый, фиолетовый, серый) представлены по-разному, чаще отсутствуют. Это позволяет сделать вывод о том, что, хотя климат и ландшафт и влияют на цветообозначения, каждый язык по-своему реагирует на окружающую природу.

Ключевые цвета, как правило, обозначаются несколькими словами. Много цветообозначений белого цвета у всех народов, поскольку это цвет снега, священный у северных народов. Цветообозначения жителей Севера часто связаны с родом занятий, в частности с животноводством. Многие из них обозначают масти животных: оленей, лошадей, коров. Кроме того, большое значение имеют диалектные различия. Например, якутское слово «*борон*» некоторые понимают как обозначение серого цвета, другие – как обозначение коричневого.

Цвета	Якутский язык	Эвенский язык	Эвенкийский язык
Белый	<i>Манган, үрүг</i>	<i>Гилтаня, небати, чэлкэ</i>	<i>Багдама, багдарин, чолко, чэлкэ, кимэ, кимэрин, бэли.</i>
Черный	<i>Хара</i>	<i>Хакарин, негчэнэ, мунрин, хангра, чилэнгэ</i>	<i>Конномо, дылбирин, лупчурин, хактырапчу, хактыра.</i>
Красный	<i>Кыһыл, тэтэркэй</i>	<i>Хуланя</i>	<i>Хулама, хуларин, хорин, краснэй, хутама, гудэй.</i>
Синий	<i>Халлаан күөбэ</i>	<i>Чулбаня</i>	<i>Чутума, чулама, диктэмэ.</i>
Зеленый	<i>От күөбэ</i>	<i>Чулбаня</i>	<i>Чулама, чуларин, чурин.</i>
Желтый	<i>Саһархай, араҕас</i>		<i>Синама, синарин, олача, авданнама.</i>
Коричневый	<i>Борон</i>		<i>Синама, синарин</i>
Серый	<i>Борон</i>	<i>Хонаня</i>	<i>Сэрэмэ, игдяма, игдярин</i>
Розовый			<i>хулаптымыкин, хутамакан, хэпкэмэ</i>
Оранжевый	-	-	-
Фиолетовый			
Голубой		<i>Чулбаня</i>	<i>Чулама, чутума, чутурин, куку, иктэмэ.</i>

Изучая тему «Языковая картина мира», можно дать задание сопоставить слова, обозначающие те или иные географические понятия. В качестве исходного материала даются русские слова (в том числе и заимствованные): *вселенная, мир, небо, земля, солнце, луна, месяц, звезды, радуга, ручей, родник, река, море, океан, озеро, пруд, роцца, бор, лес, сад, тайга, тундра, долина, равнина, пустыня, остров, гора, сопка, холм, поле, луг, дождь, гроза, град, снег, туча, облако, гром, молния, курган* (40 слов).

К ним даем слова для справок, прежде всего, якутские слова: *кун, чабылбан, хонуу, аан дойду, хаар, ый, өрүс, сулус, чаранг, этинг, кустук, халлаан, күөл, ардах, арыы, туундара, байбал, сир, чолбон, булгуннах, үрэх, тайба, ойуур, хайа, хочо, үрүйэ, муора, чагда, кумах куйаар, мыран, алаас, томтор, былыт, тыа, тобурах, көлүйэ* (всего 37 слов).

Кроме того, предлагаем студентам английские слова (большинство студентов изучали английский язык): *rainbow, star, sea, ocean, lake, mountain, taiga, tundra, sky, valley, plain, space, brook, desert, island, moon, universe, pine forest, world, forest, spring, meadow, earth, garden, rain, snow, field, sun, hill, cloud, river, grove, lightning, storm, hail, thunder, pond* (всего 38 слов).

Прежде всего, обращаем внимание студентов на различие количественного состава слов, что говорит о том, что не все слова имеют эквиваленты в том или ином языке. В дальнейшем, по мере необходимости обращаясь к словарям, выясняем лексическое значение всех исходных слов, а также некоторых якутских и английских слов. Сопоставление показывает, например, что в русском языке есть слова *луна* и *месяц, облако* и *туча*, а в якутском – только слова *былыт* и *ый*, и, наоборот, в якутском есть слова *ойуур* и *тыа, ардах* и *самыыр*, а в русском – только слово *лес* и *дождь*. При необходимости можно обратиться к переводным словарям.

При изучении темы «Моделирование знаний и представлений в области материальной и духовной культуры» сравниваем названия деревьев в якутском и русском языках. При этом для анализа лексического значения русских слов используем «Словарь русского языка» С.И. Ожегова [3]:

Береза – лиственное дерево с белой корой и с сердцевидными листьями.

Ель – хвойное вечнозеленое дерево с кроной конусообразной формы.

Лиственница – хвойное дерево с мягкой опадающей на зиму хвоей и ценной древесиной.

Сосна – хвойное дерево с длинными иглами и округлыми шишками.

Ива – кустарник или дерево с гибкими ветвями и узкими листьями.

Тальник – небольшая ива, растущая по сырым местам, обычно в виде кустарника.

Ракита – дерево или кустарник из рода ив, растущие главным образом по берегам рек.

Верб – дерево или кустарник из рода ивы, с пушистыми почками.

Для анализа лексического значения якутских слов мы выбрали «Научные труды» А.Е. Кулаковского [2].

Бэс – сосна. *Бэрдьигэс* – молодая сосна.

Тиит – лиственница. *Титирик* – молодая лиственница.

Хатыг – береза. *Ыарба* – черная береза, малорослая береза, ерник. *Дэбигдэ* – береза с тонкой, как бумага, корой.

Харыйа – ель.

Үөт – ива плакучая. *Иирэ* – ива речная, белотал.

Сутугах талах – ива грушанколистная. *Кыыл сир талаба* – ива черничная. *Үрүҥ талах* – ива коротконожковая. *Хара талах* – ива корзиночная, чернотал. *Кыһыл талах, дьахтар талах* – свидина белая. *Эр талах* – речной кустовидный тальник. *Чай талах* – полярная ива и арктическая ива.

Проанализировав названия деревьев, обращаем внимание на то, что в якутском языке названий больше, а также на обилие названий деревьев рода ивовых и в русском, и в якутском языках. В якутском языке есть отдельные названия для молодых деревьев. В дальнейшем анализируем упоминания о различных деревьях в былинах и в олонхо, определяем, с чем или с кем они сравниваются, выявляем деревья, особенно значимые для той или иной культуры.

Таким образом, сопоставление лексики разных языков в процессе преподавания этнолингвистики открывает перед студентами многообразие языковых картин мира, способствует пониманию ценности культуры разных народов, воспитывает толерантность.

Литература

1. Булатова, Н.Д. Этнолингвистика в системе профессиональной подготовки специалистов по народной художественной культуре : дис. ... канд. пед. наук / Н.Д. Булатова. – Москва, 2003. – 162 с. // [http: www.dslib.net.ru](http://www.dslib.net.ru)
2. Кулаковский, А.Е. Научные труды / А.Е. Кулаковский. – Якутск : Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва : Русск. яз., 1986. – 797 с.
4. Русско-эвенкийский словарь / Б.В. Болдырева. – Новосибирск, 1994. – 498 с.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2008. – 264 с.
6. Эвенско-русский словарь / В.А. Роббек, М.Е. Роббек. – Новосибирск : Наука, 2004. – 356 с.
7. Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – Москва : Сов. энциклопедия, 1972. – 606 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мусалимас Сотери, доктор, профессор кафедры перевода Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Борм Ян, проректор по международным отношениям, доктор, профессор, директор магистратуры «Арктические исследования», Университет Версаль Сен-Кантен-ан-Ивлин (Франция)

Белолюбская Варвара Григорьевна, заведующая кафедрой северной филологии, кандидат филологических наук, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Романова Лидия Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий сектором литературоведения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Алексеева Любовь Романовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечной информационной деятельности и гуманитарных дисциплин, Арктический государственный институт культуры и искусств (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Ан Сан Чоль, доктор, профессор, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Егорова Кюнной Григорьевна, старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Борисова Изабелла Захаровна, доцент-исследователь, кандидат педагогических наук, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Винокурова Антонина Афанасьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры северной филологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Дятлова Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент, директор Института народов Севера, Югорский государственный университет

Куриков Владимир Михайлович, доктор экономических наук, заслуженный экономист РФ, академик РАЕН, советник председателя Думы ХМАО-Югры, Югорский государственный университет

Хакназаров Саид Хамдамович, кандидат геолого-минералогических наук, заведующий научно-исследовательским отделом социально-экономического развития и мониторинга, Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Кардашевская Лия Ивановна, старший преподаватель кафедры искусствоведения, ФГБОУ ВО Арктический государственный институт культуры и искусств (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Корнилова Мария Ильинична, главный научный сотрудник по музейно-образовательной деятельности, ГБУ РС (Я) «Музей музыки и фольклора народов Якутии» (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Макарова Алиса Николаевна, магистр Югорского государственного университета, специалист по бисероплетению Творческой лаборатории по декоративно-прикладному искусству, Институт народов Севера Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск)

Павлова Светлана Никифоровна, доцент кафедры перевода, Институт зарубежной филологии и регионоведения СВФУ, (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Борисова Диана Семеновна, студентка ПО-401-13, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Федорова Клавдия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Большакова Любовь Петровна, старший преподаватель кафедры английской филологии, аспирант, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Анисимов Руслан Николаевич, заведующий сектором «Эпическое наследие и современность», заместитель директора НИИ Олон-

хо, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии, Восточный институт, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия)

Борисов Юрий Петрович, заведующий сектором «Эпическое наследие и современность» НИИ Олонхо, аспирант ИЯКН СВ РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Васильева Акулина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Гатиатуллин Айрат Рафизович, кандидат технических наук, заведующий отделом, Институт прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан

Аюпов Мадехур Масхутович, научный сотрудник, Институт прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Татарстан)

Дьячковская Вилена Гаврильевна, старший преподаватель кафедры перевода, аспирант, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Малышев Константин Романович, младший научный сотрудник ООО «Многомерные технологии», г. Якутск

Мигалкин Василий Васильевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник ООО «Многомерные технологии» (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Наумова Елена Васильевна, старший преподаватель кафедры перевода, магистр лингвистики, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Находкина Алина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой перевода, Институт зарубежной фило-

логии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Попова Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, преподаватель курсов русского языка общества “Япония – Страны Евразии”

Тадагава Лео, председатель Японской Ассоциации Коукин (Варган), преподаватель Института этномузыкологии Токийского колледжа музыки (г. Токио, Япония)

Разумовская Вероника Адольфовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры делового иностранного языка, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Санжеева Лариса Цырендоржиевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Институт филологии и массовых коммуникаций, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия)

Хундаева Елизавета Очировна, доктор филологических наук, профессор, в.н.с. отдела литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия)

Анисимов Андрей Борисович, доцент, кандидат филологических наук, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Балясникова Ольга Вениаминовна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, сектор этнопсихологии, Институт языкознания Российской академии наук (г. Москва)

Уфимцева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН (г. Москва)

Бердникова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и риторики, филологический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Васильев Василий Васильевич, ассистент кафедры перевода, магистрант ИЗФиР, Институт зарубежной филологии и регионоведе-

ния, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Заморщикова Людмила Софроновна, заместитель директора по научно-исследовательской работе, кандидат филологических наук, доцент, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» (г. Мурманск)

Салимов Фарид Ибрагимович, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической кибернетики, Институт вычислительной математики и информационных технологий, Казанский федеральный университет; Научно-исследовательский институт «Прикладная семиотика» АН Республики Татарстан, в.н.с.

Баязитова Флера Саитовна, доктор филологических наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, в.н.с.

Салимов Рустем Фаридович, ассистент кафедры математической статистики, институт вычислительной математики и информационных технологий, Казанский федеральный университет, (г. Казань, Татарстан)

Санникова Инна Иннокентьевна, кандидат педагогических наук, ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», (г. Якутск, Республика Саха (Якутия))

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Мусалимас С.</i> Библия на якутском языке как пример перевода и межкультурного диалога	4
<i>Борм Я.</i> Жители тундры с французским темпераментом: ранние представления европейских исследователей о тунгусах и их репрезентация в переводах	14
<i>Белолобская В.Г.</i> Традиционная экологическая культура эвенов как один из главных составляющих культурного наследия народов Арктики.....	25
<i>Романова Л.Н.</i> Перевод в истории якутской литературы: методологические подходы (постановка проблемы).....	31

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: АРКТИКА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

<i>Алексеева Л.Р.</i> Лингокультуроведческий анализ на занятиях по иностранному языку как фактор гуманитарной подготовки студентов в контексте диалога культур.....	39
<i>Ан Сан Чоль, Егорова К.Г.</i> Эмотиконы в корейской кибер-коммуникации	45
<i>Борисова И.З.</i> Изучение языков народов севера Якутии в условиях города и формирование лидерских качеств по программе «Лидер XXI века» МБОУ СОШ № 38.....	53
<i>Винокурова А.А.</i> Нимкан в творчестве В. Лебедева	61
<i>Куриков В.М., Дятлова Т.А., Хакназаров С.Х.</i> Социально-экономические проблемы развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	69
<i>Кардашевская Л.И.</i> О некоторых межэтнических особенностях в музыкальном фольклоре русских старожилов Аллаиховского района.....	76
<i>Корнилова М.И.</i> Музей музыки и фольклора народов Якутии: экспонирование памятников устного нематериального наследия	81

<i>Макарова А.Н.</i> Текстобразующая категория «образ автора» в произведениях Ю.К. Вэллы	86
<i>Борисова Д.С., Павлова С.Н.</i> Вербализация концепта «помощь» на материале немецких и якутских народных сказок.....	92
<i>Федорова К.И., Большакова Л.П.</i> Этнокультурный контекст кинотекста как средство осуществления диалога культур (на примере фильма «OFELAS» (1987) Нильса Гаупа)	99

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СООБЩЕСТВ СЕВЕРА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И СОПОСТАВЛЕНИЯ

<i>Анисимов Р.Н.</i> Лексемы, обозначающие небесные светила и небесную сферу в составе фразеологизмов якутского языка	105
<i>Бадмацыренова Н.Б.</i> Проблемы перевода фразеологизмов в монгольской хронике 17 века «АЛТАН ТОБЧИ» Лувсанданзана.....	113
<i>Борисов Ю.П.</i> Проблема перевода ритмико-синтаксических параллелизмов якутского олонхо	120
<i>Васильева А.А.</i> О переводе на якутский язык алтайского героического эпоса “МААДАЙ-КАРА”	127
<i>Гатиатуллин А.Р., Аюпов М.М.</i> О разработке программного обеспечения для перевода среди близкородственных языков (тюркские языки)	133
<i>Дьячковская В.Г.</i> Сохранение национально-культурной специфики: к вопросу о переводе якутских реалий на английский язык.....	139
<i>Мигалкин В.В., Малышев К.Р.</i> Саха-русский компьютерный переводчик	145
<i>Наумова Е.В.</i> Вопросы лексической многозначности при переводе русских народных сказок	154
<i>Находкина А.А.</i> Способы перевода лакун-существительных в английском переводе якутского эпоса олонхо «НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» П.А. Ойунского	165
<i>Попова Н.М., Тадагава Л.</i> О трудностях транслитерации в переводе отрывка олонхо А. Соловьева «УОЛАН ДОХСУН» на японский язык	172
<i>Разумовская В.А.</i> Сказки народов Севера как хранилище культурной памяти и объект перевода.....	179

<i>Санжеева Л.Ц.</i> О специфике перевода бурятского эпоса «ГЭСЭР» на английский язык	186
<i>Хундаева Е.О.</i> Особенности перевода на английский язык бурятского героического эпоса «ГЭСЭР»	202

ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И СПЕЦИФИКИ ОБРАЗА МИРА В СЛОВАРЯХ

<i>Анисимов А.Б.</i> К вопросу о составлении и разработке эвенкийско-английского словаря	228
<i>Балясникова О.В., Уфимцева Н.В.</i> Значение как социокультурный феномен и его отражение в ассоциативной лексикографии	232
<i>Бердникова Т.А.</i> К вопросу о создании сводного корпуса лексики русских старожилов Якутии	238
<i>Васильев В.В.</i> Использование средств обработки языка в исследовании эпических текстов	244
<i>Заморицкова Л.С.</i> Ассоциативная лексикография на материале якутского языка: перспективы лингвистических исследований	251
<i>Иванищева О.Н.</i> Принципы создания словаря исчезающего языка (на примере саамского языка)	258
<i>Мальшев К.Р., Мигалкин В.В.</i> Мобильное приложение «SakhaSpellerMobile» для проверки орфографии текстов на якутском языке	266
<i>Салимов Ф.И., Баязитова Ф.С., Салимов Р.Ф.</i> К задаче создания этнолингвистического словаря татарского языка	271
<i>Санникова И.И.</i> Сопоставление лексики разных языков в процессе преподавания этнолингвистики	278

Научное издание

**Культурное наследие традиционных сообществ
в контексте мировой цивилизации:
проблемы перевода и межкультурного диалога**

Материалы Всероссийской научной конференции
(с международным участием),
посвященной 60-летию юбилею СВФУ им. М.К. Аммосова

г. Якутск, 10-11 ноября 2016 г.

Редактор *К.А. Семенова*
Компьютерная верстка *Е.М. Егорова*
Оформление обложки *П.И. Антипин*

Подписано в печать 29.12.16. Формат 60x84/8.
Печ.л. 18,12. Уч.-изд.л. 22,65. Электронное издание. Заказ № 216.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета,
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5

Отпечатано в Издательском доме СВФУ